

Раздел 2

ФИЛОЛОГИЯ

Редакторы раздела:

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖАТКИН – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии (г. Пенза)

ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА ВЛАДИМИРСКАЯ – доктор филологических наук, профессор Алтайской академии экономики и права (г. Барнаул)

УДК 81'1:004. 522

Yermanova B.B. INTERRUPTION OF SPEECH AS A RESULT OF COMMUNICATION FAILURE. This article is devoted to the study of phenomena in speech communication as a «interruption», its characteristics and causes.

Key words: verbal communication, linguistic pragmatics, communicative roles change, interruption, communication failure.

Б.Б. Ерманова, магистр филологии, старший преп. каф. «Теория и практика иностранных языков и перевода» Инновационного Евразийского университета, г. Павлодар, E-mail: yermanova_bb@mail.ru

ПРЕРЫВАНИЕ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК СЛЕДСТВИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ НЕУДАЧИ

Статья посвящена вопросу изучения такого явления в речевой коммуникации как «прерывание», его характерным особенностям и причинам возникновения.

Ключевые слова: речевая коммуникация, лингвистическая прагматика, смена коммуникативных ролей, прерывание, коммуникативная неудача.

В последнее время возрос интерес к проблемам речевой коммуникации, связанным с развитием лингвистической прагматики, являющейся одной из перспективных областей исследования речи. Прагматика изучает речевую деятельность с позиций выявления взаимозависимостей между использованием языковых единиц и целеустановками говорящих. Успешность речевого общения определяется слагаемыми прагматического характера и достижением говорящим стратегической цели в условиях бесконфликтного речевого общения. С развитием общества, с усложнением общественных потребностей в речевую коммуникацию вовлекается широкий круг лиц, имеющих различный социальный статус, уровень образования и тому подобное. Как отмечает Т.Н. Ушакова, различие способов речевого взаимодействия в общении основывается не столько на личных склонностях человека, сколько на его роли в данной ситуации, его статусе, в том числе и гендерной принадлежности [1]. Характерной особенностью процесса общения является диалогический принцип построения, который предполагает распределение инициативы между партнерами, выполнение коммуникантами попеременно роли говорящего и слушающего.

По утверждению В.В. Богданова, механизм смены коммуникативных ролей является важнейшей составляющей процесса речевой коммуникации [2]. Главной идеей смены коммуникативных ролей является попеременное включение в процесс общения обоих участников диалога. Однако, это попеременное включение в разговор коммуникантов в большинстве случаев не реализуется, т.е. нередко инициатива в коммуникации принадлежит лишь одному из участников. В результате наблюдается такое явление в речевой коммуникации как «прерывание общения», которое можно отнести к разряду коммуникативных неудач.

Б.Ю. Городецкий определяет коммуникативную неудачу как такой сбой в общении, при котором речевые произведения не

выполняют своего предназначения [3]. Данное явление может также подразумевать под собой такие ошибки в коммуникации, как «непонимание», «недопонимание», «коммуникативный сбой», «коммуникативный дискомфорт», «коммуникативное несогласование» [4]. В речевом общении возникают непредвиденные или сознательно создаваемые препятствия, обусловленные несовместимостью коммуникативных интенций партнеров, которые могут завершаться коммуникативной неудачей.

Как отмечает Е.В. Пищикова [5], в речевой коммуникации выделяются два вида доминирования: 1) содержательное доминирование; 2) формальное доминирование. Содержательное доминирование представляет собой манипулирование содержанием высказываний, прозвучавших в ходе интеракции, основываясь на взаимодействии «своего» и «чужого», что ведет к развитию диалогической тактики. Формальное доминирование происходит посредством контроля над процессом говорения, чем длиннее высказывание, тем дольше говорящий удерживает инициативу говорения, доминируя в процессе взаимодействия.

Многие исследования показывают, что факт, когда один человек прерывает другого в процессе общения, нередко интерпретируется как попытка взять верх над собеседником, навязать свою точку зрения. Сам факт прерывания общения трактуется как угроза «потери лица» собеседника, как негативный речевой акт. Прерывание разговора само по себе рассматривается как невежливое и даже враждебное речевое действие. Прерывающий видится агрессором, а прерванный собеседник – невинной жертвой. В основе этого лежит предпосылка, что прерывание является нарушением, попранием чьего-либо права слова, демонстрацией власти, силы, попыткой доминировать в диалоге. Прерывание трактуется как одна из основных стратегий контроля диалога. В то же время это нарушение правил и принципов экспектации относительно правил смены коммуникативных ролей. Зарубежный лингвист А. Беннет говорит о пре-

рывании разговора, когда нарушаются права одного из говорящих (violating another speaker's right and obligations) [6]. Прерывание может иногда выражаться в излишней активности (агрессивности) включения в разговор. Общеизвестно, что важнейшим принципом коммуникации признается принцип коммуникативного сотрудничества, сформулированный американским логиком Г.-П. Грайсом. Данный принцип гласит: «Делай свой вклад в разговор на данной его стадии таким, как этого требует принятая цель или направление разговора, в котором ты участвуешь» [7]. В коммуникацию, следуя Принципу Кооперации Грайса, каждый должен внести свой вклад в соответствии с принятой целью и направлением общения. Соблюдение этого принципа обеспечивается постулатами общения: количества – высказывание должно содержать не меньше или не больше информации, чем требуется; качества – не говори того, что ты считаешь ложным или для чего у тебя нет достаточных оснований; релевантности – не отклоняйся от темы; манеры – выражайся ясно, кратко и последовательно. Нарушение одного из данных постулатов, неверное понимание коммуникативной ситуации, неправильная оценка отправителя информации и знания слушателя ведет к дискомфорту, а иногда и прерыванию общения. Чтобы говорить о прерывании разговора, необходимо владеть следующими знаниями о собеседниках и ситуации: тема и продолжительность разговора, как долго говорит каждый из участников, их взаимоотношения, как они относятся к факту прерывания, а главное – с какой целью один собеседник прерывает другого.

Прерывание собеседника можно наблюдать в нашей повседневной жизни, например, в процессе общения между начальником и подчиненным, врачом и пациентом, родителем и ребенком, мужчиной и женщиной и в других ситуациях. Например:

1) Босс (открывая дверь, Мерсову): Зайдите ко мне!

Мерсов: Хорошо, обязательно.

Встает, заходит в кабинет Босса.

Стоит перед ним, смотрит в пол, руки за спиной, сжаты в кулаки, нервничает.

Босс (откинувшись в кресле): Ты хорошо работаешь, ответственный... Мы открываем новый офис в Париже, и я считаю, что твои опыт и способности там пригодятся... Хочешь поехать в Париж, должность там даже с повышением?

Мерсов: Да мне и здесь, в общем-то, неплохо...

Босс (удивленно): Ты в своем уме? Ты знаешь, сколько человек сейчас на улице? Сплошные сокращения! Дефолт за дефолтом! Да, от желающих поехать отбоя не будет, тебе хотел доброе дело сделать. Ты что не хочешь уехать в нормальную страну, жить, как человек? Жизнь изменить, наконец?

Мерсов: Меняют жизнь те, кто несчастлив, а я всем доволен...

Босс (мрачнеет, злится): Выйди из кабинета... Нет в тебе ни честности, ни элементарного здравого смысла.

Здесь мы наблюдаем прерывание, когда коммуникант использует свой более высокий статус и прогоняет подчиненного, не желая продолжать с ним разговор.

2) – Почему ты так долго не звонил?

– Я не знал, что сказать. А теперь знаю.

– Говори!

– Вагон одиннадцать. Место 13. Завтра я в Москве. До завтра.

– Подожди!

– Все завтра (В. Токарева «Пять фигур на постаменте»).

Прерывание речевой коммуникации происходит посредством использования «телеграфного стиля», где употребляется только нужная информация, такая как «Вагон одиннадцать. Место 13»).

Прерывание трактуется зарубежным исследователем С. Марей как одна из стратегий контроля диалога: Interruption has little to do with beginning to make verbal sound while someone else is speaking, though, it does have to do with issues of dominance, control and showing interest and caring. С. Маррей говорит о прерывании разговора, когда один из участников неожиданно вводит новую тему, в то время как первый не дал никакого сигнала к смене темы [8]. Например:

1) – Я думаю, что ...

– Хочешь еще салата?

Этот простой обмен репликами показывает, каким сложным может быть общение. С одной стороны, хозяин или хозяйка должны предлагать гостям угощение, независимо от того, говорит

кто-то или нет. Но, с другой стороны, если постоянно прерывать беседу, чтобы предложить угощение, это, вероятно, будет трактоваться как нарушение прав говорящего. Прерывание можно рассматривать как явление в речевой коммуникации, противоположное поддержанию контакта.

На наш взгляд, прерывание речевой коммуникации может быть вызвано следующими причинами. Например:

● когда причиной может служить недоверие к передаваемой информации или раздражение говорящего;

По осмотре постели Дюковский отработовал:

– Ни кровяных, ни каких-либо других пятен... Свежих разрывов также нет. На подушке следы зубов. Одежда облитой жидкостью, имеющей запах пива и вкус его же... Общидный вид постели дает право думать, что на ней происходила борьба.

– Без вас знаю, что борьба! Вас не о борьбе спрашивают. Чем борьбу-то искать, вы бы лучше...

– Один сапог здесь, другого же нет налицо.

– Ну, так что же?

– А то, что его задушили, когда он снимал сапоги. Не успел он снять другого сапога, как...

– Понес! ... И почему вы знаете, что его задушили?

– На подушке следы зубов. Сама подушка сильно помята и отброшена от кровати на два с половиной аршина.

– Толкует, пустомеля! Пойдемте-ка лучше в сад. Вы бы лучше в саду посмотрели, чем здесь рыться... Это я и без вас сделаю. (А.П. Чехов. Шведская спичка). Прерывание речевой коммуникации осуществляет начальник, при этом происходит принижение достоинства подчиненного, отказ от выслушивания причин (Без вас знаю, что борьба! Ну, так что же? Понес!). Прерывая собеседника, начальник присваивает себе право последнего слова в разговоре, использует свое служебное положение, тем самым контролируя общение и доминируя в нем.

● смена темы;

1) Англичанка зевнула, переменяла червячка и закинула удочку.

– Удивляюсь, брат, я немало! – продолжал Грябов. – Живет дурища в России десять лет, и хоть бы одно слово порусски!.. Наш какой-нибудь аристократишка поедет к ним и живо по-ихнему брехать научится, а они... черт их знает! Ты посмотри на нос! На нос ты посмотри!

– Ну, перестань... Неловко... Что напал на женщину? (А.П. Чехов. Шведская спичка).

Прерывание речевой коммуникации выражается в форме положительного императива-приказа, тем самым происходит коррекция коммуникативного поведения собеседника (Ну, перестань!). Здесь мы наблюдаем такой стратегический вид общения как «выравнивание», для которого свойственны свобода, гармоничность и последовательность.

2) После разговора с Лаевским Самойленко все время от утра до обеда, несмотря на прекраснейшее настроение, чувствовал в глубине души некоторую тяжесть; ему было жаль Лаевского и хотелось помочь ему. Выпив перед супом рюмку водки, он вздохнул и сказал:

– Видел я сегодня Ваню Лаевского. Трудно живется человечку. Материальная сторона жизни неутешительна, а главное – психология одолела. Жаль парня.

– Вот уж кого мне не жаль! – сказал фон Корен. – Если бы этот милый мужчина тонул, то я бы еще палкой подтолкнул: тони, братец, тони...

– Неправда. Ты бы этого не сделал.

– Почему ты думаешь? – пожал плечами зоолог. – Я так же способен на доброе дело, как и ты.

– Разве утопить человека – доброе дело? – спросил дьякон и засмеялся.

– Лаевского? Да.

– В крошке, кажется чего-то не достает ... – сказал Самойленко, желая переменить разговор (А.П. Чехов. Дуэль).

В данном случае, говорящий прерывает речевую коммуникацию, стараясь сменить тему разговора (В крошке, кажется чего-то не достает...). Самойленко (хозяин дома) и фон Корен (постоялец) ведут разговор о Лаевском Иване. Фон Корен недолюбливает Лаевского. Он приводит много доводов его распущенности и безобразия. Затем, ему надоедает вести разговор о нем и он решает сменить тему.

● побуждение к совершению какого-либо действия.

1. Чубиков, его помощник и становой открыли дверь и нерешительно, один за другим, вошли в спальню. Их глазам

представилось следующее зрелище. У единственного окна стояла большая деревянная кровать с огромной пуховой периной. На измятой перине лежало скомканное, измятое одеяло. Подушка в ситцевой наволочке, тоже сильно помятая, валялась на полу. Заглянув под кровать, становой увидел десятка два пустых бутылок, старую соломенную шляпу и четверть водки. Под столиком валялся один сапог, покрытый пылью. Окинув взглядом комнату, следователь нахмурился и покраснел.

– Мерзавцы! – пробормотал он, сжимая кулаки.

– А где же Марк Иванович? – тихо спросил Дюковский.

– Прошу вас не вмешиваться! – грубо сказал ему Чубиков.

– Извольте осмотреть пол! (А.П. Чехов. *Шведская спичка*). Прерывание речевой коммуникации выражается в форме жесткого положительного императива-приказа «Прошу вас не вмешиваться!»). Прерывая собеседника, Чубиков констатирует окончание разговора (Извольте осмотреть пол!), высказывая в резкой форме словесный вызов собеседнику. При этом он использует свое социальное положение. Как «активный манипулятор» он достигает удовлетворения, опираясь на бессилие подчиненного Дюковского и контролируя его действия. Он применяет систему приказов, управляя людьми как марионетками.

2. Грябов снял сапоги, панталоны, сбросил с себя белье и очутился в костюме Адама. Отцов ухватился за живот. Он покраснел и от смеха и от конфуза. Англичанка задвигала бровями и замигала глазами... По желтому лицу ее пробежала надменная, презрительная улыбка.

– Надо остынуть, – сказал Грябов, хлопая себя по бедрам. – Скажи на милость, Федор Андреич, отчего это у меня каждое лето сыпь на груди бывает?

– Да полезай скорей в воду или прикройся чем-нибудь! Ско-тина! (А.П. Чехов. *Дочь Альбиона*). Федор Андреич прерывает речевое общение, констатируя окончание разговора (Да полезай скорей в воду или прикройся чем-нибудь!) и демонстрируя отсутствие интереса к сообщаемому.

Таким образом, под прерыванием речевого общения мы понимаем намеренное прекращение одним из коммуникантов речевого взаимодействия, осуществленное по прагматическим мотивам, относящееся к сфере неуспешной, незавершенной коммуникации. Ему противопоставляется завершенное речевое общение, которое заканчивается конвенциональными, общепринятыми способами: речевыми актами благодарности, прощания, пожелания и т.п.

Библиографический список

1. Ушакова, Т.Н. Речевое искусство // Психологическое обозрение. – 1995. – № 1.
2. Богданов, В.В. Речевое общение: прагматический и семантический аспекты. – Л., 1990.
3. Городецкий, Б.Ю. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. – Новосибирск, 1985.
4. Мустайоки, Арто Жанры речи и риски коммуникативных неудач // Жанры речи: сборник науч. статей. – М., 2012.
5. Пищикова, Е.В. Стратегии доминирования в аргументативном дискурсе: гендерный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Харьков, 2003.
6. Bennet, A. Interruptions and the Interruptions Processes. – 1981. – Vol. 4.
7. Грейс, П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16.
8. Murray, S. Towards a Model of Members' Methods for Recognizing Interruptions // Language in Society. – 1985. – Vol. 13.

Bibliography

1. Ushakova, T.N. Rechevoe iskusstvo // Psikhologicheskoe obozrenie. – 1995. – № 1.
2. Bogdanov, V.V. Rechevoe obshenie: pragmaticheskiy i semanticheckiy aspektih. – L., 1990.
3. Gorodeckiy, B.Yu. K tipologii kommunikativnihk neudach // Dialogovoe vzaimodeystvie i predstavlenie znaniy. – Novosibirsk, 1985.
4. Mustajoki, Arto Zhanri rechi i riski kommunikativnihk neudach // Zhanri rechi: sbornik nauch. statey. – M., 2012.
5. Pithikova, E.V. Strategii dominirovaniya v argumentativnom diskurse: genderniy analiz: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Kharjkon, 2003.
6. Bennet, A. Interruptions and the Interruptions Processes. – 1981. – Vol. 4.
7. Grayjs, P. Logika i rechevoe obshenie // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. – M., 1985. – Vihp. 16.
8. Murray, S. Towards a Model of Members' Methods for Recognizing Interruptions // Language in Society. – 1985. – Vol. 13.

Статья поступила в редакцию 06.04.13

УДК 820

Zhatkin D.N., Kruglova T.S. **WALTER SCOTT AND THE BRULLOVs**. The article is devoted to the comprehension of both biographical and creative interconnections between Walter Scott and Russian painters Alexander and Carl Brullov. Special attention is paid to Scott's estimation of Brullov's historic picture «The Last Day of Pompei» – one of his most distinguished work of art, and the details of creation of a pencil portrait of Walter Scott ordered by princess P.A. Golitsina (born Shuvalova) and done by Alexander Brullov in 1827; this was later engraved by S.F. Galaktionov and published in one of the first Russian editions of the English writer.

Key words: Walter Scott, international literal, historic and cultural ties, fine arts, tradition, 'Italian theme' in literature and art, intercultural communication.

Д.Н. Жаткин, д-р филол. наук, проф., зав. каф. перевода и переводоведения Пензенской гос. технологической академии, г. Пенза, E-mail: ivb40@yandex.ru; **Т.С. Круглова**, канд. филол. наук, доц. кафедры перевода и переводоведения Пензенской гос. технологической академии, г. Пенза, E-mail: tatjana.sk@mail.ru

ВАЛЬТЕР СКОТТ И БРЮЛЛОВЫ*

Статья посвящена осмыслению биографических и творческих взаимосвязей английского поэта Вальтера Скотта и русских художников Александра и Карла Брюлловых. Особое внимание уделено оценке Вальтером Скоттом одного из наиболее значительных произведений Карла Брюллова – исторической картины «Последний день Помпеи», обстоятельству создания Александром Брюлловым в 1827 г. по заказу княгини П.А. Голицыной (урожденной Шуваловой) карандашного портрета Вальтера Скотта, впоследствии гравированного С.Ф. Галактионовым и публиковавшегося в первых российских изданиях произведений английского писателя.

Ключевые слова: Вальтер Скотт, международные литературные и историко-культурные связи, изобразительное искусство, традиция, «итальянская тема» в литературе и искусстве, межкультурная коммуникация.

Изучая проблемы русско-западноевропейских литературных и культурных связей, невозможно обойти стороной так называемую «итальянскую тему». Именно в Италии происходили встречи многих выдающихся представителей русской культуры с их западноевропейскими соотечественниками. Итальянская тема значительна для творчества русских писателей, в связи с чем можно говорить о «римском», «венецианском», «неаполитанском» тексте русской литературы. Невозможно переоценить ту роль, которую сыграла Италия в судьбах Н.В. Гоголя, М. Горького. Итальянские виды представляют особую тематическую группу пейзажей русских художников, имеющих характерные типические черты.

Братья Александр и Карл Брюлловы, направленные в Италию в августе 1822 г. на средства Общества поощрения художников, вступили в качественно новый этап своей творческой жизни. В частности, Карл Брюллов начал свою работу в Риме с изучения античной скульптуры, ватиканских фресок Рафаэля. Молодого русского художника поразили в великих итальянцах отсутствие манерности, стремление к отображению в художественном творчестве максимально полной жизненной правды. Отступая от условной красоты форм, Брюллов считал необходимым искать предположенного разнообразия в формах простой природы. Так были созданы пронизанные радостью жизни картины «Итальянское утро», «Девушка, собирающая виноград в окрестностях Неаполя», «Итальянский полдень». В 1833 г. Карл Брюллов завершил в Италии свое самое значительное произведение – историческую картину «Последний день Помпеи», над которой работал свыше шести лет. Создание этого полотна, воссоздавшего трагедию римского города, погибшего при извержении Везувия, потребовало от художника обращения к письмам Плиния Тациту, участия в раскопках Геркуланума и Помпеи. В сюжете из античной истории Брюллов уловил глубинную черту, созвучную романтизму. Это идея глобальной гибели цивилизации. Богатая, прекрасная, она умирает так драматично: рушатся дворцы, падают статуи, небо в страшных черных тучах охвачено пламенем, комья земли сливаются в сплошной черный дождь. И в этот страшный миг катастрофы люди полны благородства, самопожертвования. Их лица и позы антично прекрасны.

Успех картины Карла Брюллова в Италии был доселе неслыханным. Итальянские города, где картина была выставлена, устраивали художнику торжественные приемы. Именно в это время, за год до своей смерти, в Италию приехал, чтобы подлечиться, великий английский писатель Вальтер Скотт. В воспоминаниях М.И. Железнова сохранилось такое описание римской встречи Вальтера Скотта и Карла Брюллова: «Большой Вальтер Скотт приехал в Рим, когда мастерская Брюллова была уже закрыта для публики. Поэтому к Брюллову явилась депутация, состоящая из английских художников, просить, чтобы он на другой день позволил Вальтеру Скотту взглянуть на Помпею. Вальтер Скотт пробыл в мастерской Брюллова более часа» [1, с. 559]. Сильное впечатление английского писателя от посещения мастерской русского художника было передано в 1833 г. в «Северной пчеле»: ««Последний день Помпеи» → такое произведение <...>, о коем великий Вальтер Скотт, в бытность свою в Риме, заметил, что это истинная поэма» [2, с. 1092]. Как видим, несмотря на отдельные незначительные нюансы, общая установка на безоговорочное признание достижения русского художника передана авторами обеих публикаций вполне однозначно. Скульптор Н.А. Рамазанов, хорошо знавший Карла Брюллова, замечал: «Известно, что Вальтер Скотт, увидев эту картину <«Последний день Помпеи»>, назвал ее эпопеей; по этому поводу сам Брюллов говаривал не раз: «Вот у меня так был посетитель – это Вальтер Скотт; просидел целое утро перед картиной; весь смысл, всю подноготную проник» [3, с. 185].

Многочисленные итальянские журналы с восторженными описаниями «Последнего дня Помпеи» предвещали возвращение Карла Брюллова на родину в 1835 г. Его встречали как триумфатора. В Академии был устроен роскошный праздник возле картины, которую привезли раньше. Толпа ликовала, все мечтали попасть к нему в ученики. На Брюллова возложили лавровый венок, он снял его и увенчал им своего учителя Андрея Иванова.

Знакомство В. Скотта с художником Александром Брюлловым произошло в Париже в 1827 г., причем последнему удалось сделать карандашный портрет великого современника. Вот как рассказывал об этом сам Александр Брюллов в отправленном из Парижа письме к отцу: «На сих днях мне случилось нарисовать маленький портрет с Вальтер Скотта самым необыкновен-

ным образом. Для него княгиня Голицына сделала вечер и пригласила меня воспользоваться сим случаем, если можно, сделать его портрет так, чтобы он этого не знал; я попробовал и, как все говорят, успел совершенно, даже говорят, что ни один из существующих портретов так не похож, как мой; если время позволит, то я налитографирую и пришло с первым случаем несколько экземпляров в Петербург» [4, с. 114].

Об этом портрете также сообщал в 1827 г. «Московский вестник» в «Отрывках из письма»: «...На прошедшей почте получили вы портрет В. Скотта; мы с нетерпением ждем того номера «Московского вестника», который им будет украшен. Этот портрет имел два достоинства: во-первых, за верность его можно поручиться, во-вторых, он рисован с натуры одним из известнейших наших молодых художников, Александром Брюлловым <...>. С В. Скоттом сошелся он в Париже и в первый раз его увидел, как слышно, у графини Шуваловой <П.А. Голицыной, урожд. Шуваловой> на бале, данном нарочно в честь английского романиста» [5, с. 207]. Впоследствии С.Ф. Галактионов гравировал портрет Вальтера Скотта работы Александра Брюллова; этот портрет был помещен в трех прижизненных русских изданиях английского романиста [см.: 6, с. 641]: «Карл Смелый, или Анна Гейерштейнская» (СПб., 1830) [7], ошибочно приписанной Вальтеру Скотту повести «Густав Вальдгейм, или Преступник поневоле» (М., 1824) [8] и книге «Картина французской революции, служащая вступлением к жизни Наполеона Бонапарте» (СПб., 1833) [9].

Упомянутая в журнальной статье Прасковья Андреевна Голицына, урожденная Шувалова, жила в Париже в 1820-е гг. вместе со своим сыном М.М. Голицыным и его женой Марией Аркадьевной, урожденной Суворовой. В ее гостиной можно было встретить Шатобриана, Лагарпа, знаменитых иностранцев. Именно там состоялось знакомство Вальтера Скотта и Фенимора Купера, причем последний так рассказывал о русской княгине: «Княгиня <...>, с которой я имею честь быть в дружеских отношениях, обещала дать мне возможность встретиться у нее с великим писателем, так как она решила во что бы то ни стало познакомиться с ним до того, как он покинет Париж <...>. Княгиня сдержала свое слово, и после того, как ей удалось встретиться с ним <В. Скоттом>, она любезно дала ему мой адрес» [10, р. 182–183]. Точную дату этой встречи можно определить по дневниковой записи В. Скотта от 3 ноября 1826 г. [11, vol. 1, p. 231].

В свете сказанного получает обоснование интересное свидетельство – письмо, отправленное Ф. Купером В. Скотту из Парижа в сентябре 1827 г. и напрямую касающееся портрета работы Александра Брюллова: «Наша общая знакомая и ваша большая поклонница кн. Голицына только что уехала в Петербург. Она заказала сделать гравюру с вашего портрета, который мисс Скотт нашла столь необыкновенно схожим. Таким образом, Вы фигурируете в новом виде в парижских витринах» [12, р. 304]. В целом портрет работы Брюллова мало известен в Великобритании, о чем может свидетельствовать, в частности, отсутствие упоминания о нем в статье Д. Мельдрума [13, р. 77–86].

Исторические романы и баллады Вальтера Скотта, наряду с отдельными произведениями его друга и современника Томаса Мура, оказали существенное воздействие на архитектурно-эстетические вкусы современников – как в Западной Европе, так и в России [см. об этом: 14, с. 87–89; 15, с. 3–6; 16, с. 160–164; 17]; число «готических» построек и их популярность росло, также как и степень приближения к оригинальной готике. «Вальтер Скотт первый отряхнул пыль с готической архитектуры и показал свету все ее достоинство. С того времени она быстро распространилась, – отмечал Н.В. Гоголь. – Могуственным словом Вальтера Скотта вкус к готическому распространился быстро везде и проникнул во все: еще не сделавшись великим, он уже сделался мелким: сельские домики, шкафы, ширмы, столы, стулья – все обратилось в готическое...» [18, с. 137]. Одна из интереснейших неоготических построек – дворец Воронцовых в Алушке – принадлежит английскому архитектору Эдварду Блору, консультировавшему В. Скотта в процессе перестройки его аббатсфордского замка.

В 1829 г. художник Федор Брюллов, брат Карла и Александра Брюлловых, сообщал в письме к последнему: «В Петербурге входит в большую моду все готическое. В Петергофе маленький дворец выстроен для императрицы Александры Федоровны в готическом вкусе, в Царском Селе – ферма; теперь граф Поттоцкий уже сделал столовую готическую и все мебели, и тому следуют уже все господа и рвутся за готическим <...>. У Мон-

феррана есть одно окно вставлено и на него смотреть приезжают разина рот, как на чудо <...>. Монферран ценит свое окно в 1300 <рублей>. Следственно ты можешь себе представить, на какой ноге gotique» [цит. по: 19, с. 198]. Впрочем, распространение неоготики в русской дворянской архитектуре было обусловлено не только умонастроениями, вызванными к жизни «могущественным словом» Вальтера Скотта, но и стремлением аристократии подчеркнуть свою привилегированность, характерную

знатность и древность рода, противопоставив их либеральным общественным процессам, нарождавшимся в новом XIX веке.

* Статья подготовлена в рамках реализации проекта по гранту Президента РФ МД-2112.2013.6 «Текстология и поэтика русского художественного перевода XIX – начала XXI века: рецепция поэзии английского романтизма в синхронии и диахронии».

Библиографический список

1. Железнов, М.И. Заметка о К.П. Брюллове (из воспоминаний) // Живописное обозрение. – 1898. – № 27; № 28; № 30; № 31; № 32; № 33. (30 нояб.); № 274 (1 дек.); № 275 (2 дек.); № 279 (5 дек.).
2. Рамазанов, Н.А. Материалы для истории художеств в России. – М., 1863. – Кн. I.
3. Архив Брюлловых / ред. и примеч. И.П. Кубасова. – СПб., 1900. – VIII.
4. Очерки из письма // Московский вестник. – 1827. – Ч. 5. – № 1.
5. Оболянинов, Н.А. Каталог русских иллюстрированных изданий. 1725 – 1860 гг.: в 2 т. – М., 1915. – Т. 2.
6. Скотт, В. Карл Смелый, или Анна Гейерштейнская, дева мрака / В. Скотт; пер. [с англ.] С. де Шаплета. – СПб., 1830. – Т. 1 – 5.
7. Скотт, В. Густав Вальдгейм, или Преступник поневоле. Истинное происшествие, взятое из записок одного молодого гусара / В. Скотт; пер. с франц. А. П-ва. – М., 1824. – Т. 1 – 2.
8. Скотт, В. Картина Французской революции, служащая вступлением к жизни Наполеона Бонапарте / В. Скотт; пер. с англ. С. де Шаплета. – СПб., 1833. – Т. 1 – 4.
9. Cooper, J. F. Recollections of Europe / J. F. Cooper. – Paris: J. Smith, 1837.
10. The Journal of Sir Walter Scott. The text rev. from a Photostat in the Nat. Library of Scotland: In 3 vol. / Foreword by W. Parker; preface by J. Tait. – Edinburgh: Oliver & Boyd, 1939 – 1946. – Vol. 1 – 3.
11. The Private Letter-Books of Sir Walter Scott. Selections from the Abbotsford Manuscripts / Ed. by W. Partington. – London: Hodder & Stoughton, 1930. – XIV.
12. Meldrum, D. Scott in Portraiture / D. Meldrum // The Sir Walter Scott Quarterly. – 1927. – № 2.
13. Жаткин, Д.Н. Традиции Томаса Мура в русской прозе 1820 – 1830-х гг. / Д.Н. Жаткин, Т.А. Яшина // Альманах современной науки и образования. – 2007. – № 3-1.
14. Жаткин, Д.Н. «Лебедь Авзонии» // Русская речь. – 2008. – № 1.
15. Жаткин, Д.Н. К.К. Павлова как переводчик шотландской баллады Вальтера Скотта «Noras Vow» / Д.Н. Жаткин, Т.А. Яшина // Гуманитарные исследования. – 2011. – № 1 (37).
16. Рейзов, Б.Г. Творчество Вальтера Скотта. – М.; Л., 1965.
17. Гоголь, Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. – М.; Л., 1952. – Т. 12. Письма 1842 – 1845.
18. Александрова, Е. Шуваловский парк // Наше наследие. – 2007. – № 83/84.

Bibliography

1. Zheleznov, M.I. Zametka o K.P. Bryullove (iz vospominaniy) // Zhivopisnoe obozrenie. – 1898. – № 27; № 28; № 30; № 31; № 32; № 33. (30 noyab.); № 274 (1 dek.); № 275 (2 dek.); № 279 (5 dek.).
2. Ramazanov, N.A. Materiali dlya istorii khudozhestv v Rossii. – M., 1863. – Kn. I.
3. Arkhiv Bryullovikh / red. i primech. I.P. Kubasova. – SPb., 1900. – VIII.
4. Otrihvki iz pisma // Moskovskiy vestnik. – 1827. – Ch. 5. – № 1.
5. Oboljyaninov, N.A. Katalog russkikh illyustrirovannikh izdaniy. 1725 – 1860 gg.: v 2 t. – M., 1915. – T. 2.
6. Skott, V. Karl Smelihy, ili Anna Geyershteynskaya, deva mraka / V. Skott; per. [s angl.] S. de Shapleta. – SPb., 1830. – T. 1 – 5.
7. Skott, V. Gustav Valjdgeyjm, ili Prestupnik ponevole. Istinnoe proisshestvie, vzyatoe iz zapisok odnogo molodogo gusara / V. Skott; per. s franc. A. P-va. – M., 1824. – T. 1 – 2.
8. Skott, V. Kartina Francuzskoy revolyucii, sluzhathaya vstupleniem k zhizni Napoleona Bonaparte / V. Skott; per. s angl. S. de Shapleta. – SPb., 1833. – T. 1 – 4.
9. Cooper, J. F. Recollections of Europe / J. F. Cooper. – Paris: J. Smith, 1837.
10. The Journal of Sir Walter Scott. The text rev. from a Photostat in the Nat. Library of Scotland: In 3 vol. / Foreword by W. Parker; preface by J. Tait. – Edinburgh: Oliver & Boyd, 1939 – 1946. – Vol. 1 – 3.
11. The Private Letter-Books of Sir Walter Scott. Selections from the Abbotsford Manuscripts / Ed. by W. Partington. – London: Hodder & Stoughton, 1930. – XIV.
12. Meldrum, D. Scott in Portraiture / D. Meldrum // The Sir Walter Scott Quarterly. – 1927. – № 2.
13. Zhatkin, D.N. Tradicii Tomasa Mura v russkoy proze 1820 – 1830-kh gg. / D.N. Zhatkin, T.A. Yashina // Aljmanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya. – 2007. – № 3-1.
14. Zhatkin, D.N. «Lebedj Avzonii» // Russkaya rechj. – 2008. – № 1.
15. Zhatkin, D.N. K.K. Pavlova kak perevodchik shotlandskoy balladih Valjtera Skotta «Noras Vow» / D.N. Zhatkin, T.A. Yashina // Gumanitarihe issledovaniya. – 2011. – № 1 (37).
16. Reizov, B.G. Tvorchestvo Valjtera Skotta. – M.; L., 1965.
17. Gogolj, N.V. Polnoe sobranie sochineniy: v 14 t. – M.; L., 1952. – T. 12. Pisjma 1842 – 1845.
18. Aleksandrova, E. Shuvalovskiy park // Nashe nasledie. – 2007. – № 83/84.

Статья поступила в редакцию 27.03.13

УДК 81

Kuular E.M., Kuzhuget Sh.Yu. THE LEXICAL-SEMANTIC LEXICON OF FISHING IN THE TERE-KHOL DIALECT OF THE TUVAN LANGUAGE. This article examines the lexical-semantic lexicon of fishing in the Tere-Khol dialect of the Tuvan language.

Key words: Tuvan language, dialect, vocabulary, lexical-semantic group, classification, fish, fishing rod.

Е.М. Куулар, канд. филол. наук, доц. каф. тувинской филологии и общего языкознания Тувинского гос. университета, г. Кызыл, E-mail: kuular-e-m@mail.ru; **Ш.Ю. Кужугет**, аспирант каф. тувинской филологии и общего языкознания Тувинского гос. университета, г. Кызыл, E-mail: kuzhuget-sh@mail.ru

ЛЕКСИКА РЫБОЛОВСТВА В ТЕРЕ-ХОЛЬСКОМ ДИАЛЕКТЕ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА*

В статье рассматриваются лексико-семантические группы лексики рыболовства в тере-хольском диалекте тувинского языка.

Ключевые слова: тувинский язык, диалект, лексика, лексико-семантическая группа, классификация, рыба, удочка.

В последнее время активизируется интерес к исследованию отдельных тематических групп лексики языка, в частности, активно изучается рыболовецкая лексика. В тувиноведении лексика рыболовства не была объектом специального изучения. Целью данной статьи является выявление и исследование лексики рыболовства в тере-хольском диалекте тувинского языка, где наиболее развито промысловое рыболовство. Для достижения поставленной цели поставили перед собой задачу: собрать и систематизировать названия рыб и лексику рыболовства. Актуальность работы заключается в том, что изучение данной тематической группы необходимо не только в теоретической разработке проблемы, но и для создания диалектологических, отраслевых словарей тувинского языка, школьных учебников, также в практике преподавания тувинского языка в школе и вузе.

Особенности речи населения Тере-Хольского кожууна привлекали внимание многих ученых в разные годы. Существуют следующие точки зрения относительно речи тере-хольцев в диалектном отношении: переходный говор [1]; говор эрзинского диалекта [2]; говор III типа юго-восточного диалекта [3], тере-хольский диалект [4], подговор качико-тере-хольского говора юго-восточного диалекта [5]. Все это свидетельствует, что данный диалект является одним из наиболее ярких в системе диалектов и говоров тувинского языка.

Одним из отличительных черт в области лексики является своеобразие названий рыб и слов, относящихся к рыболовству. Данная работа написана на основе материалов, собранных авторами в процессе работы с информантами, а также почерпнут из картотеки, находящейся в учебно-методическом кабинете кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского государственного университета. В работе исследовано всего 117 номинативных единиц.

Рассмотрим основные термины, связанные с объектом рыболовства, и термины, называющие основные орудия труда рыбака. В свою очередь, эти лексико-семантические группы подразделяются на подгруппы.

1. Объект рыболовства

а) названия рыб по месту обитания

Самые многочисленные рыбы данной территории водятся в реках Балыктыг-Хем, Каргы, на озере Тере-Холь.

Местное население названий рыб по месту их обитания различают на два вида: *хөл палыктары* лит. *хөл балыктары* 'озерные рыбы' и *хем палыктары* лит. *хем балыктары* 'речные рыбы'. В данном диалекте названия рыб именуют также *суз аңнары* 'водяные звери', *суз амыттаннары* 'водяные животные'.

Так, к речным рыбам относят *пел* лит. *бел* 'таймень', *куу чаак* / *пелдиң оғлу* лит. *аныяк бел* 'молодой таймень', *мыйыт* 'ленок', *катырхы* лит. *кадыргы* 'хариус', *хем шереш* лит. *байлаң* 'малёк'. По словам информантов, речные рыбы обитают только в холодной проточной воде.

К озерным рыбам относятся *торуш* / *тооруш* лит. *шортан* 'щука', *ояр тооруш* лит. *улуғ шортан* 'самая большая щука', *тоңнаа* / *тыңнаа* / *тооруштуң оғлу* лит. *шортанның оғлу* 'маленькая щука', *калпак-палык* лит. *каълбак-балык* 'язь', *мосрай* / *моъзрай* / *калпак-палыктың оғлу* 'средний язь', *кысыл-атак* / *калпак-палыктың оғлу* лит. *кызыл-аъдак* 'маленький язь', *шереш* / *шелеш* лит. *мешке* 'пескарь', *месил* лит. *мезил* 'налим', *пүлтөгөне* / *мөлтөгөне* лит. *байлаң* 'маленькая рыба длиной семь-восемь сантиметров' и т.д. Эти рыбы обитают только в теплой воде, местные жители говорят, если речные рыбы попадут в озеро, то их головки червивеют.

Судя по имеющимся материалам, тере-хольцам известны довольно-таки много видов рыб, которых нет в других кожуунах Тувы. Это объясняется еще и тем, что искони рыба являлась одним из основных продуктов питания жителей юго-восточной Тувы.

б) названия рыб по размеру

Далее опишем различные мотивационные признаки, которые местное население пользуется при номинации рыб. В первую очередь рыб делят на *улуғ палыктар* лит. *улуғ балыктар*

'большие рыбы' и *биче палыктар* лит. *бичии балыктар* 'маленькие рыбы'.

К крупным рыбам они относят *пел* лит. *бел* 'таймень', *куу-чаак* лит. *аныяк бел* 'молодой таймень', *торуш* / *тооруш* лит. *шортан* 'щука', *ояр тооруш* лит. *улуғ шортан* 'самая большая щука', *мыйыт* лит. *мыйыт* 'ленок'. Тере-хольцы первым делом различают рыб по размеру: *улуғ палык* 'большая рыба', *бичешек палык* лит. *улуғ балык* или *ортумак палык* лит. *ортумак балык* 'средняя рыба' и *шерештер* лит. *байлаң* 'малыки'. Давая названия рыб, параллельно опишем их некоторые отличительные особенности от других.

Пел лит. *бел* 'таймень' – самая крупная рыба длиной 1 м. 20 см. и больше. По словам информантов, толщина таймени достигает по народным меркам тувинцев *дөңмек хире чоон* 'толщина рыбы как бедро у человека'. Особенность этой рыбы в том, что чешуя простым способом не очищается, поэтому снимают ее вместе с кожей. Обычно бывают серого окраса, с возрастом они становятся коричневатыми или рыжеватыми.

Куу-чаак лит. *бичии бел* 'букв. серые щеки' – маленький таймень длиной одного метра, с красноватой и коричневой чешуей.

Мыйыт лит. *мыйыт* 'ленок' – крупная рыба.

Катырхы лит. *кадыргы* 'хариус' – рыба среднего размера, но встречаются длиной по народным меркам *шенек хире узун* 'по локоть руки'.

Шереш лит. *шереш* 'сорога' – маленькие хариусы, их длина составляет по народным меркам тувинцев *карыш хире* 'расстояние между концами раздвинутых пальцев – среднего и большого'.

Тооруш / *торуш* лит. *шортан* 'щука' – крупная хищная рыба с плоской вытянутой головой и удлинённым телом.

Ояр лит. *улуғ шортан* – самая крупная щука длиной около метра.

Тыңнаа / *тоңнаа* лит. *бичии шортан* – маленькая щука.

Ак-палык / *сөөктүг палык* лит. *ак-балык* 'сиг' (букв. белая рыба) – костистая рыба.

Калпак-палык лит. *калбак-балык* 'язь' – крупные рыбы, водятся с крупными рыбами типа щук (*ояр*). Питаются маленькими рыбёшками как *шереш*, *мосрай*.

Кысыл-атак лит. *кызыл-аъдак* 'маленький язь' (букв. красная нижняя часть) – рыба среднего размера, у этих рыб нижние плавники постепенно становятся красноватыми.

Месил лит. *мезил* 'налим' – хищная рыба с пятнистой кожей и с очень твердой чешуей. Местные старожилы местного населения помнят еще о том, что раньше из чешуи налима тувинцы готовили узлы стен юрты.

Как показывает анализируемый материал, местное население владеет не очень большой информацией относительно рыб, видимо, им не очень-то важно знать такие подробности о рыбах. Об этом говорит ещё и отсутствие лексем, которые характеризовали бы наиболее полную систему мотивационных признаков, положенных в основу наименований рыб.

в) соматические названия рыб

Рассмотрим соматические названия рыб, т.е. лексемы, обозначающие части тела рыбы. Большинство органов рыб имеет названия общие с названиями человеческих органов, в речи носители диалекта иногда перед этими названиями употребляют слово *балык*. Так к внешним частям рыб относят головную часть: *палык башы* 'голова рыбы' или *баш* лит. *баъш* 'голова', *палык мээси* 'мозг рыбы' лит. *мээ* 'мозг', *карак* 'глаз', *кулак* 'ухо' (у рыб внутреннее ухо) *аскы* лит. *аъксы* 'рот', а также *касырык* лит. *казырык* 'рыбья чешуя', *кеш* лит. *кеъш* 'кожа', *кутурук* лит. *кудурук* 'хвостовой плавник' *чакпалар* лит. *чаъкпалар* 'плавники'. Плавников делят на *оорха чакпасы* лит. *оорга чаъкпазы* 'спинной плавник', *хөректиң болхаш ишиниң эшеш чакпалары* лит. *хөрек чаъкпалары*, *ижин чаъкпалары* 'грудные и брюшные парные плавники', *ишин атааның чакпасы* лит. *иъжин адааның чаъкпазы* 'анальный плавник'. Зафиксирован специфический,

узколокальный диалектизм *чылым*, так называют бере-хольцы слизь, делающую поверхность рыбы скользкой.

К внутренним органам рыб относят *танак* 'жабры' *хентирпе* / *хендирбе* лит. *оорга сөөгү* 'туловище, позвоночник', *ээхилер* лит. *ээгилер* 'рёбра', *кутурук* лит. *кудурук* 'хвост', *ишин-шөйтү* лит. *ишжин-шөйүндү* 'внутренности', *пүүрек* лит. *бүүрек* 'почки', *баар* / *паар* лит. *баар* 'печень', *чүрек* лит. *чүрек* 'сердце', *һөт* лит. *өт* 'желчный пузырь', *сыңгы* / *сыңый* лит. *сыңый* 'мочевой пузырь', названия органов размножения рыб – *үүрхөне* лит. *үүргөне* 'икра', *сүт* (букв. молоко) лит. *сүт* 'молоки рыб'.

Диалектную особенность в данных названиях составляют некоторые фонетические несоответствия от литературной формы слов.

2. Наименования орудий лова

В данной лексико-семантической группе зафиксированы номинативные единицы, называющие орудия лова, здесь же параллельно рассматриваются способы ловли рыб. В названиях рыболовных снастей входят наименования удочек, сетей и рыболовных снарядов. К удильным снастям относятся:

Сыырткыыш лит. *сыырткыыш* 'удочка' – рыболовная снасть – гибкая длинная палка, к которой прикреплена леса с крючком. В тувинском языке слово *сыырткыыш* многозначное: 1) крючок для рыбной ловли; 2) удочка. В речи бере-хольцев оно употребляется во втором значении.

Сыырткыыштаар лит. *сыырткыыштаар* – удить рыбу при помощи удочки, раньше это был самый распространенный способ ловли рыбы.

Спицка / *испицка* / *испицке* 'спиннинг' – рыболовная снасть, состоящая из удильника с катушкой и блесны. Отдельных частей спиннинга бере-хольцы называют на тувинский лад: *кадуушка* 'катушка' и *плеснаа* / *пилэзэна* 'блесна' – металлическая пластинка, к которой прикрепляют крючок для рыбной ловли. От этого же существительного образован глагол *спи-калаар* / *испи-калаар* – способ ужения спиннингом.

Холтаар / *холтап* *палыктаар* лит. *хол-биле балыктаар* – ловить рыбу без всяких снастей, что называется, голыми руками. По словам информантов, даже в настоящее время можно попытаться в быстрых каменистых реках ловить рыбу голыми руками, загоняя ее в щели между камнями, в углубления и промоины берега.

Древнейшим способом лова рыбы был *серээлээр* / *серээ-биле* *ишиктээр* 'ловить рыбу острогой' или *бишектээр* лит. *бий-жек-биле балыктаар* 'ловить рыбу ножом', это когда рыбу ловят при помощи специального орудия в виде вил или ножа. Пользовались еще такими орудиями как *илпек* лит. *илбек* 'самодельный крючок для вытаскивания рыбы из проруби', *тыртпа* 'рыболовный снаряд'.

Четки лит. *четки* 'сеть для рыбной ловли', *четкилээр* 'ловить рыбу с сетями'. Местные рыбаки сами вяжут сети из тонкой капроновой нитки, из бересты делают *халыткы* (от глагола *халы-* 'бегать, прыгать') / *поплывоок* 'поплавок', а из свинца – так называемое *курзило* / *крузило* 'грузило', завязывают специальным узлом *сүүткү* 'привязь рыболовной сети'. Маленькую сеть с мелкими ячейками в виде мешочка называют диалектизмом *ораашыр* букв. 'запутываться, путаться'.

Пара 'рыболовный рукав; сеть в виде рукава'.

Сал-пиле палыктаар лит. *сал-биле балыктаары* – ловля рыб с помощью плота, при этом для сплава скрепляются три или четыре еловых бревна. Вместо гребли пользуются *шөйгү*

или *иткииш* 'палка для отталкивания лодки', плоскую головную часть называют *молтурук* лит. *молдурук*. Эти термины употребляются только в речи бере-хольских рыбаков. Сама палка многофункциональна, ею можно управлять плотом, пугать рыб при ловле, загоняют их в брод, на мелкое место или в камыши.

Манаг (< от глагольной основы мана- 'ждать') лит. *манаг* 'зимняя ловля рыбы из проруби'.

Ойук лит. *дежик* – пробитое место во льду, 'прорубь для ловли рыбы', обычно в зимнее время года.

В данной лексико-семантической группе диалектную особенность составляют слова, заимствованные из русского языка и претерпевшие фонетические изменения под влиянием родного тувинского языка местных жителей, например, *испицка* / *испицке* 'спиннинг', *плеснаа* 'блесна', *курзило* 'грузило'.

3. Другие слова, которые не вошли в вышеназванные лексико-семантические группы

а) места зимовки рыб

В речи бере-хольцев встречаются особые слова, которые указывают на места, где обычно зимуют рыбы, нами выявлено следующие наименования:

Тунчу лит. *дунчу* – косяк рыбы (скопившийся для зимовки), от этого слова образуется также глагол *тунчулаар* лит. *дунчулар* – зимовать, собравшись в кучу, *караал* или *доңмас кара-сулар* лит. *кара-суг* – незамерзающие ключи (источники), *хая баары* / *хая баар(ы)лаар* – зимовать в глубоких ямах в передних частях скал, *дөстөр баар(ы)лаар* – зимовать в местах, сильно заросших водной растительностью.

б) названия рыбных блюд

Местные жители из больших рыб готовят разного рода пироги, пермячи, котлеты, пельмени, поэзы и другие блюда, известные под названиями *чайма* 'жаренные внутренности рыбы (обычно язя)', *ишиктээн палык* лит. *ыштаан балык* 'рыба', *туслук* 'рыбий рассол'. На зиму готовят так называемую *борша* – рыбную муку.

Встречаются также диалектизмы, которые не имеют параллелей в других диалектах и в литературном тувинском языке, например: *сокла* 'колотушка, используемая для глушения рыбы', *шомог* 'мешок для ловли рыбы', *доорпа* / *тоорпа* 'торба' – специальный ящик для хранения улова, *моошка* – мелкая рыба, используемая в качестве наживки, приманка, *хөл сигени* 'нитчатые озерные водоросли', *хөл оту* в м. *хөл оёду* – подводная растительность, *батагана* / *бадагана* – мелкие комарики, летающие на поверхности озера и др.

Предварительный анализ рыболовной лексики в бере-хольском диалекте тувинского языка показал, что данная тематическая группа имеет в своем составе совокупность нескольких лексико-семантических групп. И следует отметить, что в работе они сгруппированы пока на основе классификации самих предметов и явлений, которые во многом зависело от уровня знаний носителей бере-хольского диалекта. В работе выявлены не все диалектные слова, относящиеся к рыболовной лексике, следовательно, в дальнейшем этот вопрос требует более тщательного и углубленного исследования.

Список информантов

1. Санчаа Григорий Бууратович, 1926 г., Бере-Холь.
2. Чигжит Михаил Сергеевич, 1964 г., Бере-Холь.

* Работа выполнена при поддержке внутреннего гранта ФГБОУ ВПО «Тувинский государственный университет» «Охотничья-рыболовная лексика в бере-хольском и тоджинском диалектах тувинского языка»

Библиографический список

1. Сат, Ш.Ч. О говоре населения Бере-Холья // Сборник научно-методических статей тувинского языка. – Кызыл, 1968.
2. Кунаа, А.Ч. О фонетических особенностях населения Эрзина // УЗ ТНИИЯЛИ. – Кызыл, 1973. – Вып. 14.
3. Бичелдей, К.А. Особенности звукового строя юго-восточного диалекта тувинского языка // Фонетика сибирских языков. – Новосибирск, 1985.
4. Серен, П.С. Бере-хольский диалект тувинского языка. – Абакан, 2006.
5. Куулар, Е.М. Юго-восточный диалект тувинского языка. – Кызыл, 2012.

Bibliography

1. Sat, Sh.Ch. O govore naseleniya Tere-Kholya // Sbornik nauchno-metodicheskikh statey tuvinskogo yazhka. – Kizhihl, 1968.
2. Kunaa, A.Ch. O foneticheskikh osobennostyakh naseleniya Ehrzina // UZ TNIIYALI. – Kizhihl, 1973. – Vihp. 14.
3. Bicheldej, K.A. Osobennosti zvukovogo stroya yugo-vostochnogo dialekta tuvinskogo yazhka // Fonetika sibirskikh yazhkov. – Novosibirsk, 1985.
4. Seren, P.S. Tere-khol'skiy dialekt tuvinskogo yazhka. – Abakan, 2006.
5. Kuular, E.M. Yugo-vostochniy dialekt tuvinskogo yazhka. – Kizhihl, 2012.

Статья поступила в редакцию 27.03.13

УДК 811.161.1 – 054.6

Rozova O.G., Chafonova A.G. **THE IMAGES OF GROOM AND BRIDE IN RUSSIAN AND DANISH LINGUOCULTURES.** This article is devoted to the contrastive description of national and cultural features of one of the aspect of the concept «a man and a woman» in Russian and Danish linguocultures – namely, the images of groom and bride. The article contains materials of dictionaries, the analysis of literary text (a tale by Hans Christian Andersen) and Russian and Danish proverbs.

Key words: Russian linguoculture, Danish linguoculture, linguoculturology, concept «man and women», image of groom, image of bride, national and cultural features, national-cultural specificity, culture, language.

О.Г. Розова, канд. филол. наук, доц. каф. межкультурной коммуникации Российского гос. педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, E-mail: olroz7@mail.ru; **А.Г. Чафонова**, магистр филологического образования, г. Санкт-Петербург, E-mail: porijoki@nextmail.ru

ОБРАЗЫ ЖЕНИХА (BRUDGOM) И НЕВЕСТЫ (BRUD) В РУССКОЙ И ДАТСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Статья посвящена контрастивному описанию национально-культурных особенностей одного из аспектов концепта «мужчина и женщина» в русской и датской лингвокультурах, а именно, образов жениха и невесты. Статья содержит данные словарей, анализ художественного текста (сказка Ганса Христиана Андерсена), а также русские и датские пословицы и поговорки.

Ключевые слова: русская лингвокультура, датская лингвокультура лингвокультурология, концепт «мужчина и женщина», образ жениха, образ невесты, национальные и культурные особенности, национально-культурная специфика, культура, язык.

В 1996 году в свет вышла книга под заглавием «Дания – Россия 500 лет», содержащая ряд статей датских историков и культурологов. Задачей книги было подведение итогов и выявление основных положений во многовековой истории взаимоотношений двух стран. В одной из статей (Петер Ульф Меллер «Каким они русские? Из истории датского менталитета» (Peter Ulf Müller «Hvordan russerne er. Et stykke dansk mentalitetshistorie») сказано следующее: «...Для датчан Россия продолжает оставаться незнакомой страной. Во всяком случае, в лексиконе современного датчанина существует словосочетание **«городок в России» («en by i Rusland»)**, которым он охотно пользуется, когда речь идет не только о чем-то неизвестном и непонятном, но и вообще не имеющем к нему отношения» [1, с. 104]. Фразеологизм **«en by i Rusland»** уже очень давно закрепился в датской культуре, однако, со временем образ России преобразился, культура России больше не «тайна за семью печатями» – всемирноизвестны великие русские писатели и композиторы, художники и поэты, политические деятели и т.д. Для русских же образ Дании прежде всего связан с образом северной страны, полной легенд и преданий, с поэтикой северной мифологии и с именем Ганса Христиана Андерсена.

Известно, что главным источником, дающим нам представление о культуре народов, являются различные тексты (для культуры, обладающих письменностью), особенности быта и традиций, а также культурные символы. В современном языкознании взаимная связь языка и культуры не вызывает сомнений, ибо каждый язык неотделим от культуры, которая составляет его содержательный аспект. Язык не только отражает современную культуру, но и фиксирует ее предыдущие состояния, передавая ее ценности от поколения к поколению.

Лингвокультурология как специфическая двунаправленная наука позволяет исследовать язык и культуру в их тесной взаимосвязи. Культура – сложное и противоречивое понятие, охватывающее практически все стороны жизни человечества. Культура каждого народа, национальная культура, представляет собой сложнейшую систему ценностей и представлений, хранит память об исторической судьбе народа и является тем трехмерным зеркалом, которое не только отражает в себе прошлое и настоящее народа, но и создает определенную проекцию будущего. Язык же становится неким ключом к этой сложной и противоречивой семантике культуры, позволяющим проникнуть в ее суть и структуру.

Концепт объединяет в себе язык и культуру. В процессе своего развития (от самого появления до современности) концепты постоянно накапливают особые представления и образы, поэтому становятся отражением не только современной действительности, современных культурных реалий, но и реалий прошлого,

формируясь под воздействием таких факторов, как религия и идеология, фольклор, национальная традиция и жизненный опыт, определенные системы ценностей и менталитет.

Данная статья опирается на данные, полученные в ходе проведения контрастивного лингвокультурологического анализа концепта «мужчина и женщина» в русской и датской лингвокультурах с целью выявления его национально-культурной специфики. Результаты этого анализа были верифицированы в ходе ассоциативного эксперимента (12 русскоговорящих и 6 датскоговорящих респондентов).

Лингвокультурологический анализ концепта представляет собой структурированное исследование концепта, реализующееся определенными языковыми средствами, как элемента национальной лингвокультуры в его связи с национальными ценностями и национальными особенностями этой культуры. Такой анализ предполагает движение «от языка к культуре» [2], при котором национально-культурная специфика проявляется в языке и раскрывается через язык.

Мировая культура по своей природе антропоцентрична. Это означает, что все аспекты культуры так или иначе соотносятся с понятием «человек». «Человек» является базовым понятием культуры и предстает в двух ипостасях – мужчина и женщина, а оппозиция «мужской – женский» является основополагающей в мировой культуре. Вот почему представляется возможным и даже целесообразным рассмотреть понятия «мужчина» и «женщина» как единого концепта, в котором данные понятия могут быть исследованы и интерпретированы в их тесной взаимосвязи.

Сегодня исследование концепта «мужчина и женщина» является само по себе актуальным, так как широко освещается современными лингвистами при гендерном подходе к лингвистическим исследованиям, где проблемы пола представлены как явление культуры. Кроме того, актуальность данного исследования обусловлена особенностью современных подходов к преподаванию русского языка как иностранного, широко использующих лингвокультурологические данные, отражающие не только языковую специфику, но и специфику быта, культуры и истории народов.

Образы жениха и невесты являются неотъемлемой частью предметно-образной составляющей концепта «мужчина и женщина» и представляют значительный интерес для его описания и исследования, а потому требуют к себе особого внимания.

Образ невесты (датск. brud) в датской лингвокультуре тесно связан с образом жены. Так, в качестве синонимов к слову *brud* выступают следующие номинации: 1. *kone* (жена); 2. *viv* (позтич. супруга, жена); 3. *ægteviv* (жена (законная)). Таким образом, для датчан невеста – это, прежде всего, «почти жена».

В историческом словаре датского языка [3] можно встретить следующее толкование слова *brud*: «женщина в день, когда она вступает в законный брак», другими словами, становится женой.

Слово *brud* обладает большой языковой релевантностью. У него множество производных: *brudebuket* (букет невесты), *brudekjole* (свадебное платье), *brudepart* (венчающаяся пара), *brudeslør* (фата), *brudedraft* (подвенечное платье), *brudefærd* (свадьба), *brudefølge* (свадебная процессия), *brudeudstyr* (приданое), *brudegave* (свадебный подарок) и, наконец, *brudgom* (датск. жених; производное от «*brud* + *gom*» (невеста (*brud*) + мужчина (*gom*)).

Если обратиться к примерам сочетаемости данного слова, то самыми распространенными можно назвать следующие: *yndig brud* (очаровательная невеста), *smukke brud* (красивая невеста), *vordende brud* (беременная невеста), а *hvid brud* (белая невеста) обозначает невесту, которая выходит замуж в белом платье согласно традициям церковного бракосочетания. Также часто встречается словосочетание *brud og brudgom* (невеста и жених), где невеста, что весьма примечательно, идет первой (до жениха). Известно, что, когда речь идет о лексических оппозициях, первый элемент всегда воспринимается как более значимый, немаркированный и превалирующий над вторым.

У слова же *brudgom* в современном словаре датского языка [4] приводится всего одно выражение – то же *brud og brudgom* (невеста и жених), что еще раз свидетельствует о меньшей языковой значимости слова *brudgom* в датской лингвокультуре.

Образы жениха и невесты интересно представлены в широкоизвестной сказке Ганса Христиана Андерсена «Дюймовочка» («Tommelise»), героиня, которой несколько раз оказывается в положении потенциальной невесты. Идеальные жених и невеста должны обладать определенным набором качеств, чтобы быть достойными своих избранников. В сказке Дюймовочка как раз представлена идеальной невестой: она красива, добра и хозяйственна. Надо отметить, что само понятие «невеста» в датской лингвокультуре является символом красоты, прекрасного. Можно привести такие поэтические примеры: «*Fuglen bygger Rede, og Skoven staar Brud*» («Птица вьет гнездо, и лес словно невеста (словно одет в праздничную одежду)» или «*Vaaren pynter Bøgen ud til Brud*» («Весна украшает бук как невесту»).

В качестве женихов поочередно выступают различные персонажи, каждый из которых представляет собой определенный тип более или менее достойного жениха. Первый жених Дюймовочки – сын старой жабы (некий «маменькин сынок»: «*Han var... lignede Ganske sin moder*» (Он выглядел совсем как его мать). Именно его мать присматривает ему невесту, сам он пассивен (автор даже подчеркивает это: «*Brekkeke*» – *det var alt, hvad sønnen kunne sige*» «Брекеке» – это было все, что мог сказать сын»), она же готовит жилище сыну и будущей невестке. Но Дюймовочка не хотела жить со страшной жабой, которая, что тоже показательно, жила бы с ними.

Позже Дюймовочка встречается с красивым белым мотыльком (*smukke hvid sommerfugl*), который окажется довольно невезучим женихом: почти тут же Дюймовочку у него похитит большой майский жук (*en stor oldenborre*). Майский жук, образ слабохарактерного жениха, считал Дюймовочку очень красивой, хотя она была не похожа на майских жуков. Но их будущую свадьбу разрушило «общественное мнение»: все остальные жуки (особенно женского пола) сочли Дюймовочку уродливой, в итоге так же стал думать и сам жук, продемонстрировав слабохарактерность и отсутствие своего собственного мнения.

Конечно, нельзя не сказать и еще об одном «видном» женихе – богатом кроте, которого взялась сватать за Дюймовочку полевая мышь, считавшая крота прекрасным мужем (датск. *dejligt mand*). Здесь важно подчеркнуть, что долгое время вместо слова *brudgom* (датск. жених) употреблялось ныне устаревшее *brudmand* (дословно *brud* (датск. невеста) + *mand* (датск. мужчина, муж, человек).

Образ жениха-крота описан так: «...*han var så rig og så lærd... hans huslighed var også over tyve gange større, end markmusens*» («...он был так богат и образован... а его жилище было более чем в двадцать раз больше, чем мышиное»), кроме того, он был скучный (*kedelig*), даже ужасный (*stygg*), а ведь Дюймовочка – еще совсем ребенок (*nydelige lille barn* (прелестный маленький ребенок).

Но, в конце концов, ее мужем становится цветочный ангел («*blomstens engel*»). Г.Х. Андерсен дает ему такую показательную характеристику: «*Ja det var rigtignok en mand, anderledes, end skruptudsens søn og muldvarpen...*» («Да, вот это был действительно муж, не то, что сын жабы или крот...») Здесь важно отметить, что слово *mand* имеет несколько значений: 1) мужчина; 2) муж и 3) человек, и автор умело обыгрывает эту особенность датского языка. Говоря о цветочном ангеле *rigtignok en mand*, Андерсен подчеркивает, что только он, в отличие от других «женихов», является как настоящим мужем и мужчиной, так собственно и человеком.

Таким образом, Ганс Христиан Андерсен предоставляет нам целую галерею женихов:

1. Несамостоятельный и глупый жабий сын;
2. Ветреный и неудачливый, хотя и красивый, мотылек;
3. Слабохарактерный и безвольный майский жук;
4. Богатый, но старый и ужасный крот;
5. Настоящий муж (мужчина, да и человек (только у него человеческое обличье) – цветочный ангел).

Получается, что настоящим достойным женихом может быть лишь человек, обладающий определенными качествами: так, например, он должен быть самостоятельным и решительным, *ведь, как говорят датчане, «Bange Hierte vandt aldrig fager Mø»* («Слабое сердце никогда не выигрывало прекрасной дамы»).

В русской лингвокультуре к образам жениха и невесты также предъявляется ряд требований, другими словами: не всякий посватавшийся – достойный жених, и не всякая девица – достойная невеста (будущая жена). Невеста (образ «девицы на выданье») должна обладать многими качествами, чтобы в будущем стать хорошей женой. Не зря невесте устраивали смотрины, на которых она должна была продемонстрировать свое умение вести домашнее хозяйство.

Своеобразные «смотрины невест» можно рассмотреть на примере русской волшебной сказки «Царевна-лягушка», где, правда, царь-отец устраивает эти самые смотрины не невестам, а уже женам своих сыновей, что не случайно – братья поплались дурными женами за поспешное решение, рано образовавшись богатству и знатности своих невест. Интересно, что царь последовательно узнает об умениях своих невесток: сначала узнает об их умении готовить и ткать – это главное, а потом уже зовет их показать свою красоту и манеры.

Но даже в женитьбе на самой добродетельной с виду девушке может таиться опасность: «*Девка красна до замужества*», «*Все девушки красны, все хороши, а отколь берутся злые жены?*», «*Девичья память, да девичий стыд – до порога: а переступила, так и забыла*» (ср. «у тебя память девичья»), «*Девичьи (женские) думы изменчивы*», «*Жаль девки, да не погубить бы парня!*», «*Девкой меньше, так бабой больше*», «*Женился раз – плачешь век*», «*Женился на скорую руку да на долгу муку*».

Так повелось, что в образах жениха и невесты женщина занимает менее «выигрышную» позицию – позицию выбираемой, а выбирающий чаще – жених: «*Хороша девка, не хороша славка*», «*Невеста не камешек – на берегу не выберешь*», «*Не покупай у ямщика лошади, а у вдовы не бери дочери: у ямщика лошадь изломана, а у вдовы дочь избалована*», «*Добрая жена, да жирные уши – другого добра не ищи*», «*Жену выбирай не глазами, а ушами (по славе)*», «*Добрая жена – веселье, а худая – злое зелье*».

В русской лингвокультуре за мужчинами закреплено многократно меньше отрицательных характеристик, нежели за женщинами. Так, мужчины иногда упрекаются в безделье (ср. *протирать брюки, пошел на собаках шерсть косить, пошел слоняться*, «*Что мне соха – давай балалайку*», «*Жена мелит, а муж спит, жена прядет, а муж пляшет*»), немного чаще в пьянстве (заложить за воротник, «*Послан для порядку, а воротился пьян*», «*Только бы пить да гулять да дела не знать*», «*Мужик год не пьет, и два не пьет, а как прорвет, так и все пропьет*»).

Интересно, что как для русской, так и для датской лингвокультур характерно противопоставление любви и денег (то есть брак по любви противопоставлен браку по расчету). И в данном случае оценки такому явлению, как «брак по расчету», которое кажется заведомо негативным, представляются вовсе неоднозначными: с одной стороны, любовь представляется достаточной для счастья, «не в деньгах счастье», важна сама любовь, возлюбленный, а не недостаток: «*Любовь крылата и без денег*

богата», «*Elsk mig lidt, elsk mig længe, men tag mig ej for mine penge*» («Люби меня мало, люби меня долго, но выходи за меня, а не за мои деньги»), «*He с богатством жить, а с человеком*», «*He с деньгами жить, а с добрыми людьми*». С другой стороны, любовь не всегда представляется достаточной для счастья, если нет материального достатка, и порой можно ею поступиться: «*Elskov uden penge varer ikke længe*» («Любовь без денег не бывает долгой»), «*Горе женится, нужда замуж идет*», «*Будь жена хоть коза, лишь бы золотые рога*».

Важной составляющей и яркой особенностью русской лингвокультуры являются образ суженого и мотив предназначенности мужчины и женщины друг другу. Мотив сужености не находит отражения в датской лингвокультуре. «*Посуленного год ждут, а суженого до веку*», «*Суженого не обойти, не объехать*», «*Много женихов, да суженого нет*», «*Суженого (и) конем (на коне) не объедешь*», «*Не расплетайте косы до вечерней росы; суженый придет, сам расплетет*», «*Судьба придет и по рукам свяжет (оженит)*», «*Смерть да жена – Богом суждена*». В отношениях между мужчиной и женщиной русская культура отменяет возможность случайности в выборе спутника (или спутницы) жизни, в выборе своей второй половины (ср. «*Холостой – пол человека*»), которая будет сопровождать человека в течение всего его жизненного пути, то есть сопутствовать.

Таким образом, в русской лингвокультуре мы обнаруживаем тесную взаимосвязь между двумя основополагающими концептами, концептом «мужчина и женщина» и концептом «судьба». В русско-датских словарях [5] слово «суженый» переводят на датский язык словом *tilkommende* (датск. будущий, предстоящий; будущий муж (жена)). Однако очевидно, что в данном случае о «судьбе» речь не идет, ведь суженый (суженая) – это не

просто будущий супруг или супруга, но именно тот единственный человек, который предназначен самой судьбой (судьба – суд – суженый).

Действительно, для русской лингвокультуры случайность в выборе мужа или жены практически невозможна. Однако, в то же время, как было сказано ранее, будущая жена и будущий муж так или иначе выбираются, «проходят отбор». Таким образом, в русской лингвокультуре в образах жениха и невесты рядом существуют реальность и идеал (образы суженого и суженой (идеальных возлюбленных) – народнопоэтические образы).

Итак, мы рассмотрели наиболее яркие особенности образов жениха и невесты в русской и датской лингвокультурах.

Первостепенной отличительной чертой русской лингвокультуры является мотив сужености и образы суженого и суженой, в которых отразились глубинные особенности мировоззрения русского народа, представляющего законы бытия тесно связанными с понятием «судьба». Для датской же лингвокультуры образы жениха и невесты, предназначенных друг другу судьбой, не характерны.

Интересной особенностью датской и русской лингвокультур оказываются и разные акценты в изображении образов жениха и невесты. Так, для датской лингвокультуры характерно представление невесты как всегда безупречной и прекрасной девушки, образ невесты в датской лингвокультуре поэтизирован, тогда как жених подвергается проверке и тщательному отбору, он должен обладать определенными качествами, чтобы быть достойным своей невесты. В русской лингвокультуре, наоборот, жениху отводится главная доминирующая роль, и, если мы (русские) говорим «*жених и невеста*», то датчане скажут «*brud og brudgom*» (датск. невеста и жених).

Библиографический список

1. Дания и Россия – 500 лет. – М., 1996.
2. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М., 2007.
3. Ordbog over det danske Sprog. Historisk ordbog der behandler dansk sprog fra 1700 til 1950 [Э/р]. – Р/д: <http://www.ordnet.dk>
4. Den danske ordbog. Modern dansk sprog [Э/р]. – Р/д: <http://www.ordnet.dk>
5. Большой русско-датский словарь. – М., 2001.

Bibliography

1. Dania i Rossia – 500 let. – М., 1996.
2. Kognitivnaya lingvistika / Z.D. Popova, I.A. Sternin. – М., 2007.
3. Ordbog over det danske Sprog. Historisk ordbog der behandler dansk sprog fra 1700 til 1950 [Eh/r]. – R/d: <http://www.ordnet.dk>
4. Den danske ordbog. Modern dansk sprog [Eh/r]. – R/d: <http://www.ordnet.dk>
5. Boljsjoj russko-datskijj slovarj. – М., 2001.

Статья поступила в редакцию 27.03.13

УДК 81.1: 81.246.2

Timoshenko E.I. GENRE DIFFERENTIATION OF TYPES OF FOREIGN INCLUSIONS IN ART TEXTS OF WRITERS-BILINGVOV. This article discusses the differentiation of foreign inclusions in the idiosyncratic space of the writer-bilingua as a reflection of his dualism of the real world.

Key-words: bilingualism, linguistic sign dualism, foreign inclusion, text, fiction text, bilingual.

Е.И. Тимошенко, аспирант Северо-Кавказский Федеральный университет, г. Ставрополь,
E-mail: Masbueno1@yandex.ru

ЖАНРОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТИТОВ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ ПИСАТЕЛЕЙ-БИЛИНГВОВ

В данной статье рассматриваются дифференциация иноязычных включений в идиостилевом пространстве писателя-билингва как отражение дуализма его мировидения.

Ключевые слова: билингвизм, двойственность языкового знака, иноязычное включение, текст, художественный текст, билингв.

Художественный текст обладает всеми важнейшими особенностями, присущими любому тексту, «тексту вообще», однако он несет в себе и специфические признаки, отличающие его от текстов нехудожественных. Художественный текст можно определить как консервативное, выражаемое и фиксируемое в единицах языка произведение литературного искусства, ха-

рактеризуемое имманентным наличием эстетической функции и стилистического параметра экспрессивности. Однако, художественный текст можно дифференцировать по литературным жанрам. Основываясь на одном из множества определений, литературные жанры — это группы произведений, выделяемые в рамках родов литературы. Каждый из них обладает опреде-

ленным комплексом устойчивых свойств. Жанры сложно систематизировать и классифицировать. Это обусловлено несколькими обстоятельствами: жанров довольно много: в каждой художественной культуре жанры специфичны (хокку, танка, газель в литературах стран Востока); жанры имеют разный исторический объем и являются либо универсальными, либо исторически локальными [1].

Рассмотрение жанров непредставимо без обращения к организации, структуре, форме литературных произведений. Об этом настойчиво говорили теоретики формальной школы. Так, Б.В. Томашевский назвал жанры специфическими «группировками приемов», которые сочетаются друг с другом, обладают устойчивостью и зависят «от обстановки возникновения, назначения и условий восприятия произведений, от подражания старым произведениям и возникающей отсюда литературной традиции». Признаки жанра ученый характеризует как доминирующие в произведении и определяющие его организацию [2, с. 206].

Роман принадлежит к эпическим жанрам литературы. Эпос – один из родов литературы, отражающий жизнь через рассказ о человеке и происходящих с ним событиях. Роман – литературный жанр, как правило, прозаический, который предполагает развернутое повествование о жизни и развитии личности главного героя (героев) в кризисный/нестандартный период его жизни. Из видов эпических произведений особенно распространенным в новое время является роман. Роман – крупный по объему и, как правило, прозаический жанр эпоса. В современном литературоведении существуют разные определения романа. Среди многих бытующих определений романа как одного из жанров литературы следует выделить следующие:

У Гроссмана, по определению, представленному в «Литературной энциклопедии», «роман – одна из свободных литературных форм, предполагающая громадное количество видоизменений и обнимающая несколько главных ответвлений повествовательного жанра. В новой европейской литературе под этим термином понимается обычно какая-либо воображаемая история, возбуждающая интерес в читателе изображением страстей, живописью нравов или же увлекательностью приключений, развернутых всегда в широкую и цельную картину. Этим вполне определяется отличие романа от повести, сказки или песни» [3].

На наш же взгляд, наиболее полное определение данного термина дает С.П. Белокурова, поскольку в нем отражены как структурные, так и содержательные характеристики романа как литературного жанра. «Роман – (от франц. roman – первоначально: произведение, написанное на одном из романских (т.е. современных, живых) языков, в противоположность написанному на латыни) – жанр эпоса: большое эпическое произведение, в котором всесторонне изображается жизнь людей в определенный период времени или в течение целой человеческой жизни. Характерные свойства романа: многолинейность сюжета, охватывающего судьбы ряда действующих лиц; наличие системы равнозначных персонажей; охват большого круга жизненных явлений, постановка общественно значимых проблем; значительная временная протяженность действия» [4]. Автор одного из словарей литературоведческих терминов правильно отмечает первоначальное значение, которое вкладывалось в это понятие, при этом указывая и современное его звучание.

Поскольку наша работа не ставит перед собой целью разграничение типов жанра романа по формальным литературным

признакам, то мы ограничимся дифференциацией его по тематическим характеристикам. В данном контексте различными типами жанра романа являются: социальный, политический, исторический, философский, психологический, любовный, семейно-бытовой, приключенческий, фантастический.

Задачей нашего исследования является рассмотрение творчества писателей-билингвов, таким образом, следует перейти к рассмотрению основных особенностей их авторского языка. Одной из ключевых особенностей творчества писателя-билингва, является наличие двойственности культурно-языкового континуума в его произведениях. Вследствие культурной и эстетической многослойности текста, произведения писателя-билингва довольно сложны для восприятия. По мере чтения можно встретить большое количество метатекстовых компонентов, отсылающих читателя к инокультурным и иноязычным объектам. С такой позиции логично предположить, что иноязычные включения, которые несвойственны системе основного языка повествования, затрудняют понимание текста. Однако, при детальном рассмотрении данной проблемы, можно заметить, что язык художественной литературы всегда отражает современное состояние национального языка. В таком случае большая часть иноязычных включений, должны быть понятны для носителя данного национального языка. Таким образом, множество иноязычных вкраплений в текстах произведений писателя-билингва являются зеркалом языковой культуры современности, которая имеет тенденцию ко все большему взаимопроникновению и межнациональной языковой интеграции. Рассмотрим иноязычные включения, характерные для того или иного типа жанра романа.

Иноязычные включения представляется возможным типологизировать по различным основаниям, однако, в нашем исследовании более целесообразно опираться на классификацию по признаку их функциональных особенностей. В этой связи следует выделить следующие типы иноязычных включений согласно функциям, выполняемым ими в художественном произведении. Функции иноязычных включений в художественном тексте можно условно разделить на языковые функции и стилистические. К языковым функциям интервключений можно отнести следующие: представление реалий изображаемой действительности; создание необходимого фона повествования и передача национального колорита; раскрытие характеров действующих лиц; раскрытие образа героя посредством его речевой характеристики; создание масштабных образов-символов; функция главного композиционного элемента художественного текста; уточнения сообщения о чужой стране, незнакомых нравах и обычаях. Стилистическими функциями иноязычных включений в свою очередь являются следующие: эмоционально-экспрессивная; экспрессивно-образная.

В зависимости от жанровой принадлежности произведения, в нашем случае, от тематических характеристик романа, эти функции могут быть использованы писателем и встречаться с различной частотностью и различных комбинациях. Языковые функции используются писателем-билингвом для построения композиции романа и введения в повествование отдельных его элементов, – таких, как персонажи, место действия, описание эпохи и ситуации. Стилистическим функциям в произведениях писателей-билингвов отводится роль выражения эмоций и передачи настроения повествования.

Библиографический список

1. Хализев, В.Е. Теория литературы. – М., 1999.
2. Томашевский, Б.В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие. – М., 1999.
3. Гроссман, Л. Литературная энциклопедия: в 11 т. – М., 1935. – Т. 9.
4. Белокурова, С.П. Словарь литературоведческих терминов. – М., 2005.

Bibliography

1. Khalizev, V.E. Teoriya literaturih. – M., 1999.
2. Tomashevskiy, B.V. Teoriya literaturih. Poetika: ucheb. posobie. – M., 1999.
3. Grossman, L. Literaturnaya ehnciklopediya: v 11 t. – M., 1935. – T. 9.
4. Belokurova, S.P. Slovarj literaturovedcheskikh terminov. – M., 2005.

Статья поступила в редакцию 06.04.13

УДК 811.512.1

Chertykova M.D. SEMANTIC SPACE «САҢЫС+VERB» AS A PART OF SEMANTIC GROUP THINKING VERBS IN THE KHA Kass. In article the steady combinations constructed on the scheme саҥыс+verb which form a separate micro-field as a part of semantic group of verbs of thinking are analyzed. On the general invariant meanings all of them are distributed in two semantic subgroups 1) the subgroup of steady combinations to a general meaning «to contain or fill up in memory information»; 2) the subgroup of steady combinations to a general meaning «to lose information».

Key words: Khakass, verb, thinking, semantics, steady combinations.

М.Д. Чертыкова, канд. филол. наук, в.н.с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского гос. университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: chertikova@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО «САҢЫС+ГЛАГОЛ» В СОСТАВЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ МЫШЛЕНИЯ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ*

В статье анализируются устойчивые сочетания, построенные по схеме **саҥыс+глагол**, которые образуют отдельное микрополе в составе лексико-семантической группы глаголов мышления. По своим общим инвариантным значениям все они распределены в две семантические подгруппы 1) подгруппа устойчивых сочетаний с общим значением «содержать или пополнять в памяти информацию»; 2) подгруппа устойчивых сочетаний с общим значением «терять информацию».

Ключевые слова: хакасский язык, глагол, мышление, семантика, устойчивые сочетания.

Системность лексики любого языка наиболее ярко отражается в семантических группировках слов, которые имеют иерархическую структуру, построенной по принципу уточнения категориально-лексической семы. Это есть лексико-семантические группы (далее ЛСГ), тематические группы, семантические поля или классы слов. Наиболее важными критериями при изучении глагольных групп являются построения общей теории ЛСГ, особенности функционирования глаголов в текстах, многоаспектная характеристика глагольной системы и т.п.

В тюркологии семантическую классификацию глаголов впервые составил Н.К. Дмитриев. Он выделил следующие семантические группы глаголов в татарском языке: глаголы речи, мышления, активного действия и движения [1]. Затем предпринимались попытки сгруппировать наиболее употребительные корневые и синтетические глаголы в казахском языке [2], в юго-западной группе тюркских языков [3] и др. В предложенных семантических классификациях выделены следующие наиболее общие семантические разряды: 1) глаголы движения; 2) глаголы действия; 3) глаголы речи; 4) глаголы, связанные с процессом мышления, зрения и слуха; 5) глаголы состояния. В тюркских языках Южной Сибири исследование системной глагольной лексики ведется недавно представителями Новосибирской научной школы (см. работы: Козырев Т.А., Саналова Б.Б., Салчак А.Я., Барыс-Хоо В.С., Чертыкова М.Д., Чугункова А.Н.) [4].

Цель статьи – выявить устойчивые сочетания, образованные по схеме «саҥыс+глагол», определить их семантику и границы их семантического пространства в составе ЛСГ глаголов мышления в хакасском языке. В ходе исследования данной ЛСГ в поле нашего зрения оказались устойчивые сочетания, построенные по схеме **саҥыс+глагол**, поскольку они часто употребляются в хакасском языке, характеризуя различные аспекты процесса мышления.

В ЛСГ глаголов со значением мышления мы включаем глаголы, а также устойчивые сочетания, обозначающие процесс мыслительной деятельности во всех его проявлениях и содержащие в своих значениях общую лексико-категориальную сему «думать» или «знать». Глаголы **саҥын** «думать» и **піл** «знать» являются вершиной (идентификаторами) ЛСГ глаголов мышления. Они по своей семантике идентичны идентификаторам ЛСГ глаголов интеллектуальной деятельности в алтайском языке. Б.Б. Саналова отмечает, что глаголы **санан** «думать», несущий в себе динамичный признак, т.е. обозначающий оперирование знанием, и **біл** «знать», которому свойственен статичный признак, т.е. обладание знанием, и их лексико-семантические варианты разделены на две подгруппы: 1) глаголы, объединенные по признаку «ситуация мыслительного – процесса», и 2) глаголы, объединенные по семантическому признаку «знание». Глаголы первой микрогруппы далее по признаку «целенаправленность мышления» разделены на две микрогруппы: 1) обозначающие мыслительные акты, результатом которых являются какие-либо внутренние объекты (суждения, умозаключения и т.д.),

и 2) обозначающие мыслительные акты, результатом которых являются какие-либо внешние объекты [5, с. 4]. Ведущее место глагола **санан** среди глаголов интеллектуальной деятельности в алтайском языке отмечает также А.Т. Тыбыкова [6, с. 138]. Как видим, хакасскому глаголу **саҥын** в алтайском языке соответствует глагол **санан**. Здесь мы наблюдаем сдвиг семантической нагрузки между этими глаголами. Глагол же **сана** в хакасском языке имеет более узкое значение «считать, полагать, умозаключать». В шорском языке глагол **саҥын** обозначает «тосковать, скучать», а глагол **санан**, как и в алтайском языке, выражает значение «думать».

Хакасско-русский словарь дает такое толкование глаголу **саҥынарҕа /саҥын/** 1) думать, мыслить; 2) думать, полагать, считать; 3) думать, собираться, намереваться; 4) думать, заботиться, беспокоиться о ком-л., чем-л.; 5) тосковать, скучать по кому-л., чему-л. [7, с. 427].

Богатую картину различных аспектов семантики мыслительного процесса в хакасском языке показывают глагольно-именные сочетания **саҥыс+глагол** «мысли, дума + глагол», тем самым они заполняют те семантические пустоты, которые не обозначены соответствующими глаголами мышления. Эти глагольно-именные сочетания **саҥыс+глагол** образуют некое поле со значением мышления, при этом составляя по своему морфологическому построению отдельную периферию в составе ЛСГ глаголов мышления. Следует отметить, что производное от глагола **піл** «знать» существительное **піліс** «знание», в отличие от **саҥыс** «мысли, дума», не образует устойчивых сочетаний.

В русском языке широко распространены устойчивые сочетания, выступающие синонимами одиночных глаголов, образованных на основе именного компонента сочетания (принимать участие – участвовать, выражать восхищение – восхищаться, отдать приказ – приказывать). «Воспроизводимые по традиции устойчивые сочетания выступают как готовые формулы для выражения мысли. Их стандартизированный характер позволяет экономить усилия пишущих и говорящих, упрощает процесс восприятия информации» [8, с. 6]. Рассматриваемые же нами устойчивые сочетания отличаются от подобных русских сочетаний тем, что они образованы все по одной схеме и не являются синонимами однокоренному глаголу **саҥын** «думать».

В Хакасско-русском словаре представлены следующие ЛСВ значения слова **саҥыс**: 1) ум, рассудок; 2) память; 3) мысль, дума; идея; 4) мысль, намерение, замысел; 5) забота, беспокойство; 6) тоска [9, с. 428]. Данное существительное зафиксировано и в древнетюркском словаре: **Saḡıñč** 1. мысль, дума, размышление; помыслы; 2. намерение; 3. забота, печаль [10, с. 486]. И отсюда следует, что данное существительное функционирует и в других тюркских языках Сибири, хотя с незначительными отклонениями в значении, например, в тувинском языке – **сагыш** *сущ.* тоска грусть, кручина [11, с. 252].

Собранный нами материал выдал 17 устойчивых сочетаний **саҥыс+глагол**. Однако в морфологическом образовании

только четырех из них участвуют вспомогательные глаголы: **сағыста тут** (букв. держать в мыслях), **сағыс чит** (букв. мысли доходить), **сағыста хал** (букв. оставаться в мыслях), **сағысха кир** (букв. вводить в мысли), **сағысха тяс** (букв. спускаться в мысли). Нужно отметить, что значения этих и остальных устойчивых сочетаний мотивированы от их буквального содержания. В целом же сочетание существительного **сағыс** с глаголами в основном дает значения, группирующиеся вокруг концепта «память». Исходя из этого, все устойчивые сочетания выделены нами на две большие семантические подгруппы: 1) подгруппа устойчивых сочетаний с общим значением «содержать или пополнять в памяти информацию»; 2) подгруппа устойчивых сочетаний с общим значением «терять информацию». Некоторые устойчивые сочетания внутри этих подгрупп находятся в отношении синонимичности.

1. В подгруппу с общим значением «содержать или пополнять в памяти информацию» включены следующие устойчивые сочетания:

Сағыста тут (букв. держать в мыслях). а) держать в мыслях, б) помнить, не забывать. *Че Сирток апсахтың чоогын сағыста тутчам, аат уғаа кидей хус, кизіні чагын кирбинче* – Но слова старика Сирток в мыслях держу (не забываю), что турпан – очень своенравная птица, человека не подпускает к себе близко. в) иметь намерение, намереваться. *Кулбизек чабал сағыс тут турган: пірее оңдайға киліссе, ат саларға Тасха Матырны* – Кулбизек намеревался пристрелить Тасха Матыра, если представится случай.

Сағыста хал (букв. оставаться в мыслях) а) оставаться в памяти, держать в памяти. *Сағыста халған кігіз туста хайдаг сохтанчың полғаныбыс* – Осталось в памяти, какие мы были шаловливые в детстве. б) помнить. *Аның пастағы көгелері минің сағызымда халған* – Я помню его первые стихи.

Сағыста тут (букв. держать в мыслях) и **сағыста хал** (букв. оставаться в мыслях) синонимичны по значению «помнить».

Сағысха кир (букв. входить в мысли). – «вспоминаться», «помниться». *Пала – хачан даа пала. Ічезі – пабыз, сағысха кірзе, ылғалча* – Ребенок – есть ребенок. Если вспомнятся родители, плачет. *Хызығып чуртаңнары сағысха кир килген* – Вспомнилось, как они жили бедно.

Сағысха кир (букв. вводить в мысли) вспоминать. – *Ачам мағаа гитаранаң ойначан, а мин сарнаңамын, – өрпіліг сағысха кирче* Андрей – [Мой] брат мне подыгрывал на гитаре, а я пел, – весело вспоминает Андрей. *Аннаң пеер полған на сай Наа чылны анда удурлааным сағысха кіредір* – С тех пор каждый раз мне вспоминается, как [я] там встречал Новый год, который отмечен Глагол **кир** – «вводить» – это каузативная форма глагола **кір** – «входить».

Сағыс (сағыс-көгіс) алғыт (букв. расширять мысли) расширять кругозор. *Че куннер ирткен сай, наадаң наа ла нимее учурал, сағыс-көгіс алғыдадыр* – Но с каждым днем, набираясь новых впечатлений, расширяет [свой] кругозор.

Сағысха түс (букв. спускаться в мысли) задумываться. *Полғаныбыс ла поэзияның алынча сағысха түсче* – Каждый из нас сам по себе задумывается. *Сағысха түскем істімде ноға за ол чалғызан?* – Я задумывался про себя, почему же он одинок?

Сағысха тартыл (букв. тянуться к мысли) склоняться к какой-либо мысли, принимать решение. *Саңай сағысха тартылыбысхан Кузьма Егорович* – Кузьма Егорович приходил к твердому решению.

Сағыс чит (букв. мысли доходить) додумываться. *Че хан-пиг ипчі хыйға полған, пайзаң хаңааларда чөрерінең, пасха даа нимее сағызы читчеткен* – Но царица была умная, она додумывалась не только до того, чтоб ездить в роскошных каретах, но и до других вещей. *Хайдаг чахсы ипчі мині азыраанын ноға-да соонаң даа пілерге сағызым чиптеен* – Почему-то я и после не додумался узнать, что за хорошая женщина меня кормила.

Сағыс алын (букв. брать [на себя] мысли) а) восстанавливать в памяти; б) прийти в себя, опомниться, собраться с мыслями; в) одуматься. *Ол, ипчі алып, иб тбстебеенде, сағыс алынмас* – Пока он, женившись, не создаст семью (букв. дом), не одумается.

Библиографический список

1. Дмитриев, Н.К. Глаголы речи в языках тюркской группы. Глаголы мышления. Глаголы действия. Глаголы движения // Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе. – М., 1952.
2. Кульмагамбетова, Б.Б. Аффиксальное образование глаголов в современном казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1956.

Сағыс хабын (букв. хвататься за мысли) одуматься. *Ол поэин поэи махтаан. Амды ол, сағыс хабынып, иң күстігіні тілеп парча* – Он сам себя хвалил. А теперь, одумавшись, ищет самого сильного.

II. В подгруппу с общим значением «терять информацию, память» включены следующие устойчивые сочетания:

Сағыс хызырыл (букв. мыслями уменьшаться) ослабевать память. *Ол тусты мин чахсы даа чоохтап полбасын, сағызым хызырылча ноза* – Я не смогу даже подробно рассказать о тех временах, у меня же память ослабевает.

Сағыс алчааста (букв. мыслями ошибаться) запоминать, быть забывчивым. – *Аның помилезі кем полдычың? – сағызым алчаастап, пазын пулғалча Доможаков* – Как же была его фамилия? – запямятуя, головой качает Доможаков.

Сағыста індеет (букв. мыслями опускаться) терять память. *Улуғланыбысханда, сағыстаң індеет сыххан ол* – Когда стал стареть, он стал терять память.

Устойчивые сочетания **сағыс хызырыл** (букв. мысли уменьшаться), **сағыс алчааста** (букв. мыслями ошибаться), **сағыстаң індеет** (букв. мыслями опускаться) находятся в отношении синонимичности по общему значению «ослабление памяти» и они обычно используются в отношении к людям пожилого возраста.

Следующие два устойчивых сочетания **сағыс чідір** (букв. терять мысли) и **сағыс сых** (букв. выходить мысли) также могут быть синонимичны к выше названным трем устойчивым сочетаниям по общему значению «ослабление памяти». Но в отличие от них **сағыс чідір** (букв. терять мысли) и **сағыс сых** (букв. выходить мысли) нейтральны к позиции субъективности, т.е. субъектом в их конструкции может выступать лицо и молодого и старшего возраста.

Сағыс чідір (букв. терять мысли) а) лишиться разума, рассудка; *Компьютер ле ойнап, сағыс чідірче таң* – То ли от игр в компьютере он теряет разум. б) терять сознание. *Хыс, көрбес нимені көріп, сағызын чідірген* – Девушка, увидев то, что не должна была видеть, потеряла сознание.

Сағыс сых (букв. выходить мысли) а) утрачивать способность соображать; б) сильно перепугаться чего-л. *Читтегі хыныс чүректі сіртлетче, илбек сіліні көріп, сағыс сыхча* – В молодости любовь заставляет сердце биться, при виде величественной красоты, теряешь способность мыслить. Следует отметить, ЛСВ значения **сағыс сых** (букв. выходить мысли) «сильно перепугаться чего-л.» выводит данное устойчивое сочетание за пределы ЛСГ глаголов мышления. При реализации в контексте ЛСВ «сильно перепугаться чего-л.» **сағыс сых** состоит в ЛСГ глаголов эмоции.

Сағыс тарат (букв. распространять мысли) а) отвлекаться от тяжелых мыслей; *Килнім, ахча чідір салып, тайгазар чистекке, сағыс тарадып, парыбысты* – [Моя] сноха, потеряв деньги, уехала в тайгу за ягодой, чтоб отвлечься от тяжелых мыслей.

б) пропагандировать какую-либо идею. При реализации в контексте данного ЛСВ устойчивое сочетание **сағыс тарат** может лишь косвенно относиться к ЛСГ глаголов мышления.

Таким образом, нами рассмотрено 17 устойчивых сочетаний, построенных по схеме **сағыс + глагол**. По своим общим инвариантным значениям все они распределены в две семантические подгруппы 1) подгруппа устойчивых сочетаний с общим значением «содержать или пополнять в памяти информацию»; 2) подгруппа устойчивых сочетаний с общим значением «терять информацию». Все эти устойчивые сочетания по своему морфологическому строению образуют некое семантическое поле в составе ЛСГ глаголов мышления. Все они частотны в речи, поскольку значения, выраженные ими, в хакасском языке не обозначены отдельными глаголами.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-04-00034а)

3. Кулиев, Г.К. Семантические группы глаголов (на материале юго-западной группы тюркских языков) // Советская тюркология. – Баку, 1975.
4. Козырев, Т.А. Лексико-семантическая группа эмотивных глаголов в тюркских языках Южной Сибири и казахском (в сопоставительном аспекте): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1999; Чугункова, А.Н. Глаголы движения в хакасском языке: учеб. пособие. – Абакан, 2002; Саналова, Б.Б. Глаголы интеллектуальной деятельности в алтайском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2004; Чертыкова, М.Д. Глаголы говорения в хакасском языке (системно-семантический аспект). – Абакан, 2005; Салчак, А.Я. Лексико-семантическая группа глаголов поведения в тувинском языке: в сопоставительном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2005; Барыс-Хоо, В.С. Лексико-семантическая группа глаголов движения в тувинском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2006.
5. Саналова, Б.Б. Глаголы интеллектуальной деятельности в алтайском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск. – 2004.
6. Тыбыкова, А.Т. Исследования по синтаксису алтайского языка. Простое предложение. – Новосибирск, 1991.
7. Хакасско-русский словарь. – Новосибирск, 2006.
8. Анохина, Т.Я. Русский язык и культура речи: курс лекций для студентов всех специальностей МГТУ. – М., 2006.
9. Хакасско-русский словарь. – Новосибирск, 2006.
10. Древнетюркский словарь. – Л., 1969.
11. Тувинско-русский словарь. – М., 1968.

Bibliography

1. Dmitriev, N.K. Glagolihi rechi v yazykhakh tyurkskoy gruppih. Glagolihi mihshleniya. Glagolihi deystviya. Glagolihi dvizheniya // Ocherki po metodike prepodavaniya russkogo i rodnogo yazykhov v tatarskoy shkole. – M., 1952.
2. Kulmagambetova, B.B. Affiksialnoe obrazovanie glagolov v sovremennom kazakhskom yazyhke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Alma-Ata, 1956.
3. Kuliev, G.K. Semanticheskie gruppih glagolov (na materiale yugo-zapadnoy gruppih tyurkskikh yazykhov) // Sovetskaya tyurkologiya. – Baku, 1975.
4. Kozhrev, T.A. Leksiko-semanticheskaya gruppa ehmotivnykh glagolov v tyurkskikh yazykhakh Yuzhnoy Sibiri i kazakhskom (v sopostavitel'nom aspekte): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 1999; Chugunokova, A.N. Glagolihi dvizheniya v khakasskom yazyhke: ucheb. posobie. – Abakan, 2002; Sanalova, B.B. Glagolihi intellektual'noy deyatel'nosti v altayjskom yazyhke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 2004; Chertikova, M.D. Glagolihi govoreniya v khakasskom yazyhke (sistemno-semanticheskij aspekt). – Abakan, 2005; Salchak, A.Ya. Leksiko-semanticheskaya gruppa glagolov povedeniya v tuvinskom yazyhke: v sopostavitel'nom aspekte: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 2005; Baris-Khoo, V.S. Leksiko-semanticheskaya gruppa glagolov dvizheniya v tuvinskom yazyhke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Novosibirsk, 2006.
5. Sanalova, B.B. Glagolihi intellektual'noy deyatel'nosti v altayjskom yazyhke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Novosibirsk. – 2004.
6. Tihbikhova, A.T. Issledovaniya po sintaksisu altayjskogo yazyhka. Prostoie predlozhenie. – Novosibirsk, 1991.
7. Khakassko-russkiy slovarj. – Novosibirsk, 2006.
8. Anokhina, T.Ya. Russkiy yazyk i kul'tura rechi: kurs lekciy dlya studentov vsekh special'nostey MGTU. – M., 2006.
9. Khakassko-russkiy slovarj. – Novosibirsk, 2006.
10. Drevnetyurkskiy slovarj. – L., 1969.
11. Tuvinsko-russkiy slovarj. – M., 1968.

Статья поступила в редакцию 04.04.13

УДК 820

Zhatkin D.N., Komarova E.V. ORIGINALITY INFLUENCE OF A.CH. SWINBURNE'S HISTORICALLITERARY WORKS ON THE DEVELOPMENT OF SOME WRITERS AND CULTURAL FIGURES IMAGES IN RUSSIA (ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN LITERARY CRITICISM OF THE LAST QUARTER OF THE XIX – THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY). The article is devoted to the analysis of the influence of the historical literary works of A.Ch. Swinburne on the development of some writers and cultural figures' images in Russia (W. Shakespeare, Sh. Bronte, Ch. Dickens, J.G. Byron). Although only a few literary and critical works of A.Ch. Swinburne were translated and published in Russia, his name can be found in articles of M.K. Tsebrikova, P.P. Muratov, M.P. Alekseev, devoted to the works of other writers and cultural figures. The most completed review of literary and critical works of A.Ch. Swinburne has been done by N.A. Vasilyev.

Key words: A.-Ch. Swinburne, Russian literary criticism, poetry, artistic translation, tradition, intercultural communication.

Д.Н. Жаткин, д-р филол. наук, проф., зав. каф. ПГТА, г. Пенза, E-mail: ivb40@yandex.ru;

Е.В. Комарова, преп. ПГУАС, г. Пенза, E-mail: kew84@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРУДОВ А.-Ч. СУИНБЕРНА НА РАЗВИТИЕ В РОССИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ПИСАТЕЛЯХ И ДЕЯТЕЛЯХ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКОВ)*

Статья посвящена анализу влияния историко-литературных трудов А.-Ч. Суинбёрна на развитие в России представлений об отдельных писателях и деятелях культуры, среди которых – У. Шекспир, Ш. Бронте, Ч. Диккенс, Дж.-Г. Байрон. Несмотря на то, что в России были переведены и опубликованы лишь немногие литературно-критические труды А.-Ч. Суинбёрна, его суждения о западноевропейской литературе, прочитанные на языке оригинала, использовались в статьях М.К. Цебриковой, П.П. Муратова, М.П. Алексеева, других литературоведов и литературных критиков последней четверти XIX – первой трети XX в. Наиболее полный обзор литературно-критической деятельности А.-Ч. Суинбёрна был предпринят в 1909 г. Н.А. Васильевым.

Ключевые слова: А.-Ч. Суинбёрн, русская литературная критика, поэзия, художественный перевод, традиция, межкультурная коммуникация.

Из многочисленных литературно-критических трудов А.-Ч. Суинберна в России были переведены и опубликованы в 1903 – 1909 гг. лишь три небольшие критические заметки, посвященные шекспировским пьесам – «Король Лир» [1, с. 229-234], «Король Ричард II» [2, с. 162-169] и «Отелло» [3, с. 75-81]. Вместе с тем наиболее значительные произведения Суинберна о Шекспире – книги «Изучение Шекспира» («A Study of Shakespeare», 1880) и «Возраст Шекспира» («The Age of Shakespeare», 1908) – были хорошо известны российским шекспироведам на языке оригинала. Н.И. Стороженко, подчеркивая значимость сонетов Шекспира как источника сведений о внутренней жизни самого поэта, отмечал, вслед за И.-В. Гете, что «в них нет ни одной буквы, которая не была бы пережита, пережитой и выстрадана». После чего указывал, что «к такому же заключению пришел совершенно самостоятельно Вордсворт, за которым последовали Кольридж, Платен, Свинбурн, Теннисон, Виктор Гюго и др.» [4, с. 321]. Н.К. Бокадоров, хотя и не упоминал Суинберна в основном тексте своего курса «Истории западноевропейской литературы XVI – XVII вв.», но пользовался его книгой «Возраст Шекспира», что нашло отражение в библиографии [5, с. III].

Исследования Суинберна о Шекспире, наряду с трудами Георга Готфрида Гервинуса, Георга Брандеса и др., переведенными на русский язык, были известны и Л.Н. Толстому, процитировавшему пространный фрагмент работы «В мастерской Шекспира» в своем «критическом очерке» «О Шекспире и о драме», написанном в 1904 г.: «Мне не хотелось бы говорить о шекспировском «Артуре», – говорит Свинбурн. – Есть в мире произведений Шекспира одно или два лица, для которых никакие слова недостаточны. Такое лицо – Корделия. Место, которое занимают такие лица в нашей душе и в нашей жизни, не может быть передаваемо. Место, отведенное для них в тайнике нашего сердца, непроницаемо для света и шума ежедневной жизни. Есть часовые в соборах высшего человеческого искусства, как и в его внутренней жизни, не созданные для того, чтобы быть открытыми для глаз и ног мира. Любовь, смерть, воспоминание в молчании охраняют для нас некоторые любимые имена. Это высшая слава гения, конечно, чудо и величайший дар поэзии, что оно может прибавить к числу этих хранимых в нашем сердце воспоминаний новые имена поэтических произведений» [6, с. 218].

Анализируя взгляды на творчество Шекспира лондонского корреспондента «Вестника Европы» А. Реньяра, К.И. Ровда писал, что, отвергнув рассуждения Германа Ульрици о «Гамлете» как о самой христианской пьесе и проследив, «вслед за Суинберном», все три ее редакции, Реньяр пришел к убеждению, «что Гамлет весьма далек от того, чтобы быть похожим на христианина» [7, с. 568]; эта мысль была подкреплена фрагментом из относящегося к январю 1881 г. XIII письма цикла «Письма из Англии. Наука и литература в современной Англии», где отмечено стремление Гамлета «обнаружить все слабые стороны христианской морали, делающей нас всех трусами (makes cowards of us all)» [8, с. 196]. Заслугу Суинберна – исследователя Шекспира А. Реньяр видит в осмыслении его деятельности не как «фанатика Реформации» [8, с. 171], а как человека эпохи Возрождения, в контексте знаковых имен Мишеля Монтеня и Франсуа Рабле. Несколько ранее, в V письме цикла, А. Реньяр была проведена параллель между музыкой сонетов Шекспира и поэм Суинберна и при этом упомянута музыкальность поэзии А.С. Пушкина [см.: 9, с. 765].

А. Реньяру оказалась хорошо известной и написанная Суинберном в 1877 г. книга «Пояснения к Шарлотте Бронте» («A Note on Charlotte Brontë»), на которую английский корреспондент «Вестника Европы» в существенной мере опирался при анализе произведений Бронте, заслуженно добившихся общественного признания: «В последние годы были предприняты серьезные критические труды, и в настоящее время превосходная биография м-ра Узмиса Райда, вместе с многочисленными, неизданными письмами, и замечательная статья Суинберна, доказывают всеобщее внимание и восхищение, с каким английский писатели относятся теперь к несравненной женщине, которой до сих пор они не отдавали должной справедливости» [10, с. 261]. А. Реньяр соглашался с Суинберном в том, что персонажи, созданные Шарлоттой Бронте, являются ее самым значительным творческим достижением. «Ни один из английских ро-

манистов, находящихся в живых, не может с ней сравниться в искусстве живописать характеры в их длинных отношениях и их влияния друг на друга» [10, с. 264]. Защищая Шарлотту Бронте от нападок современной критики, А. Реньяр радовался тому, что в числе ее защитников оказался и «великий поэт и замечательный критик» Суинбёрн, который «ринулся с азартом на сцену, чтобы преломить копье в честь Шарлотты <...> и ее бессмертного творения <романа «Джейн Эйр»>» [10, с. 264].

При описании содержания октябрьского номера «The Nineteenth Century» за 1884 г. В. Михайловский, автор библиографического отдела «Русской мысли», подробно пересказывает содержание очерка Суинберна о Чарльзе Рице, «романы и повести которого неоднократно переводились у нас» [11, с. 34]. В. Михайловский особо отмечает, что «Суинбёрн ставит этого писателя весьма высоко и сравнивает его с различными английскими и французскими романистами», однако при этом затрудняется определить место, занимаемое им в развитии английской литературы, поскольку видит у него один, но очень существенный недостаток: будучи мастером «блестящих эпизодов и замечательно хорошо очерченных отдельных личностей», он вместе с тем «не создал ни одного крупного произведения, которое бы удовлетворяло, со стороны гармонии и единства, требованиям литературной критики» [11, с. 34].

В девятом томе «Собрания сочинений» датского филолога Георга Брандеса, вышедшем в 1902 г. в переводе под редакцией М.В. Лучицкой, помещен текст книги «Романтическая школа во Франции», содержащей, в числе прочего, характеристику романа Теофиля Готье «Мадемуазель Мопен», отчасти оспаривающую мнение о нем, высказанное ранее Суинберном: «Это вполне языческая и местами вполне неприличная книга – неприличная как диалог Кребилона-сына – но в ней скрывается много силы, и как не преувеличено мнение о ней Свинберна, называющего ее «золотой книгой красоты» («the golden book of beauty»), но все же в ней высказывается выходящее из ряда вон понимание красоты. Она служит как бы источником для не знающей удержу жизненной силы юноши» [12, с. 76].

В написанной на основе книги Георга Брандеса «Главные течения литературы девятнадцатого столетия» и опубликованной в 1887 г. на страницах «Русского богатства» статье М.К. Цебриковой «Романтизм в Англии» имя Суинберна упоминается при оценке «поэзии нашего времени», которая, хотя и не дала гениев, подобных Дж.-Г. Байрону и П.-Б. Шелли, однако дала «имена Свинберна и Гуда» [13, с. 107]. Описывая заслуги Вальтера Сэвиджа Лэндора, впервые в английской поэзии перешедшего от песен, «раздающихся, как песнь птицы, от гимнов природе с пасторской моралью, от риторических од лавреатов и узкого национализма к поэзии с широкими общечеловеческими идеалами», М.К. Цебрикова констатирует их высокую оценку поэтами нового поколения: «Броунинг и Суинбёрн <...> поклонением своим утешили старика за долгое пренебрежение общества. Свинбёрн посвятил ему свою «Аталанту»» [13, с. 130].

На страницах «Весов» в 1906 – 1907 гг. можно встретить имена немецких переводчиков Суинберна. В частности, в заметке ««Berliner Tageblatt» о современной русской поэзии» (№ 7 за 1906 г.) сообщается об «обстоятельной и в высшей степени интересной статье о русской поэзии», напечатанной Отто Гаузером, «известным немецким переводчиком французских символов, О. Уайльда и Суинберна» [14, с. 76], в литературном приложении к «Berliner Tageblatt» – «Der Zeitgeist» – 16 и 23 июля 1906 г. Один из фрагментов статьи А. Лютера «1906 год в немецкой литературе», включенной в № 5 «Весов» за 1907 г., содержит интересный рассказ об удачном переводе из Суинберна, выполненном поэтом-символистом Стефаном Георге: «...выдающийся немецкий лирик Стефан Георге в истекшем году выступил в совершенно новой для него роли переводчика. Он издал два томика переводов из Россетти, Суинберна, Якобсена, Верхарна, Верлена, Маллармэ, д'Аннунцио и др. Особенно удался перевод «Ballad of Dreamland» <«Баллады о царстве сна»> Суинберна. Георге, правда, немного упростил замысловатую строфу английской баллады, но он до того сумел проникнуться настроением подлинника, сделать его своим, что создал истинный шедевр, вдохновенное произведение поэта, а не простое подражание чужому образцу» [15, с. 82 – 83].

Имя Суинберна упоминает в 1908 г. искусствовед и писатель П.П. Муратов в заметке, посвященной Уолтеру Патеру

и его творчеству, в частности, его книге «Очерки по истории Ренессанса» («Studies in the History of the Renaissance»): «Уолтер Патер – писатель совершенно неизвестный в России <...>. В 1873 году вышла книга его о Ренессансе, и в ней восторженные поклонники прерафаэлитов, Россетти и Суинбёрна хотели видеть восторженное выражение своих эстетических устремлений» [16, с. 72]. С появлением «Очерков по истории Ренессанса» П.П. Муратов, в соответствии с устоявшимися представлениями, во многом связывал распространение в Англии «культы Боттичелли и Леонардо» [16, с. 72], отразившегося и в литературном творчестве Суинбёрна. В 1910 г. о Суинбёрне дважды сообщал ежемесячный «художественно-литературный иллюстрированный журнал» «Аполлон», активно печатавший в ту пору И.Ф. Анненского, В.Я. Брюсова, Вяч. Иванова, А.А. Блока: в № 4 в переводной статье «Заметки о немецкой литературе. Новости книжного рынка» (за подписью Johannes von Guenther) отмечалось «огромное дарование» поэта Рудольфа Борхардта, «этого лучшего ученика Суинбёрна» [17, с. 40]; в № 5 в переводном «Письме из Лондона», подписанном More Adey, было сообщено о постановке Уильямом Швенком Гильбертом, «наиболее ритмичным из всех наших комических поэтов» [18, с. 20], в театре Савой в Вестминстере своей пьесы «Павшие волшебницы» («Fallen Fairies»), переделки ранней пьесы «Грешный мир» («The Wicked World»): «Музыка к ней неважная, но она и не играет роли для тех, кто, подобно Суинбёрну, восхищается в Джилберте <Уильяме Швенке Гильберте> его почти безупречной ритмичностью и неподражаемым юмором» [18, с. 20].

Наиболее полный обзор литературно-критической деятельности Суинбёрна был предпринят Н.А. Васильевым, отметившим в 1909 г. книгу английского поэта о великом Шекспире, содержащую «ряд блестящих литературных характеристик эллизоветинской эпохи», критические этюды (в т. ч. о «символизме и мистике» Уильяме Блейке), написанные «необыкновенно блестящим языком», но при этом отличавшиеся «субъективностью и преувеличением», стремлением рассуждать обо всем в превосходной степени: «Когда он говорит о Викторе Гюго, он не знает предела своим похвалам; зато Байрона он ставит ниже какого-то Flammann'a, никого не известного и ничем не замечательного» [19, с. 515].

В начале 1920-х гг. Суинбёрн был впервые упомянут русской литературной наукой в контексте творчества Чарльза Диккенса. Э.Л. Радлов в монографии «Чарльз Диккенс», выпущенной в Берлине в издательстве З.И. Гржебина, указывал, что роман «Большие ожидания», принадлежащий к числу лучших произведений Диккенса, особенно нравился Т. Карлейлю, Э. Бульвер-Литтону и Суинбёрну [см.: 20, с. 97]. Другим свидетельством интереса к Суинбёрну первой волны Русского Зарубежья можно считать статью Г.В. Адамовича «Байрон (К 150-летию со дня рождения)», которая, будучи напечатанной в парижской газете «Последние новости» 6 февраля 1938 г., впервые акцентировала роль Суинбёрна в падении литературной репутации Дж.-Г. Байрона в Англии. По мнению Г.В. Адамовича, интерес к Байрону в континентальной Европе значительно выше, чем у него на родине, что объясняется изменением отношения к нему после публикации в середине XIX в. статьи Суинбёрна, в которой доказывалось, «что с английским языком Байрон обращался грубо, без всякого чутя и находчивости, монотонно прибегая к самым дешевым декламационным эффектам» [21; анализ статьи Г.В. Адамовича см.: 22, с. 29 – 30].

Тема «Байрон и Суинбёрн» осмыслена, в числе других, и в рамках статьи М.П. Алексеева «Байрон и английская литература», впервые опубликованной синхронно с материалом Г.В. Адамовича в 1938 г. [23, с. 57 – 85] и переизданной с изменениями и дополнениями в 1960 г. [24, с. 347 – 389]. Говоря об эволюции общественного сознания от «байрономании» к «байронофобству», М.П. Алексеев называл имена ведущих критиков – от Ф. Джеффри и Т. Маколея до Суинбёрна и Эндрю Лэнга [см.: 24, с. 357]. Также М.П. Алексеев приводил цитаты из литературно-критических материалов, в которых, ставя в основу всего формальное соблюдение структуры стиха, его языковых и стилистических особенностей и при этом не учитывая его идейного содержания, Суинбёрн «прямо издевался» над Дж.-Г. Байроном и его зарубежными поклонниками, иронически признавая выигрешность иных прозаических переводов в сравнении с «не вполне

не исправными» байроновскими поэтическими оригиналами, языковые проблемы которых не вполне видны иностранцам [см.: 24, с. 352].

Отдельным эпизодом литературной истории, заинтересовавшим М.П. Алексеева, стало издание Суинбёрном в 1866 г. небольшой антологии байроновских стихотворений «Preface to a Selection from the Works of Byron», которая «читалась мало и не вызвала к себе почти никакого внимания» [24, с. 383], но вместе с тем примечательна как попытка «реставрировать» Дж.-Г. Байрона перед английским читателем, предпочитавшим к тому времени поэзию В. Вордсворта и А. Теннисона. Подробно анализируя предпосланное антологии суинбёрновское предисловие, М.П. Алексеев приходил к выводу, что похвалы Суинбёрна в адрес Байрона очень умеренны, особенно учитывая тот факт, что сам критик был в период подготовки антологии «энтузиастом европейских революций», а потому должен был признать великого предшественника как «мятежника и трибуна», раскритиковав лишь недостатки в его поэтической технике. Суинбёрн принимал любовь Байрона к природе, в особенности к соответствовавшим его душевным настроениям ветру, морю, восторгался четвертой песней «Паломничества Чайльд-Гарольда» как «сатирическим произведением, единственным в своем роде», радовался «движению, разнообразию, свежести океана» в «Дон-Жуане», однако считал, что вся эта искренность маскируется «вульгарными претензиями и аффектацией», что «все дарования Байрона испорчены неискоренимым пороком – отсутствием поэтического слуха, слабым и неверным чувством ритма», в результате чего у него «то и дело встречаются посредственные стихи, то некрасивые и вульгарные, то тяжелые и нестройные» [24, с. 383].

Еще одним заметным событием стал, по верному наблюдению М.П. Алексеева, выход в 1884 г. в «The Nineteenth Century» статьи Суинбёрна «Вордсворт и Байрон» («Wordsworth and Byron»), ставшей откликом на байроновскую антологию «Poetry of Byron chosen and arranged by Matthew Arnold», выпущенную в 1881 г. Мэтью Арнольдом. Недовольный представлениями М. Арнольда о П.-Б. Шелли как о «бесплотном ангеле», а также утверждением полного и безоговорочного превосходства в английской поэзии Дж.-Г. Байрона и В. Вордсворта, Суинбёрн решил превознести П.-Б. Шелли над всеми английскими поэтами, в результате чего представил последнего в крайне выигрышном свете как «высшего человека». Дж.-Г. Байрон же оказался поэтом, грешащим «дворянским тщеславием, злобой и ненавистью», относящимся в плане поэтической речи и стиля «к Кольриджу и Шелли так, как Оффенбах – к Генделю и Бетховену», обладающим дурным вкусом, проявляющимся в пышности образов, сравнениях солнечного заката и умирающего дофина, бурных ночей и взора красавицы; в его поэзии, полной саркастических шуток и острот, нельзя, по мнению Суинбёрна, «найти ни хотя бы одного звука подлинной музыки, ни озарений настоящего воображения» [см.: 24, с. 385]. М.П. Алексеев не разделяет позиции Суинбёрна, показывая на материале английской литературной критики рубежа XIX – XX вв., объединившейся «за Байрона – не против Шелли, конечно, но против Суинбёрна» [24, с. 386], всю надуманность и абсурдность противопоставления Дж.-Г. Байрона и П.-Б. Шелли [см. также: 25, с. 137-144; 26, с. 203-206].

Как видим, литературно-критические труды Суинбёрна, будучи в подавляющем большинстве своем не переведенными на русский язык, оказали в последней четверти XIX – первой трети XX в. заметное влияние на формирование и развитие в России представлений об отдельных деятелях западноевропейской литературы и культуры, таких как Шекспир, Дж.-Г. Байрон, Шарлотта Бронте, Уильям Швенк Гильберт, Теофиль Готье, Чарльз Диккенс, Стефан Георге и др. Вместе с тем мнение Суинбёрна не было для русской литературной науки и критики авторитетным, его суждения, полемичные и эмоциональные, нередко оспаривались как ошибочные, обусловленные конкретными ситуациями в общественной жизни и субъективными обстоятельствами.

* Статья подготовлена в рамках реализации проекта по гранту Президента РФ МД-2112.2013.6 «Текстология и поэтика русского художественного перевода XIX – начала XXI века: рецепция поэзии английского романтизма в синхронии и диахронии».

Библиографический список

1. Суинбёрн, А. Король Лир (Критические заметки) // Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки. — 1903. — № 10.
2. Суинбёрн, А. Король Ричард II. Критические заметки // Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки. — 1903. — № 11.
3. Свинбёрн, А.-Ч. «Отелло». Критические комментарии // Альманах искусства, науки и литературы. — СПб., 1909.
4. Стороженко, Н.И. Опыты изучения Шекспира. Поэтическое вдохновение и законы драматического искусства. — М., 2012.
5. Бокаторов, Н.К. История западноевропейской литературы XVI — XVII вв. Сервантес и Шекспир: лекции, читанные в осенний семестр 1912 г. слушательницам Киевских высших женских курсов. — Киев, 1913.
6. Толстой, Л.Н. О Шекспире и о драме // Толстой Л.Н. Полное собр. соч.: в 90 т. — М., 1950. — Т. 35. Произведения 1902 — 1904 гг.
7. Ровда, К.И. Под знаком реализма // Шекспир и русская культура / под ред. академика М.П. Алексеева. — М.; Л., 1965.
8. Реньяр, А. Письма из Англии. Наука и литература в современной Англии. Письмо XIII // Вестник Европы. — 1881. — Кн. 1.
9. Реньяр, А. Письма из Англии. Наука и литература в современной Англии. Письмо V // Вестник Европы. — 1877. — Кн. 2.
10. Реньяр, А. Письма из Англии. Наука и литература в современной Англии. Письмо VII // Вестник Европы. — 1878. — Кн. 3.
11. Михайловский, В. The Nineteenth Century (October) // Русская мысль. — 1884. — № 11. — Библиографический отдел.
12. Брандес, Г. Собрание соч.: в 12 т. / пер. с датского под ред. М.В. Лучицкой. — Киев, 1902. — Т. IX.
13. Цебрикова, М.К. Романтизм в Англии // Русское богатство. — 1887. — № 9.
14. «Berliner Tageblatt» о современной русской поэзии // Весы. — 1906. — № 7.
15. Лютер, А. 1906 год в немецкой литературе // Весы. — 1907. — № 5.
16. Муратов, П.П. <Вступ. заметка к публ. У.Патера «Ребенок в доме. 1839 — 1894»> // Русская мысль. — 1908. — № 1.
17. Guenther, J. Заметки о немецкой литературе. Новости книжного рынка // Аполлон. — 1910. — № 4.
18. Adey, M. Письмо из Лондона // Аполлон. — 1910. — № 5.
19. Васильев, Н.А. Поэзия Свинберна // Вестник Европы. — 1909. — № 8.
20. Радлов, Э.Л. Чарльз Диккенс. — Берлин, 1922.
21. Адамович, Г.В. Байрон (К 150-летию со дня рождения) // Последние новости (Париж). — 1938. — 6 февр.
22. Сорокина, В.В. Байрон // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918 — 1940: в 4 т. — М., 2006. — Т. 4. Всемирная литература и Русское Зарубежье.
23. Алексеев, М.П. Байрон и английская литература // Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А.И.Герцена. — Т. 15. Кафедра всеобщей литературы. — Л., 1938.
24. Алексеев, М.П. Байрон и английская литература // Алексеев М.П. Из истории английской литературы: этюды, очерки, исследования. — М.; Л., 1960.
25. Жаткин, Д.Н. Английская романтическая поэзия в русских переводах 1840 — 1850-х гг. // Вестник Московского гос. областного университета. — 2008. — № 3. — Сер. Русская филология.
26. Жаткин, Д.Н. Традиции творчества Дж.-Г.Байрона и байронические мотивы в лирике И.И.Козлова / Д.Н. Жаткин, С.В. Бобылева // Вестник Пятигорского гос. лингвистического университета. — 2010. — № 4.

Bibliography

1. Suinbyorn, A. Korolj Lir (Kriticheskie zametki) // Novihy zhurnal inostrannoy literaturih, iskusstva i nauki. — 1903. — № 10.
2. Suinbyorn, A. Korolj Richard II. Kriticheskie zametki // Novihy zhurnal inostrannoy literaturih, iskusstva i nauki. — 1903. — № 11.
3. Svinbyorn, A.-Ch. «Otello». Kriticheskie kommentarii // Aljmanakh iskusstva, nauki i literaturih. — SPb., 1909.
4. Storozhenko, N.I. Opihtih izucheniya Shekspira. Poeticheskoe vdokhnovenie i zakonih dramaticheskogo iskusstva. — M., 2012.
5. Bokadorov, N.K. Istoriya zapadnoevropejskoj literaturih XVI — XVII vv. Servantes i Shekspir: lekcii, chitannihe v osennij semestr 1912 g. slushatelnicam Kievskih vihsshikh zhenskikh kursov. — Kiev, 1913.
6. Tolstoy, L.N. O Shekspire i o drame // Tolstoy L.N. Polnoe sobr. soch.: v 90 t. — M., 1950. — T. 35. Proizvedeniya 1902 — 1904 gg.
7. Rovda, K.I. Pod znakom realizma // Shekspir i russkaya kuljtura / pod red. akademika M.P. Alekseeva. — M.; L., 1965.
8. Renjyar, A. Pisjma iz Anglii. Nauka i literatura v sovremennoj Anglii. Pisjmo XIII // Vestnik Evropih. — 1881. — Kn. 1.
9. Renjyar, A. Pisjma iz Anglii. Nauka i literatura v sovremennoj Anglii. Pisjmo V // Vestnik Evropih. — 1877. — Kn. 2.
10. Renjyar, A. Pisjma iz Anglii. Nauka i literatura v sovremennoj Anglii. Pisjmo VII // Vestnik Evropih. — 1878. — Kn. 3.
11. Mikhayjlovskiy, V. The Nineteenth Century (October) // Russkaya mihslj. — 1884. — № 11. — Bibliograficheskij otdel.
12. Brandes, G. Sbranie soch.: v 12 t. / per. s datskogo pod red. M.V. Luchickoj. — Kiev, 1902. — T. IX.
13. Cebrikova, M.K. Romantizm v Anglii // Russkoe bogatstvo. — 1887. — № 9.
14. «Berliner Tageblatt» o sovremennoj russkoj poehzii // Vesih. — 1906. — № 7.
15. Lyuter, A. 1906 god v nemeckoj literature // Vesih. — 1907. — № 5.
16. Muratov, P.P. <Vstup. zametka k publ. U.Patera «Rebenok v dome. 1839 — 1894»> // Russkaya mihslj. — 1908. — № 1.
17. Guenther, J. Zametki o nemeckoj literature. Novosti knizhnogo rihnika // Apollon. — 1910. — № 4.
18. Adey, M. Pisjmo iz Londona // Apollon. — 1910. — № 5.
19. Vasiljev, N.A. Poehziya Svinberna // Vestnik Evropih. — 1909. — № 8.
20. Radlov, Eh.L. Charliz Dikkens. — Berlin, 1922.
21. Adamovich, G.V. Bayron (K 150-letiyu so dnya rozhdeniya) // Poslednie novosti (Parizh). — 1938. — 6 fevr.
22. Sorokina, V.V. Literaturnaya ehnciklopediya Russkogo Zarubezhjya. 1918 — 1940: v 4 t. — M., 2006. — T. 4. Vsemirnaya literatura i Russkoe Zarubezhje.
23. Alekseev, M.P. Bayron i angliyskaya literatura // Uchenihe zapiski Leningradskogo gos. pedagogicheskogo instituta im. A.I.Gercena. — T. 15. Kafedra vseobtheyj literaturih. — L., 1938.
24. Alekseev, M.P. Bayron i angliyskaya literatura // Alekseev M.P. Iz istorii angliyskoj literaturih: ehtyudih, ocherki, issledovaniya. — M.; L., 1960.
25. Zhatkin, D.N. Angliyskaya romanticheskaya poehziya v russkikh perevodakh 1840 — 1850-kh gg. // Vestnik Moskovskogo gos. oblastnogo universiteta. — 2008. — № 3. — Ser. Russkaya filologiya.
26. Zhatkin, D.N. Tradicii tvorchestva Dzh.-G.Bayrona i bayronicheskie motivih v lirike I.I.Kozlova / D.N. Zhatkin, S.V. Bobihleva // Vestnik Pyatigorskogo gos. lingvisticheskogo universiteta. — 2010. — № 4.

Статья поступила в редакцию 17.04.13

УДК 811.512.1

Kaksin A.D. EVIDENTIALLY AND MIRATIVE REPRESENTATION IN THE KHAKASS: WAYS AND MEANS. Article is devoted to identification of the main ways and means of expression of evidentially and mirative values in the Khakass language. In article the place of the Khakass (on a set and a ratio of the specified ways and means) locates in the general typology and among Turkic languages.

Key words: language semantics, forms of expression, evidentially, mirative, analytical forms, lexical means, Khakass language.

А.Д. Каксин, д-р филол. наук, в.н.с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского гос. университета им. Н.Ф.Катанова, г. Абакан, E-mail: adkaksin@yandex.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И МИРАТИВНОСТИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ: СПОСОБЫ И СРЕДСТВА*

Статья посвящена выявлению основных способов и средств выражения эвиденциальных и миративных значений в хакасском языке. В статье обосновывается место хакасского языка (по набору и соотношению указанных способов и средств) в общей типологии и в ряду тюркских языков.

Ключевые слова: языковая семантика, формы выражения, эвиденциальность, миративность, аналитические формы, лексические средства, хакасский язык.

Под эвиденциальностью в нашем исследовании мы понимаем разные виды засвидетельствованности, а под миративностью – указание на неожиданность действия, а также выражение удивления и восхищения при виде чего-либо или кого-либо (в том числе – наигранное) [1, с. 13-20]. Детально изучив в аспекте выражения эвиденциальности и миративности хантыйский язык, мы сочли нужным выделить в нем в качестве специального наклонения *эвиденциалис*, в формах которого грамматикализуется указанная семантика (и эвиденциальная, и миративная) [2, с. 11-15].

Как известно, языков, имеющих наклонения подобного рода, достаточно мало. Для выражения эвиденциальности и миративности большинство языков, в том числе тюркские языки, используют лексические, интонационные средства и специализированные аналитические конструкции [3; 4; 5; 6, с. 59-67; 7; 8, с. 65-66; 9, с. 148-153; 10; 11; 12]. Разграничение способов и средств мы проводим следующим образом: способы соотносятся с уровнями языка (различаются фонетические, лексические, грамматические способы), а средствами называются конкретные разновидности языковых единиц и явлений, представленные на каждом уровне – интонация, ударение, слова и их лексические значения, фразеологизмы, грамматические формы и их значения, синтаксические модели и т.п. [13].

Эвиденциально-миративные значения и соответствующие грамматические формы широко представлены в языках мира, а большинство языковедов, в т.ч. тюркологов, рассматривают их в качестве составляющих категории модальности. Так, в хакасском языкознании, например, писали о том, что глагол *одыр-*, выражая модальность, передает значение «кажется», «оказывается», «как видно» [14, с. 245].

Упоминание о средствах выражения неуверенности (русс. «вроде»), недостоверности (русс. «якобы») и удивления (русс. «ну и») встречаем и в энциклопедической статье, посвященной модальности [15, с. 303]. Также в финно-угорском языкознании обычно говорят о модальной семантике темпоральных форм. Два характерных примера. Так, в коми языке особо выделяется II прошедшее время (модальный перфект), формы которого позволяют отображать действие, процесс с внешней точки зрения, отстраненно: *Микайло дед кушмӧ минӧ ассьыс пыжӧ кыскӧма да дзужалӧ сирӧн* – Дед Михайло на освободившееся от снега место *втацил* свою лодку и *просмаливает* ее смолой [16, с. 159-166].

В родственных коми мордовских языках (эрзянском и мокшанском) постулируется аналогичная форма второго прошедшего времени, которая может иметь разные значения (напр., многократное, обычно повторяющееся действие), и в том числе – может обозначать обычное действие в прошлом и прошедшее время в историях о прошлом, иногда – с трудом вспоминаемое: *Бабай, а тон Яга Бабань колга ёфксть содакак?* – *Роди содалине, а тяни кати, афоли юкстайне* «Бабушка, а ты про Бабу Ягу сказку знаешь? – Вроде *знала*, а теперь не знаю, наверно, забыла» [17, с. 50].

Итак, нас интересуют способы и средства хакасского языка, задействованные для выражения эвиденциальных и миративных значений. Специфика хакасского языка выявляется в сравнении с другими, в том числе – отличающимися по типологии, языками. Так, в русском языке названные значения передаются исключительно лексически и интонационно [18, с. 321-322]. Анализируя переводы с хакасского на русский язык, приходим к выводу, что самым употребительным словом русского языка в подобных контекстах является лексема «оказывается».

Сабис оң хараан көрбіскен, сол хараа аның азылбаан, іріңнеп, туу *чапсын партыр* [Ыа, с.37] 'Сабис посмотрел правым глазом, левый глаз у него не открывался: загноившись, *прилип, оказывается*'.

Волостытаң сурағы *килтір* [Ыа, с.79] 'Из волости следователь *приехал, оказывается*'.

Кычың Пычонның хойын чар парарға *килтір* [Ыа, с.250] 'Кычын *пришел, оказывается*, чтобы отделить овец Пычона'.

Эне зе, Хапың, *таныс полтырзар*. Арса, пирее чарғы-чахаан пирген поларлар? – сурча Хапыңнаң [Ыа, с.262] '*Вот оно что*, Хапын, *вы знакомы, оказывается*. Может быть, какое-то указание они дали? – спрашивает у Хапына'.

– Сын... саңай *чабас партыр*, – сыбырананған Сабис [Ыа, с.85] 'Правда, совсем *смирный стал, оказывается*' – прошептал Сабис.

Аар-пеер харахсынзаң, тағлар хойрах-хайрых хырларынаң харах читпесче *сӧӧ тартыл парыбыстырлар* [Чт] 'Если оглядываешься туда-сюда, горы своими неровными вершинами *протянулись, оказывается*, так, что глаз не достаёт'.

Аңчыл кізі, ікі азахтығ сошказын чапчаң турғызып, мылтиин киртігіне салып, көстеп киліп, хыйлаан *пазыбыстыр* [Чт] 'Охотник, быстро поставив свою двуногую сошку, свое ружье наставив на плечо, целясь, *нажал* на курок, *оказывается*'.

Пуур пазын *мӧкейте тудыбыстыр*... Ікіншізін аңның мойнына урухты *кире тастабыстыр* [Чт] 'Волк голову *опустил, оказывается*... Во второй раз аркан на шею зверя *закинул, оказывается*'.

Мин, сала маай араһ кізі, одырғанча, чииттер нымзах орыннарға толдыра *одырыбыстырлар* [Чт] 'Пока я, медлительный человек, заходил (в автобус), молодежь, *оказывается, заняла* все мягкие места'.

Кӧклӧнӧң кибін хызычах хара плистең *тикӧӧӧ* (ам сала хоор партыр) [Ытт] 'Одежду для куклы девочка *шила, оказывается*, из черного плеса'.

Кӧклӧнӧң тоны тиин теерізінең *хураалалтыр*. Тойға, улӧкӧнге кичен пай *тоны одыр* [Ытт] 'По краям шубы куклы *нашита, оказывается*, шкурка белки. Это, *оказывается, шуба*, которую одевали на свадьбу, на праздник'.

Ічелері, уучалары паза пичелері хызычахтарны *кӱстеніп үгретчен осхастар* [Ытт] 'Матери, бабушки и сестры *старались учить, оказывается*'.

Пір дее кізі тузында аның чазын итпеп *санабиндыр* [Іт] 'Ни один человек в свое время *не считал, оказывается*, сколько ему лет'.

Ирепчі кізілер, ол хустарны илееде чапсып көріп, *турып алчан полтырлар* [Іт] 'Супруги долго, с удивлением глядя на этих птиц, *застаивались обычно, оказывается*'.

Пу чоохты И.А.Побызаков улуғларынаң *истір* [Іт] 'Этот рассказ И.А.Побызаков от своих старших *слышал, оказывается*'.

Ол тын даа ырахы тус полбаза, чон чаахнаң на *тузаланчаң полтыр* [Іт] 'Хоть это было совсем недавно, люди, *оказывается, пользовались* только луками'.

Пір туста албанны род кнезі Сур теен кізі *апарчан полтыр* [Іт] 'В одно время налог *отвозил, оказывается*, начальник рода, человек по имени Сур'.

Чарыста уттырза, Сур Албутха Халтарын *пирібізерге кирек полтыр* [Іт] 'Если Сур оставался побежденным в соревновании, он *должен был, оказывается, отдать* Албуту своего коня Халтара'.

Ол агас суғ үстүнзер *чада ӧскен полтыр* [Іт] 'Это дерево *росло, оказывается*, прямо над водой'.

1827 чылдагы устаг-пастаг реформа хоостыра Асхыс истиндегилер Кузнецк (Аба тура) уездинең Минсуғ уездине **кёртірлер** [1т] 'По управленческой реформе 1827 года Аскизские (т.е. жившие на территории Аскиза) с Кузнецкого уезда **перешли, оказывается**, в Минусинский уезд'.

Анализируя приведенные хакасские примеры, видим, что значение, передаваемое по-русски словом «оказывается», в исходном языке заключено в глагольной форме (которая может быть аналитической). Нельзя сказать, что в тюркских языках нет специальных лексем, соответствующих русским «оказывается», «мол», «дескать», «де», «однако», «видать», «похоже на то» и другим. Они есть, но зачастую не употребляются потому, что избыточны.

В любом языке модальные и вводно-модальные слова (и сочетания), а также примыкающие к ним экспрессивы, слова и обороты со значением эмоционально-качественной оценки, играют значительную роль. Но только в последние два десятилетия была осознана необходимость составления толковых словарей функциональных слов (частиц, союзов, междометий и т.п.). Поскольку в последнее время общепринятым является ограничение эвиденциальности и миративности от модальности, считаем необходимым добавить к списку подобных функтивов также (вводно-)эвиденциальные и (вводно-)миративные слова и сочетания. В частности, достаточно много слов и сочетаний с указанной семантикой мы находим в имеющихся словарях тюркских языков. К примеру, словарей хакасского языка разного рода – достаточно много, вышел уже и двуязычный словарь академического типа – Хакасско-русский словарь 2006 года. В последнем содержится достаточно много эвиденциальных и миративных слов и оборотов, но они рассредоточены по разным словарным статьям. Приведем примеры с вводным словом ОСХАС (употребительно во фразах со значением уверенного предположения), с частицей МА (часто фигурирует в вопросительных высказываниях с оттенком удивления) и с многофункциональными словами ПЕ, НОО (встречаются в эвиденциально-миративных высказываниях со значением риторического вопроса и подчеркнутой достоверности):

ОСХАС ... 2. *вводн. сл.* кажется, как будто; **ибде кізі чох осхас** кажется, дома никого нет; **кнес килген осхас** кажется, пришел председатель [19, с. 316].

МА (ме) *част. вводн. ли; ... ол сын полған ма?* это было правдой?; **прай чоохтадың ма?** все ли ты сказал?; **ибдең пұун сыхпадың ма?** разве (неужели) ты сегодня из дома не выходил? [19, с. 226].

Наалбин чөр полбинчазың ма? Разве не можешь пройти, не задев? [19, с. 263].

Мииліг пасха харах кирек пе, пілер холға син кирек пе? *логос.* Умной голове нужен ли глаз, опытной руке нужна ли мерка? [19, с. 169].

НОО 1. *мест. 1)* что; *ср. ниме; ноо кирек* что нужно; **ноо полды** что случилось; **нооны чаратсаң, аны аларбын** что позволишь, то и возьми; **ноодыр?** что это? ... / **ноо ниме а)** что это; **б)** кто это; **ноо ниме кадыр** что лежит; **ноо ниме пілген аның чойланарын** кто знал, что он будет лгать; **ноо даа кізі** любой, каждый человек; 2) какой; *ср. хайдаг; ноо кирекнең* по какому делу; **ноо тогысха хынчазың** какая работа тебе нравится; **ноо кізі ол** кто это такой, какой это человек;

2. *нареч.* зачем, почему; *ср. ноға; ноо килдің* зачем [ты] пришел; **ноо парғазың** почему [ты] ушел; **ноо даа полза** хоть что; **ноо полза, ол ползын** будь, что будет; **ноодаң даа** как бы то ни было, во что бы то ни стало.

НОО II 1) *част. препозит.-усилит.* что за, какой; **ноо ниме полды а)** что произошло?; **б)** что за оказия?; **ноо кізі а)** кто это?; **б)** что за человек?; **ноо туза** что за польза, какая польза, что толку; 2) *част. постпозит.-утверд.* да, же; **ол ноо** да это же он; **хазыр ноо** да и строгий же; **тынанар ноом** да отдохну же я; **піске кірген син полған нооң** да ведь у нас ты же был... [19, с. 283].

Как видим, большой толковый словарь не может отобразить в полной мере эвиденциальную (или миративную) семантику слова. В приводимых примерах, у того же слова **НОО** I 2, эвиденциальное значение затемнено. А в нижеследующих предложениях, взятых из текста художественного произведения, эвиденциальность проявляется в полной мере. Подобными случаями мы и предлагаем иллюстрировать эвиденциальность (или миративность) в специальном словаре (эвиденциально-миративной лексики).

Хайдаг пасхачыл нимелердір, **эйлер**. Ам олар Хапыннарның чылғыларын тооза **сүрерге иткен поларлар чи, эйлер?** [Ыа, с.38] 'Какие странные вещи, **однако**. Так теперь, получается, у Хапынов весь скот **хотели угнать, что ли?**'

Анаң кішіг палалары парох **па хайдаг за**. Палалыг хайди хас чөрчеткен нимелердір анаң ол? – ікінчелістіг сурағлаан пір ипчі [Ыа, с. 38] 'Так у них **ведь** еще маленький ребенок **есть**. Так что они за люди, что бегают с маленьким ребенком? – с сомнением вопрошала одна женщина'.

Ол ам минің сазым **чулар ноо?** [Чх, с. 27] 'Теперь она мои волосы **будет выдирать, что ли?**'

Кізі улуғ род **полчаңох ноо!** – теен Манон Петрович [Чх, с. 76] 'У человека большой род тоже **бывает, видимо!** – сказал Манон Петрович'.

Анфиза, Таназар хази көріп, теен: "Хасхы **айланған ноо!**" [Чх, с. 77] – Анфиза, взглянув пронзительно на Тану, сказала: "Беглянка **вернулась, оказывается!**"

Итак, в «эвиденциальном поясе Старого света» [18, с. 321] тюркские языки занимают свое место, отличаясь широтой и стройностью системы средств выражения эвиденциальности и миративности. Эта система действительно специфична, и главный ее признак – отсутствие единого, «единоличного» наклонения, формы которого выражают эвиденциальные и миративные значения в минимальном контексте.

В этом смысле тюркским языкам противопоставлены языки, в которых есть морфологические формы (или подмножества темпоральных форм, объединяемые в парадигмы), имеющие статус наклонений. При этом наклонение может и не иметь собственного показателя: маркерами эпистемологического наклонения служат показатели темпоральности. В эту группу входят большинство самодийских языков (имеющие аудитив, латентив и др. под. наклонения), обско-угорские языки (хантыйский и мансийский).

Третью группу составляют языки, в которых эвиденциальность и миративность выражаются преимущественно лексически и интонационно (например, восточнославянские). Ярким примером здесь является русский язык. В русском языке эвиденциальность и миративность не находят грамматического выражения и передаются в основном лексическими средствами типа вводных «мол», «видно», «оказывается», «ба!», «эвон!».

Таким образом, тюркские языки составляют группу, занимающую промежуточное положение: в них есть, конечно, соответствующие лексические, а также интонационные, средства, но основную роль при выражении эвиденциальности и миративности играют специфические аналитические формы и конструкции (с участием служебных, или вспомогательных, глаголов). Но и среди тюркских языков можно провести внутреннюю градацию, и она фактически уже проведена. Имеем в виду общую, или теоретическую, часть в трудах исследователей эвиденциальности и миративности тюркских языков [10; 11; 12]. Также очевидно, что и на фоне других тюркских языков хакасский язык достаточно специфичен, отличается, судя по вышедшим работам, и от алтайского, и от тувинского. По способам и средствам выражения эвиденциальности и миративности хакасский язык стоит ближе к якутскому языку. В обоих языках есть, конечно, и соответствующие (общетюркским формам) аналитические грамматические формы, но в то же время много и лексических средств – слов, словосочетаний и оборотов:

Э-эк, сынап таа мындаг көзідім чобалдырча [Чт] '**Э-эк, и вправду**, такой пример заставляет переживать'.

Ах, хайдаг хызыча! Ирткен-парғаннар анны өкерсінчелер [Хч] '**Ах**, какая девочка! Прохожие ею любят'.

Ам олар Хапыннарның чылғыларын тооза сүрерге иткен поларлар **чи, эйлер?** [Ыа, с.38] 'Что, они табун Хапынов весь хотели угнать **что ли, эй** [друзья]?'.

Көйтк **полчатпастар ба за**...Палалыг, тартынчактыг кізее чігленіс **чоғыл ноза** [Ыа, с. 38] 'Так они **же**, хитрые, **однако**... К человеку с ребенком и обозом **нет ведь** подозрения'.

Тойманнарға сабылыбысхазың **ма таң** [Ыа, с. 39] 'К тойманам переходишь ты, **что ли**'.

Тоғын көрзін. Уезд **ыстыр нооза** – нымзах сизіндірче Петр Иванович [Ыа, с. 245] 'Пусть поработает. [Его] уезд **же** направил, **оказывается** – мягко замечает Петр Иванович'.

Кізі табылар. Федор Павлович тее парар, **арса** [Ыа, с. 245] – 'Найдется человек. **Может**, и Федор Павлович пойдет'.

Э, анзы чахайах нимес **ноо!** Зойканың пазычаа [Ыа, с. 244] – '**Э**, это не цветок, **оказывается!** Головушка Зойки'.

Ізе, сірер ле сағыстығар [Ыа, с. 39] '**Да уж**, только вы одни умные!'

Сагдай полар **нооза**, эйлер [Ыа, с. 153] – 'Так это же, **наверное**, Сагдай, друзья, – шепчутся женщины'.

Пу тымір чоллары **полбас па за**, – օтրкепче Хапың хаты [Ыа, с. 153] 'Так это, **наверное, скорее всего**, железные дороги, – умничаёт жена Хапына'.

Таким образом, именно обилие эвиденциально-миративных слов, словосочетаний и оборотов, причисляемых обычно к модальным словам [20], а также и междометий с указанной семантикой, сближает хакасский и якутский языки. Совместно они противостоят другим тюркским языкам, в которых эвиденциальность и миравитивность выражается предпочтительно частицами типа *инес / инеш / имеш / эмис* и аналитическими глагольными формами, и приведенный выше материал хакасского языка вполне убедительно это демонстрирует.

Библиографический список

1. Козинцева, Н.А. Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / отв. ред. В.С. Храковский. – СПб., 2007.
2. Каксин, А.Д. Средства выражения модальности и эвиденциальности в хантыйском языке (на материале казымского диалекта): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Саранск, 2011.
3. Jakobson, R. Shifters, verbal categories, and the Russian verb // Russian language project. Dep. of Slavic languages and literatures. – Harvard, 1957.
4. Givyn, T. Evidentiality and epistemic space // Studies in language. – 1982. – 6.1.
5. Palmer, F.R. Mood and modality. Cambridge: CUP, 1986.
6. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / отв. ред. А.В. Бондарко. – Л., 1990.
7. Козинцева, Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3.
8. Черемисина, М.И. Язык как явление действительности и объект лингвистики: учеб. пособие по курсу «Общее языкознание». – Новосибирск, 1998.
9. Чертыкова, М.Д. Глаголы говорения в хакасском языке (системно-семантический аспект). – Абакан, 2005.
10. Шамина, Л.А. Средства выражения эвиденциальности и миравитивности в тувинском языке // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. – Новосибирск, 2005.
11. Ознова, А.А. Модальные аналитические конструкции в алтайском языке / отв. ред. М.И. Черемисина. – Новосибирск, 2006.
12. Кизласова, И.Л. Категория модальности в хакасском языке. – Абакан, 2010.
13. Лопатин, В.В. Грамматическая форма // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990.
14. Карпов, В.Г. Глагол: модальные формы // Грамматика хакасского языка / под ред. Н.А. Баскакова. – М., 1975.
15. Ляпон, М.В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990.
16. Цыпанов, Е.А. Грамматические категории глагола в коми языке. – Сыктывкар, 2005.
17. Цыпайкина, В.П. Темпоральность в мордовских языках и принципы ее описания. – Саранск, 2007.
18. Плунгян, В.А. Общая морфология. Введение в проблематику: учеб. пособие. – М., 2000.
19. Хакасско-русский словарь = Khakas-oris sstik. – Новосибирск, 2006.
20. Петров, Н.Е. Модальные слова в якутском языке // Сибирский тюркологический сборник: сборник науч. трудов. – Новосибирск, 1976.

Bibliography

1. Kozinceva, N.A. Tipologiya kategorii zasvidetelstvovannosti // Ehvidencialnostj v yazihkakh Evropih i Azii. Sbornik statej pamyati Natalii Andreevnyh Kozincevoj / отв. ред. V.S. Khrakovskij. – SPb., 2007.
2. Kaksin, A.D. Sredstva vihrasheniya modalnosti i ehvidencialnosti v khandiyskom yazihke (na materiale kazihmskogo dialekta): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – Saransk, 2011.
3. Jakobson, R. Shifters, verbal categories, and the Russian verb // Russian language project. Dep. of Slavic languages and literatures. – Harvard, 1957.
4. Givon, T. Evidentiality and epistemic space // Studies in language. – 1982. – 6.1.
5. Palmer, F.R. Mood and modality. Cambridge: CUP, 1986.
6. Teoriya funkcionalnoj grammatiki. Temporalnostj. Modalnostj / отв. ред. A.V. Bondarko. – L., 1990.
7. Kozinceva, N.A. Kategoriya ehvidencialnosti (problemih tipologicheskogo analiza) // Voprosih yazihkoznaniya. – 1994. – № 3.
8. Cheremisina, M.I. Yazihk kak yavlenie dejstvitel'nosti i objekt lingvistiki: ucheb. posobie po kursu «Obthee yazihkoznanie». – Novosibirsk, 1998.
9. Chertihkova, M.D. Glagolih govoreniya v khakasskom yazihke (sistemno-semanticheskiy aspekt). – Abakan, 2005.
10. Shamina, L.A. Sredstva vihrasheniya ehvidencialnosti i mirativnosti v tuvinskom yazihke // Puti formirovaniya lingvisticheskogo landshafta Sibiri. – Novosibirsk, 2005.
11. Ozonova, A.A. Modalnihe analiticheskie konstrukcii v altajskom yazihke / отв. ред. M.I. Cheremisina. – Novosibirsk, 2006.
12. Kizlasova, I.L. Kategoriya modalnosti v khakasskom yazihke. – Abakan, 2010.
13. Lopatin, V.V. Grammaticheskaya forma // Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovarj / gl. red. V.N. Yarceva. – M., 1990.
14. Karpov, V.G. Glagol: modalnihe formih // Grammatika khakasskogo yazihka / pod red. N.A. Baskakova. – M., 1975.
15. Lyapon, M.V. Modalnostj // Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovarj / gl. red. V.N. Yarceva. – M., 1990.
16. Cihpanov, E.A. Grammaticheskie kategorii glagola v komi yazihke. – Sihktihvkar, 2005.
17. Cihpkaykina, V.P. Temporalnostj v mordovskikh yazihkakh i principih ee opisaniya. – Saransk, 2007.
18. Plungyan, V.A. Obthaya morfologiya. Vvedenie v problematiku: ucheb. posobie. – M., 2000.
19. Khakassko-russkiy slovarj = Khakas-oris sostik. – Novosibirsk, 2006.
20. Petrov, N.E. Modalnihe slova v yakutskom yazihke // Sibirskij tyurkologicheskij sbornik: sbornik nauch. trudov. – Novosibirsk, 1976.

Статья поступила в редакцию 17.04.13

УДК 82.091

Kosheleva A.L., Mongush E.D. L. PETRUSHEVSKAYA'S PROSE: MEANINGFUL-AESTHETIC DISCOURSE AND TYPOLOGY. L. Petrushevskaya's prose (short stories, narratives, tales, prose and dramaturgy cycles) is an uncompromising quest of «the very bottom», «the very truth»; it is a creative quest of a writer with a shaped worldview and artistic system, a creative quest of a philosopher and a humanist, a creative quest of a person knowledgeable in traditional culture and at the same time experimenting with post-modern forms.

Key words: post-modernism, aspect, prose, criticism, idiostyle, transformation, literary tale, myth, short story, narrative, writer.

А.Л. Кошелева, зав. сектором литературы ХакНИИЯЛИ, д-р филол. наук, проф. каф. литературы Института филологии и журналистики ФГБОУ ВПО «Хакасский гос. университет им. Н.Ф. Катанова», г. Абакан, E-mail: tomgun2005@yandex.ru; **Е.Д. Монгуш**, соискатель сектора литературы ХакНИИЯЛИ, зам. директора по инновационной деятельности ГБНИ и ОУ «Тувинский институт гуманитарных исследований», г. Кызыл, E-mail: tomgun2005@yandex.ru

ПРОЗА Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ: СОДЕРЖАТЕЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС, ТИПОЛОГИЯ

Литература постмодернизма с ее традициями и новациями нуждается в пристальном и разностороннем исследовании. В художественной системе Л.С. Петрушевской воплощается наиболее перспективный путь развития современной литературы. В статье авторы приходят к выводу, что творчество Л. Петрушевской (рассказы, повести, сказки, циклы прозы и драматургии) – это творчество писателя с определившимися миропониманием и художественной системой, философа, гуманиста, человека, хорошо знающего традиционную культуру и одновременно экспериментирующего формами постмодерна.

Ключевые слова: постмодернизм, аспект, проза, критика, идиостиль, трансформация, литературная сказка, миф, рассказ, повесть, писатель.

Современная литература, лишенная общей организующей силы, являясь выразителем сложного чаще всего деструктивного сознания, настойчиво ищет и строит новые пути постижения сегодняшнего состояния мира и человеческого его осознания.

Состояние поиска и эксперимента поддерживается, прежде всего, «неканоничностью» и «пластичностью» романного слова (М. Бахтин), позволяющего трансформировать и переосмысливать все ранее сложившиеся жанровые модели, такие, как анекдот, притча, мениппея, новелла-гильоль, сказка, утопия. По мнению Ю.М. Лотмана, искусство в этом сложном, динамически развивающемся мире напоминает «кипящий котел», который многое моделирует и дает возможность того, чего не может дать жизнь» [1].

О проблеме соотносительности жизненных реалий и литературных деклараций в характерной для себя образной форме выразилась Л. Петрушевская: «О Господи, зачем этот мир так устроен, что ничего в нем нет от литературы, от одного прочтения, одной точки зрения – а все может быть прочтено еще глубже, и еще больше могут разверзнуться пучины, и, погружаясь в эти пучины, ища само дно, самую истину, человек много чего теряет в пути, оставляет без внимания истины не хуже той, которая ждет его на дне...» [2].

Творчество Л. Петрушевской (рассказы, повести, сказки, циклы прозы и драматургии) – это органический синтез всего того, что определяется этим бескомпромиссным поиском – «самого дна», «самой истины», это творчество писателя с определившимися миропониманием и художественной системой – философа, гуманиста, человека, хорошо знающего традиционную культуру и одновременно экспериментирующего формами постмодерна.

Творчество Л. Петрушевской стало объектом внимания критиков и литературоведов практически сразу после ее первых публикаций (1972).

Автору и ее творчеству были даны самые разнообразные и неоднозначные оценки: «раздражение» читателя Е. Воробьевой, «незнание жизни в более широком смысле слова», «узкий круг неизменных типажей» (Д. Быков), «грязный реализм» с элементами специфической русской «экзотики» (зарубежная критика), «странная проза», «маргинальная» и т.д., и уже более поздняя оценка ее творчества: «значительные масштабы ее дарования», «уникальное своеобразие прозы Петрушевской», «достойные традиции Н. Гоголя, А. Чехова, М. Зощенко, М. Булгакова».

Можно выделить следующие аспекты осмысления творчества Л. Петрушевской в критике: эстетический (сказовость, ритмизированность, эпичность, риторика, смещение семантического фокуса, «ускользание автора» (А. Барзах); ситуативные лейтмотивы и «типы» (Е. Гоцило); хронолог; экзистенциальный (трактовка феномена смерти – абсурдистская и ренессансная), (Ю. Серго, М. Кудимова, Н. Медведева, Е. Гоцило, Г. Демин, М. Строева); авторский «почерк» (традиции и новаторство), (Г. Дедков, И. Прусакова, М. Васильева, О. Лебедюкина); психологизм – антипсихологизм прозы Л. Петрушевской (А. Митрофанова, В. Миловидов, А. Барзах, Д. Быков); мифологический (архетип, мифологема), (Е. Гоцило, Н. Медведева, И. Дедков); гендерный (А. Куралек, И. Савкина, Т. Маркова, О. Славникова, Г.Пушкар); оценочный (Т. Прохорова, Т. Морозова, Т. Маркова, О. Славникова); «провинциальная» пресса о творчестве Л. Пет-

рушевской (Э. Прояева, Г. Нефагина, Д. Мишуровская), драматургия (Н. Агишева, В. Переведенцев, С. Пахомова).

Творческая лаборатория Л. Петрушевской – это сложный организм, в которой осуществляется креативное переосмысление художественного опыта эстетических систем, являвшихся «детьми» кризисных, переходных эпох с ориентацией на переосоздание действительности (барокко, сентиментализм, романтизм, символизм, экзистенциализм), в их синтезе с античными и самыми разными направлениями реализма. Эта синкретичность прежде всего связана с жанровыми особенностями прозы Л. Петрушевской, в частности, – рассказами: хроника, рекевием, «случай», притча, рассказ-пьеса («Песни XX века», «Изолированный бокс»), сказка – небольшие по объему, осложненные напряжением ужаса, злодейств, извращений, гротескового совмещения смешного и серьезного, они напоминают то новеллу-гильоль, то «мениппею» (М. Бахтин), то антиутопию. «Вопрос писательского развития Л. Петрушевской, – пишет Е. Канчук – это вопрос кодирования ею реальности» [3]. В. Розанов, в свое время, ориентировал читателя и критика на «заглавие» произведения, как на ключ к разгадке его смысла, содержания. Возможно, Л. Петрушевская «подсказывает» суть рассказанного через названия произведений и циклов. Так, заглавия ее циклов – «Бессмертная любовь», «Рекевиемы», «По дороге бога Эроса», «Тайна дома», «Бал последнего человека», «Настоящие сказки» – это своеобразное обозначение не только тематики, в пределах которой работает автор, но и предложение своего взгляда на мир, множество концепций миропонимания своих персонажей, в совокупности представляющих дискретность сознания сегодняшнего человека.

Восприятие и осмысление сложной в своей противоречивости современной реальности осуществляется в прозе Л. Петрушевской в разного рода авторских интенциях, в художественной системе так или иначе представляющей имплицитное и эксплицитное выражения авторской позиции. Авторское сознание писателя Петрушевской основывается на ее желании понять современника и ту среду, которая его «формирует». Речевой стиль ее персонажей – это то, что она «услышала в толпе». В интервью 2000-го года эту мысль Петрушевская выразила так: «Каждая тема приходит уже готовая... Иногда у меня впечатление, что это не только я так сначала думала... Рассказ возникает у меня практически без изменений, его надо быстро записать <...> Люди очень хотят, чтобы их выслушали. И я как бы обязана слушать...» [4]. Господствует речь толпы, которая исследователем Р. Тименчик была охарактеризована так: «...Это целый лингвистический континент со своим словарем, синтаксисом, стилистикой... С Петрушевской мы входим не столько в прозу жизни, сколько в поэзию языка...» [5]. Человек «живет в языке». Кто эти люди-персонажи прозы Петрушевской? Как и в прозе А.П. Чехова, его «Пестрых рассказах», у нее тоже отказ от литературного героя, изображены «просто люди», современная разноликая пестрая толпа – интеллигент, служащий, домохозяйка, просто муж, жена, мать, отец, их дети – «сугубо городского, обязательно ущемленного менталитета» [6]. Единичный представитель этого «менталитета» – так называемый «средний человек», носитель и выразитель массового сознания. «Ущемленность» мужчины – это проявление слабости, незащитности (рассказ «Темная сила»). В силу этого женщина должна быть силь-

ной и даже где – то агрессивной. Традиционные оберегающие и защищающие ее начала теряют идилличность и граничат со злобой, жестокостью и деспотизмом (рассказ «Случай Богородицы»). Абсурдность бытия лишает человека его психологической и социальной индивидуальности (рассказы «Али-Баба», «Темная судьба»).

«Поэзия языка» прозы Петрушевской – это «ошибка языковых инерций» (А. Барзах). Изобилующая парадоксами жизнь находит адекватное отражение в стиле: смешение канцеляризмов и просторечия («Я люблю тебя», «Еврейка Верочка» и др.); высокого и низкого стилей («Дама с собаками», «Грипп»); повторы слов, фраз, мыслей с элементами оксюморона, метонимии, антитезы, когда автор и читатель как бы включаются в поток сознания персонажа, его сложных переживаний («По дороге бога Эроса», «Дама с собаками», «Дочь Ксени», «Мистика», «Смысл жизни», «Я люблю тебя»); сказ, когда образ рассказчика служит своеобразной речевой маской автора.

Одна из особенностей художественной системы прозы Л. Петрушевской – это пространственно-временная организация повествования – «хронотоп» (М. Бахтин), передающая замкнутость, ограниченность, инерционность бытия под «прицелом» гротесковой беспредельной свободы, основанной на «карнавальной правде» (М. Бахтин), когда «Народный смех казнит несовершенство мира и, омыв весельем, преображает и обновляет его» [7]. Вот этот мир «безнадежной патологии» приводит в своего рода систему художественное мастерство писателя. Цельность и речевого стиля, и хронотопа обуславливается единством стоящего за ними авторского сознания. Автор становится обозначением «некой концепции», «некого взгляда» на действительность, выражением которого является его произведение» (Б. Корман).

Темы прозы Л. Петрушевской – это темы, которые продиктованы, сформулированы точкой зрения автора – гуманиста, человека культуры («Медя», «О счастье», «По дороге бога Эроса», «Девятый том», повести «Маленькая девочка из «Метрополя», «Время ночь»), рассказчицы, выражающей мнение «толпы и сплетни». В последнем дискурсе центральной становится тема быта и безысходного одиночества человека с жестоким законом бытия – алогичность самой жизни. «Толпа» становится «безъязыкой», инертной, человек «теряет лицо» и социальное, и как психологический индивидум. «Революцию растущих ожиданий» (терпеть во имя светлого будущего), – пишет Е. Стариков, – сменила «революция утраченных надежд» с глубочайшим душевным надломом, цинизмом, психологическим деклассированием» [8]. Нет четкого разграничения между социальной и морально-этической и психической патологиями: любая патология – это разновидность приспособления личности к «травмирующему окружению», а это уже «болезнь» данной личности, которую очень точно диагностирует писатель Людмила Петрушевская. Обертонами этой сложной и разнотипной темы быта становятся мотивы одиночества, помутненного сознания, слез – и как итог этого – мотив разрушения семейного очага, «коммуналки» и общегития («Отец и мать», «Свой круг», «Дочь Ксени») – так называемый мотив «бездомья», столь популярный в русской литературе XIX-XX веков.

Богатый речевой дискурс Петрушевской (монологи, диалоги, реплики), это «несущее множество» [9] помогает раскрыть не только замысел автора, мысль персонажа, мотив, поступок, но и несет на себе сюжетно-композиционную функцию (завязка, кульминация, развязка). Словесные излияния, перебранки, порой философичные размышления с элементами сюжетных и образных аллюзий, интертекста из мифов, фольклора, античности «переводят» этот заурядный жизненный план в онтологический ракурс, предлагающий задуматься о принципах, структуре и закономерностях бытия в целом («Новые Робинзоны», «Теща Эдипа», «Медя», «История Клариссы» и др.).

Своеобразной антитезой алогичности реальной жизни с такими ее осложнениями, как человеческое одиночество, горечь, тоска, нужда и безысходность, является сказка, которая творит иллюзорный, но справедливый и прекрасный мир, а «космос гармонии» (О. Фрейдберг) низвергает хаос действительности. Предметом нашего рассмотрения стали литературные сказки Л. Петрушевской – «Дикие животные сказки» и роман В. Пелевина – «Жизнь насекомых» в типологическом аспекте функциональности фантастического реализма. Литературная сказка, по мнению ее исследователей (Э. Померанцева, Л. Овчинникова, Е. Неелов, М. Липовецкий) усваивает фольклорные

традиции и творчески, художественно переосмысливает ее эстетические и этические постулаты. Повествование и литературной, и народной сказки основано на игровом начале, где рядом с чудесным постоянно соседствуют реалии окружающего нас мира. Литературная сказка, во многом, сохраняя «память жанра» (М. Бахтин), повторяет и обязательную установку на вымысел, и «happy end» с победой добра над злом, и отдельные элементы поэтики народной сказки.

В повествовательной стратегии литературной сказки и Петрушевской, и Пелевина обязательно в наличии игровая атмосфера, артистизм, «карнавальность» (М. Бахтин), открывающая широкую перспективу для интертекстуальных возможностей и разного рода художественных экспериментов, вступая во взаимодействие с другими жанрами. Л. Петрушевская несколько десятков сказочных миниатюр группирует по разным небольшим циклам: дидактическая установка характерна для циклов – «Сказки для взрослых», «Сказки для всей семьи», «Сказки, рассказанные детям». Акцентируя внимание на жанровых особенностях, она предлагает «Настоящие сказки» и «Настоящие сказки». «Настоящие сказки» – это короткие рассказы-анекдоты с использованием басенной аллегории и без откровенных нравоучительных выводов, которые легко можно сделать сам реципиент, как в сказке «Трудное детство», в которой «чистоплотная» моль Нина «скромно» обирает окружающих (барана Валентина).

Интрига «Настоящих сказок», как и сказок волшебных, о животных, часто основывается, как и в фольклорной сказке, на хитрости, обмане. Однако и Петрушевская («Молодой осел») и Пелевин (новелла «Жизнь за царя»), в большей степени ориентированный на сказочно-литературные традиции, очень часто трансформируют и сказочные, и литературные сюжеты, образы, поэтику.

«Дикие животные сказки» Л. Петрушевской и «Жизнь насекомых» В. Пелевина во многом объединяет их «романное начало», хотя бы исходя из их жанрового определения самими авторами: Петрушевская обозначила – «Дикие животные сказки. Первый отечественный роман с продолжением», Пелевин – роман «Жизнь насекомых». Этим самым была сделана заявка на новый жанр «литературы абсурда» – жанр без историко-культурных границ» [10], функционирующий в идейно-эстетических пределах фантастического реализма, открывающего широкие возможности для интертекстуальности, совмещения современности и истории, сверхъестественного и естественного, паранормального и обыденного. Все это привносит соответствующее своеобразие в особенности идиостилю данных писателей: богатство культурологического контекста, разнообразие как эксплицитных, так и имплицитных отсылок к мировой литературе от мифов и античности к реалиям современности; контaminaция реального и ирреального, метафизического сюжетов; разнообразное использование реминисценций, аллюзий, непрямого цитирования; сатирическое заострение; креативная трансформация стиля народных сказок, отечественной и зарубежной классики (И. Крылов, М. Салтыков-Щедрин, Н. Гоголь, братья Карел и Йозеф Чапеки, Ф. Кафка) – все это создает в «романных сказках» Л. Петрушевской и В. Пелевина обобщенную картину абсурдного мира. «Романность» подобного рода произведений, их всеохватность, философичность верно охарактеризовал Н.В. Гоголь: «Сказка, – писал он, – может быть созданием высоким, когда служит аллегорическою одеждою, облекающею высокую духовную истину, когда обнаруживает ощутительно и видимо даже простолудину дело, доступное только мудрецу» [11]. Обращение к одному из жанров фантастического реализма Петрушевской и Пелевина обусловлено, прежде всего, фантастическими метаморфозами современного мира, его преображениями со сказочной быстротой. Все формы идейно-эстетической функциональности фантастического реализма, присущие «Диким животным сказкам» Л. Петрушевской и роману «Жизнь насекомых» В. Пелевина существенно востребованы в литературе постмодернизма (Т. Толстая, Л. Улицкая, М. Палей, Вик. Ерофеев, В. Маканин, Д. Быков, В. Соловьев, М. Успенский, В. Печух, Д. Липскеров и др.).

Крушение советской империи, ее саморазрушение должны были с неизбежностью повлечь за собой крушение мифа, на оскопках которого и возник тот эстетический феномен, который был поименован, как «ностальгическое» [12].

Все вышеперечисленные современные писатели и прежде всего Людмила Петрушевская утверждают в так называемой «новой литературе», – литературе постмодернизма мысль, что

и современная действительность со всеми ее катастрофами и разного рода «мусором» не может отменить общечеловеческие идеалы. Литература постмодернизма с ее традициями и новациями нуждается в пристальном и разностороннем исследова-

нии. В творчестве, художественной системе Л.С. Петрушевской воплощается наиболее перспективный путь развития современной литературы, путь талантливого соотношения традиций прошлого с задачами и перспективами новой эпохи.

Библиографический список

1. Лотман, Ю. «...нам все необходимо. Лишнего в мире нет» // Дружба народов. – 1994. – № 10.
2. Петрушевская, Л. Полное Собр. соч.: в 5 т. – Харьков; М., 1996. – Т. I.
3. Канчуков, Е. Сто строк о новинках. Петрушевская Л. Реквиемы. Песни восточных славян // Лит. Обозрение. – 1991. – № 7.
4. Петрушевская, Л. Девятый том. – М., 2003.
5. Тименчик, Р. Ты – что? Или Введение в театр Петрушевской // Петрушевская Л. Три девушки в голубом. Пьесы. – М., 1989.
6. Ремизова, М. Теория катастроф, или Несколько слов в защиту ночи // Лит. газ. – М., 1996. – № 11.
7. Бореев, Ю. Теория литературы. – М., 2001. – Т. IV. Литературный процесс.
8. Цит. по: Кутлемина, И.В. Поэтика малой прозы Л. Петрушевской: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Северодвинск, 2002.
9. Борисова, И. Послесловие // Петрушевская Л. Бессмертная любовью. Рассказы. – М., 1988.
10. Серго, Ю.Н. Поэтика прозы Л. Петрушевской: (Взаимодействие сюжета и жанра): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002.
11. Гоголь, Н.В. Полн. собр. соч. – М.; Л., 1952. – Т. 8.
12. Иванова, Н. Ultra-fiction, или Фантастические возможности русской словесности // Знамя. – 2006. – № 11.

Bibliography

1. Lotman, Yu. «...nam vse neobkhodimo. Lishnego v mire net» // Druzhba narodov. – 1994. – № 10.
2. Petrushevskaya, L. Polnoe Sobr. soch.: v 5 t. – Kharjkov; M., 1996. – T. I.
3. Kanchukov, E. Sto strok o novinkakh. Petrushevskaya L. Rekvieimih. Pesni vostochnihkh slavyan // Lit. Obozrenie. – 1991. – № 7.
4. Petrushevskaya, L. Devyatihy tom. – M., 2003.
5. Timenchik, R. Tih – chto? Ili Vvedenie v teatr Petrushevskoy // Petrushevskaya L. Tri devushki v golubom. Pjesih. – M., 1989.
6. Remizova, M. Teoriya katastrof, ili Neskoljko slov v zathitu nochi // Lit. gaz. – M., 1996. – № 11.
7. Boreev, Yu. Teoriya literaturih. – M., 2001. – T. IV. Literaturnihy process.
8. Cit. po: Kutlemina, I.V. Poetika maloy prozih L. Petrushevskoy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Severodvinsk, 2002.
9. Borisova, I. Posleslovie // Petrushevskaya L. Bessmertnaya lyuboviyu. Rasskazih. – M., 1988.
10. Sergo, Yu.N. Poetika prozih L. Petrushevskoy: (Vzaimodeystvie syuzheta i zhanra): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Ekaterinburg, 2002.
11. Gogolj, N.V. Poln. sobr. soch. – M.; L., 1952. – T. 8.
12. Ivanova, N. Ultra-fiction, ili Fantasticheskie vozmozhnosti russkoj slovesnosti // Znamya. – 2006. – № 11.

Статья поступила в редакцию 17.04.13

УДК 811

Omelchenko L.N. LOGICAL-SYNTACTIC CLASSIFICATION OF SEMANTICS OF THE SENTENCE IN THE LIGHT OF IDEAS OF TRADITIONAL LINGUISTICS. The article is devoted to the problem of semantics aspect of the sentence, which is studied on the basis of structural and semantic direction of Rusistics. Analyzed the logical-syntactic types of semantics, the syncretism of types, the regularities of functioning of the sentences in the texts of description and narration.

Key words: semantics of sentence, logical-syntactic type of semantics, syncretism, text, description, narration.

Л.Н. Омельченко, канд. филол. наук, доц. каф. русского языка ФГБОУ ВПО «Бурятский гос. университет», г. Улан-Удэ, E-mail: omelchenko.2@mail.ru

ЛОГИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СЕМАНТИКИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СВЕТЕ ИДЕЙ ТРАДИЦИОННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Статья посвящена проблеме семантического аспекта предложения, который изучается на основе принципов структурно-семантического направления русистики. Анализируются логико-синтаксические типы семантики, синкретизм типов, закономерности их функционирования в текстах «описание» и «повествование».

Ключевые слова: семантика предложения, логико-синтаксический тип семантики, синкретизм, текст, описание, повествование.

В современной синтаксической науке предложение понимается как многоаспектная синтаксическая единица. Объектом изучения в статье определена смысловая сторона (семантический аспект) простого предложения. Предмет изучения – логико-синтаксические типы семантики простого предложения. Цель статьи – проанализировать, какое развитие получили некоторые идеи русского традиционного языкознания в логико-синтаксическом подходе к семантике простого предложения.

В истории русистики, как известно, выделяют два периода: традиционный и современный. Традиционный период развития отечественного языкознания связан, прежде всего, с работами Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, А.М. Пешковского, А.А. Шахматова, Л.В. Щербы и других. Исследования В.В. Виноградова завершают период традиционного языкознания. Книга В.В. Виноградова «Русский язык. (Грамматическое учение о слове)», по словам Ю.В. Рождественского, «послужила научной основой для создания последующих грамматик русского языка и грамматик других

языков» [1, с. 69]. Академическая «Грамматика русского языка» (1952-1954), составленная под редакцией В.В. Виноградова, обобщила традиционную синтаксическую теорию, наметила перспективы изучения синтаксического строя русского языка.

Современное состояние русистики отличается разнообразием лингвистических концепций, в том числе в области синтаксиса русского языка. Значительным шагом в развитии синтаксической науки является дифференциация аспектов исследования, вычленение отдельных аспектов в самостоятельные направления, что позволило глубоко изучить разные стороны синтаксических единиц. В «Грамматике современного русского литературного языка» (1970) было выделено два аспекта: структурный и коммуникативный. В «Русской грамматике» (1980) структурный и коммуникативный аспекты синтаксических единиц были дополнены семантическим.

Особое место среди лингвистических теорий занимает структурно-семантическое направление русистики, сформиро-

вавшееся к середине 70-х годов XX в., оно «представляет собой очередной этап развития традиционного (классического) языкознания, которое не остановилось в своем развитии, а стало фундаментальной основой для синтеза достижений различных исследований языковых явлений. Традиционное языкознание по истине является классическим, ибо освещало многие сложные проблемы лингвистики, среди которых взаимоотношения языка и общества, языка и мышления, формы и содержания, проблемы исторического развития языка (сопоставительного анализа), проблемы организации системы языка и реализации его в речи и т.д.» [2, с. 456-457]. В структурно-семантическом направлении в качестве основных определены четыре аспекта синтаксических единиц: структурный, логический, семантический и коммуникативный [3, с. 293]. Понятно, что выделение аспектов предложения – это исследовательский прием, позволяющий глубже проникнуть в суть каждого из аспектов, в реальном речевом общении эти стороны выступают в единстве.

Структурно-семантическое исследование явлений языка и речи представлено в ряде работ современных лингвистов (В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов, П.А. Лекант, Н.С. Валгина, Л.Д. Чеснокова, Л.Д. Беднарская, И.В. Артюшков, В.Н. Мигирин, И.В. Высоцкая и др.). В структурно-семантических исследованиях, развивающих идеи традиционного языкознания, в качестве основных постулатов выдвигаются принцип системности, многоаспектное описание синтаксических единиц, внимание к явлениям синхронности переходности.

Теория переходности языковых явлений, наиболее системно разработанная В.В. Бабайцевой [4], связана с мыслями Л.В. Щербы о сущности типичных и промежуточных языковых фактов. Известно, что семантическую емкость синкретичных частей речи отмечал еще В.В. Виноградов [5]. Понятие синкретизма в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» определяется как «совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц, противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности» [6, с. 446]. Изучение сложных синкретичных образований в языке и речи осознано в современной лингвистике как актуальная проблема, охватывающая все уровни языковой системы [4; 7; 8; 9].

Принципы структурно-семантического направления стали методологической базой нашего исследования проблемы семантики предложения, что определяет актуальность работы.

Под влиянием идей классического языкознания в современной синтаксической науке создана новая семантическая типология простого предложения. Эта классификация использует понятие логико-синтаксического типа семантики предложения, опирающееся на принцип логического аспекта изучения синтаксических единиц. Логический аспект изучения предложения, при котором рассматривается проблема взаимосвязи языка, мышления и бытия, как известно, связан с лучшими традициями русской лингвистики (Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, А.А. Шахматов). В «Грамматике русского языка» В.В. Виноградов дает следующее определение предложения: «Предложение – это грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли» [10, с. 65].

Понятие логико-синтаксического типа предложения связывается, как утверждает Н.Д. Арутюнова, с выделением «логико-синтаксических «начал», т.е. тех отношений, которые, будучи непосредственно связаны со способами мышления о мире, в то же время причастны к грамматическому строю языка» [11, с. 17]. Н.Д. Арутюновой выделены четыре типа логико-синтаксических отношений в их взаимодействии с такими категориями, как референция имени, его значение, коммуникативная перспектива высказывания; выявлены мыслительные операции, состоящие в установлении отношений бытийных (экзистенции), тождества (идентификации), именования (номинации) и характеристики.

Отметим, что определение семантической типологии предложения относится к числу дискуссионных вопросов синтаксической науки. Проблемы классификации семантических типов предложения, закономерностей формирования семантической структуры предложения, взаимодействия формальной и семантической структур предложения стали предметом изучения в лингвистической литературе.

Применяя многоаспектный подход в соответствии с принципами структурно-семантического направления, В.В. Бабайцева выделяет пять основных логико-синтаксических типов семантики

простого предложения: 1) бытийность (*Был вечер. – Вечер*); 2) номинация (*Это Маша, дочка моя. – Вот Маша, дочка моя*); 3) акциональность (*Говорит Москва. – Говорят из Москвы*); 4) характеристика (*Лес красив. – Красота! Красиво!*); 5) состояние (*Мать в тревоге. – Матери тревожно*) [12, с. 17]. При многоаспектном анализе учитываются структурно-семантический тип предложения, тип сказуемого, морфологический характер остальных членов предложения, их лексическое наполнение. Автор приходит к выводу, что тот или иной тип семантики не прикреплен к определенному структурно-семантическому типу предложений: тип семантики может быть выражен как двусоставными, так и односоставными предложениями. Основные типы семантики предложения могут быть представлены в речи экспрессивными вариантами.

Выделенные типы семантики предложения противопоставлены друг другу в синтаксической системе языка, вместе с тем принцип системности языка (ведущий принцип традиционного языкознания) предполагает анализ указанных типов в их взаимосвязи. В нашей работе дифференцируются не только основные логико-синтаксические типы семантики, но и учитываются синкретичные явления, позволяющие говорящему передать всю сложность воспринимаемого мира, эмоциональный характер восприятия; «синкретичные явления нарушают четкость классификационных систем, однако существование их и неограниченные возможности их образования – один из важнейших источников обогащения семантико-стилистических и семантико-грамматических ресурсов языка и речи» [4, с. 595-596].

Перспектива исследований в области семантической типологии предложения связана, на наш взгляд, с функциональным подходом, который позволяет определить закономерности выбора говорящим логико-синтаксических структур в процессе порождения текста, закономерности в их сочетании в речевом потоке, закономерности синкретизма типов семантики предложения в речи. Известно, что речь как результат языковой деятельности человека находит выражение в текстах.

Монологический текст, как известно, членится на микротексты, имеющие достаточно определенные границы. В основу предлагаемого нами анализа текста положена теория функционально-смысловых типов речи, разработанная О.А. Нечаевой. Опираясь на идею Л.В. Щербы о далее неделимых единицах языка, составляющих тот или иной ярус речи, О.А. Нечаева пишет о речевых структурных комплексах, обслуживающих речевую деятельность человека на уровне более высоком, чем предложение: «обобщенные мыслительные комплексы, выражающие связи одновременности, последовательности или причинно-следственной зависимости между явлениями, возникающие на основе наблюдаемого или известного, или путем абстрактного сопоставления, закреплены в типичных языковых структурных моделях в виде монологических типов речи: описания, повествования и рассуждения» [13, с. 18]. Модели текстов описания и повествования имеют логическую основу, они строятся на основе синхронологем и диахронологем, отражающих формы существования материи в пространстве и во времени и восприятие этих форм человеком. Результаты исследований представителей научной школы О.А. Нечаевой показывают, что «анализ текста на функционально-коммуникативной основе способствует выявлению более глубоких структурно-семантических текстообразующих характеристик и, следовательно, представляют значительный вклад в теорию речевых актов» [14, с. 6].

Поставленная в работе проблема закономерностей использования говорящим логико-синтаксических типов семантики в процессе речетворчества решается нами на материале текстов типа «описание» и «повествование». Дело в том, что в процессе порождения текста типа «описание» или «повествование» говорящий коммуникант находится в ситуации выбора не только видо-временных глагольных форм, но только лексических средств языка, что в науке уже нашло освещение, но и определенных семантических типов предложения для передачи необходимого ему содержания, для грамматической интерпретации того или иного «положения дел». Наблюдения над фактическим материалом позволили нам прийти к заключению о том, что выбор логико-синтаксического типа семантики предложения логически обусловлен, закономерен, соответствует логической основе функционально-смыслового типа текста. В этом положении заключается новизна предлагаемого исследования.

Установлено, что тексты-описания онтологически связаны со значением бытийности [15, с. 10]. По нашим наблюдениям,

бытийная семантика предложений в текстах-описаниях часто осложняется семантикой характеристики, именное сказуемое в таких случаях часто содержит оценку либо квалификацию предмета речи, поэтому такие предложения в описании квалифицируются нами как предложения с синкретичной семантикой, например: «Выглядел Иван Финогенович моложаво. Темнорус, борodka срезанным клином, глаза маленькие, серые, острые, пристальные, но добрые» (И. Чернев. Семейщина).

Анализ фактического материала показал, что при построении описательного текста говорящий может использовать целый ряд логико-синтаксических типов семантики, отражающих модели человеческого мышления: бытийность, номинацию, характеристику, например: «Одним из поздних учеников Зубра был Анатолий Никифорович Тюрюканов. Большой, мужиковатый, с физиономией грубой, как он сам говорил, «шлакоблочной», по виду недалекий, простак, по выговору работника, из разно-рабочих – словом, не скажешь, что ученый, да к тому же тонкий, культурнейший человек» (Д. Гранин. Зубр).

Изучение семантических и грамматических свойств текстов типа «повествование», анализ их синтаксических особенностей, многоаспектный подход к предложению позволяют сделать вывод о том, что в повествовании, в отличие от описания, нет места предложениям бытийным, номинации и характеристике; выбор говорящего ограничен предложениями с акциональной семантикой, причем обычно это двусоставные глагольные предложения. Отметим, что в повествовании акциональные предложения выполняют свою первичную функцию – выражать диахронные динамические действия какого-либо активного деятеля: это может быть движение, речь, трудовая или иная деятельность, например: «Жена откатнулась от ящика, посмотрела на Алешу... Какое-то малое время вдумывалась в его слова, ничего не поняла, ничего не сказала, усунулась опять в сундук, откуда тянуло нафталином. Достала белье, пошла в прихожую комнату» (В. Шукшин. Алеша Бесконвойный).

Вместе с тем, в контексте повествования могут использоваться предложения с синкретичной семантикой: морфологический характер сказуемого выражает акциональность, а лексичес-

кое наполнение второстепенных членов предложения активизирует семантику состояния, например: «На другое утро, встав спозаранку, я сделал все возможное, чтоб покинуть дом без его ведома. Отчаянно тихо я собрал свои охотничьи принадлежности – сачок, зеленую жестянку на ремне, конвертики и коробочки для поимок – и через окно классной выбрался наружу. Углубившись в чащу, я почувствовал, что спасен, но все продолжал быстро шагать, с дрожью в икрах, со слезами в глазах, и сквозь жгучую призму стыда представлял себе кроткого гостя... старающимся как-нибудь оправдать мое жестокое отсутствие» (В. Набоков. Другие берега).

Изучение синкретичных явлений представляется непростой задачей, в решении которой помогает функциональный подход. Как правило, использование языковых средств во вторичной функции приводит к формированию синкретичной семантики. Так, семантика состояния, определяемая нами как функционально-семантическое поле, в ядерной зоне имеет значение ограниченной временной протяженности, эпизодичности, на периферии поля появляются зоны синкретизма с семантикой характеристики (в описательных текстах) и с семантикой акциональности (в повествовательных текстах) [16, с. 69].

Итак, изучение логико-синтаксических типов семантики предложения в русле структурно-семантического направления опирается на такие фундаментальные принципы классического языкознания, как принцип системности, внимание к явлениям синхронной переходности. Проблема изучения логико-синтаксической типологии предложения имеет как теоретическое, так и практическое значение, в частности для преподавания синтаксиса русского языка в вузе [3, с. 434–442]. Логико-синтаксический подход к семантике предложения развивается как результат интеграции синтаксической науки с логикой, когнитивистикой, прагматикой, теорией текста. Полагаем, что указанные нами закономерности использования предложений того или иного логико-синтаксического типа влияют на когнитивную обработку информации, которая поступает к адресату во время восприятия текстов описания и повествования.

Библиографический список

1. Рождественский, Ю.В. Виноградовская школа в языкознании // Русский язык. Энциклопедия. – М., 1998.
2. Бабайцева, В.В. Структурно-семантическое направление в современной русистике // Бабайцева В.В. Избранное. 1955–2005: сб. ст. – М.: Ставрополь, 2005.
3. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: в 2 ч. / В.В. Бабайцева [и др.]. – М., 2001. – Ч. 2. Морфология. Синтаксис.
4. Бабайцева, В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. – М., 2000.
5. Виноградов, В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. – М., 1947.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1990.
7. Высоцкая, И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. – М., 2006.
8. Политова, И.Н. Синтаксически нечленимые словосочетания как синкретичное явление // Вестник Челябинского гос. университета. – 2008. – № 30.
9. Дружинина, С.И. О синкретичных конструкциях в системе целевых сложноподчиненных предложений // Вестник Тамбовского университета. – 2009. – № 6.
10. Грамматика русского языка. – М., 1960.
11. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. – М., 1976.
12. Бабайцева, В.В. Семантика простого предложения // Предложение как многоаспектная единица языка: сб. тр. – М., 1983.
13. Нечаева, О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1975.
14. Дырхеева, Г.А. Лингвистика текста в Бурятии: научная школа профессора О.А.Нечаевой // Актуальные проблемы текста: лингвистическая теория и практика обучения: сб.ст. – Улан-Удэ, 2004.
15. Хамаганова, В.М. Структурно-семантическая и лексическая модель текста типа «описание» (проблемы семиотики и онтологии): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2002.
16. Омельченко, Л.Н. К вопросу о функционально-семантическом поле состояния в русском языке // Вестник Бурятского гос. университета. – 2010. – Вып. 10. Филология.

Bibliography

1. Rozhdestvenskiy, Yu.V. Vinogradovskaya shkola v yazykovedenii // Russkiy yazyk. Ehnciklopediya. – M., 1998.
2. Babayceva, V.V. Strukturno-semanticheskoe napravlenie v sovremennoy rusistike // Babayceva V.V. Izbrannoe. 1955–2005: sb. st. – M.; Stavropol, 2005.
3. Sovremenniy russkiy yazyk. Teoriya. Analiz yazykovykh edinic: v 2 ch. / V.V. Babayceva [i dr.]. – M., 2001. – Ch. 2. Morfologiya. Sintaksis.
4. Babayceva, V.V. Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka. – M., 2000.
5. Vinogradov, V.V. Russkiy yazyk: grammaticheskoe uchenie o slove. – M., 1947.
6. Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovarj / pod red. V.N. Yarcevoj. – M., 1990.
7. Vihockaya, I.V. Sinkretizm v sisteme chastey rechi sovremennogo russkogo yazyka. – M., 2006.
8. Politova, I.N. Sintaksicheski nechlenimiye slovosochetaniya kak sinkretichnoe yavlenie // Vestnik Chelyabinskogo gos. universiteta. – 2008. – № 30.
9. Druzhinina, S.I. O sinkretichnykh konstrukciyakh v sisteme celevykh slozhnopodchinennykh predlozhenij // Vestnik Tambovskogo universiteta. – 2009. – № 6.
10. Grammatika russkogo yazyka. – M., 1960.
11. Arutyunova, N.D. Predlozhenie i ego smysl: Logiko-semanticheskie problemih. – M., 1976.
12. Babayceva, V.V. Semantika prostogo predlozheniya // Predlozhenie kak mnogoaspektnaya edinica yazyka: sb. tr. – M., 1983.

13. Nechaeva, O.A. Funkcionalno-smislovihe tipih rechi (opisanie, poveshtovanie, rassuzhdenie): dis. ... d-ra filol. nauk. – M., 1975.
14. Dzhirkheeva, G.A. Lingvistika teksta v Buryatii: nauchnaya shkola professora O.A.Nechaevoy // Aktualniye problemih teksta: lingvisticheskaya teoriya i praktika obucheniya: sb.st. – Ulan-Udeh, 2004.
15. Khamaganova, V.M. Strukturno-semanticheskaya i leksicheskaya modelj teksta tipa «opisanie» (problemih semiotiki i ontologii): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – M., 2002.
16. Omelchenko, L.N. K voprosu o funkcionalno-semanticheskom pole sostoyaniya v russkom yazhke // Vestnik Buryatskogo gos. universiteta. – 2010. – Vihp. 10. Filologiya.

Статья поступила в редакцию 18.04.13

УДК 811

Pelevina N.G., Diachenko A.S. THE NATIONAL-CULTURAL SPECIFICITY OF CONCEPT «PATRIOTISM» AND THE MEANS OF ITS REPRESENTATION IN AMERICAN PUBLICISM. The article presents the analyses of language means representing concept «patriotism» on the lexical and syntactical levels based on the U.S. President Barack Obama's campaign speeches.

Key words: patriotism, concept, linguistic means, Barack Obama, speeches of the President of the USA.

Н.Г. Пелевина, канд. пед. наук, доц. ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, E-mail: pelevina-nonna@yandex.ru; **А.С. Дьяченко**, магистрант ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, E-mail: asya162@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА «ПАТРИОТИЗМ» И СРЕДСТВА ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В АМЕРИКАНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

В статье рассматриваются языковые средства репрезентации концепта «патриотизм» на лексическом и синтаксическом уровнях на примере предвыборных речей президента США Барака Обамы.

Ключевые слова: концепт, патриотизм, языковые средства, Барак Обама, речи президента США.

Проблемы идеологии, патриотизма, национальной идентичности, манипуляции сознанием обретают сегодня особое звучание в свете глобальных политических процессов, которые находят свое отражение в концептуальной картине мира и обществе. По мнению Моргун Е.А., концепты занимают особое место в политическом сознании, представляя собой ценности и идеи, к которым политики апеллируют в программных речах и обращениях. Это обусловлено глобализацией политических процессов и ключевой ролью политики для государства, общества и личности. Анализ концептов политической картины мира позволяет раскрыть и понять целевую направленность речевых действий, мотивы и истинный смысл высказываний политических деятелей, проливая свет на природу и сущность процессов в сфере политики [1].

Актуальность постановки вопроса о необходимости комплексного изучения национально-культурной специфики концепта «патриотизм» обусловлена в первую очередь востребованностью к переосмыслению ценностей, усилению патриотических чувств, в выявлении специфики его дискурсивного проявления в американской лингвокультуре, а также в рассмотрении способов языковой репрезентации и прагматической реализации данного концепта в предвыборных речах американских кандидатов в президенты США.

Патриотизм является одной из основных политических ценностей для различных лингвокультур, так как основной формой организации общества остается государство, поэтому изучение универсальных и специфических репрезентаций аксиологического стереотипа концепта «патриотизм» в современном мировом лингвокультурном пространстве является своевременной задачей. Из словарных определений следует, что патриот – это someone who loves their/his/her country, причём не просто любит, а любит сильно и самозабвенно, гордится ею.

Каждый народ наполняет данный концепт особой национально-культурной спецификой. Развивая эту мысль, мы согласны с мнением Декленко Е.В., что американский патриотический дискурс представляется сложным культурно-специфическим коммуникативным событием, реализующимся в текстах, которые выражают отношение представителей американского лингвокультурного пространства к своей стране. Патриотические тексты США включают вербальные и невербальные компоненты, имеющие множество языковых манифестаций: государственные документы, гимны и патриотические песни, лозунги афоризмы, национальный флаг, герб, национальные эмблемы и символы. Одним из значимых культурно-специфических маркеров патри-

отического дискурса США следует признать ораторское искусство американских политических лидеров, которое остается одним из наиболее эффективных способов апелляции к чувствам народа [2].

В связи с вышеизложенным, нам представляется целесообразным рассмотреть данный концепт на примере речей Барака Обамы, ныне действующего президента США, так как в его речах патриотизм представлен, как один из наиболее значимых концептов. Так, Б. Обама дает следующее определение патриотизму:

For me, as for most Americans, patriotism starts as a gut instinct. I'm not just talking about the recitations of the Pledge of Allegiance or the Thanksgiving pageants at school or the fireworks on the Fourth of July, as wonderful as those things may be. Rather, I'm referring to the way the American ideal wove its way throughout the lessons my family taught me as a child. (Для меня, как и для большинства американцев, патриотизм является основным инстинктом. Я сейчас говорю не только о декларациях Клятвы Верности или школьных конкурсах на День Благодарения или салютах на День Независимости в самом прекрасном их проявлении. Я скорее говорю о моем идеале Америки, складывающемся из уроков детства, которые преподала мне моя семья). Речь «Патриотизм», 2008.

В этих строках автор явно подчеркивает любовь к своей стране, которая именуется патриотизмом. Следует отметить, что американский патриотизм, и это подчёркивают многие западные социологи, отличается тем, что он направлен не на территорию проживания, не на людей, а на систему идей, касающихся общественной жизни. В этой связи приведем пример:

That is why, for me, patriotism is always more than just loyalty to a place on a map or a certain kind of people. Instead, it is also loyalty to America's ideals – ideals for which anyone can sacrifice, or defend, or give their last full measure of devotion. (Вот почему для меня патриотизм – это всегда больше, чем просто преданность месту на карте или определенной группе людей. Напротив, это верность Американским идеалам – идеалам, ради которых каждый может пожертвовать собой или защитить их или отдать всю свою преданность). Речь «Патриотизм», 2008.

Исходя из вышеизложенного, придерживаясь мнения Декленко Е.В., можно расценить концепт «патриотизм» в американской лингвокультуре как ультра-патриотизм. Причина кроется в историческом развитии американского общества. Отсылки к историческому прошлому США – важная составляющая практически каждой публичной речи.

She was there for the buses in Montgomery, the hoses in Birmingham, a bridge in Selma, and a preacher from Atlanta who told a people that We Shall Overcome. (Она была там, когда случился Бойкот автобусных линий в Монтгомери, во время Бирмингемской кампании, Бридж в Сельме, когда появился проповедник из Атланты, который сказал людям, что Мы все преодолеем). Победная речь на президентских выборах 2008.

В основу комплекса американских принципов, ценностей и идей военного, политического, экономического, морально-психологического и чисто этического характера положен ряд общегосударственных, социально-философских, политических концепций. Прежде всего, это концепция «превосходства американского образа жизни», призванная способствовать выработке чувства гордости за свою страну.

It is up to us to teach them that America has been a force for good in the world, and that other nations and other people have looked to us as the last, best hope of Earth. (Это наша задача учить их тому, что Америка всегда была мировой силой, имеющей благие намерения, и что другие нации и другие люди смотрели на нас, как на последнюю надежду планеты). Речь «Патриотизм», 2008.

Однако следует отметить, что специфической чертой предвыборной речи является ее экспрессивность и эмоциональность, достижение которых зависит от использования языковых средств различных уровней. В рамках нашего исследования были выявлены лексические и синтаксические средства репрезентирующие концепт патриотизм в предвыборных речах Обамы. Несмотря на то, что в речах Обамы прямая номинация концепта лексемами «патриотизм», «патриот» немногочисленна, но при этом она заменена обширным синонимичным рядом таких слов, как *homeland, fatherland, mother country, motherland, native country, native land, native soil; home*.

Необходимо обратить внимание на то, что особую роль в репрезентации концепта «патриотизм» играют такие лексические средства, как эпитеты, метафоры, метонимия, аллюзии, олицетворение, которые являются средствами привлечения внимания потенциальных избирателей и орудием эмоционального влияния на них. Обратимся непосредственно к примерам.

Метафора. *In other words, the use of patriotism as a political sword or a political shield is as old as the Republic. (Другими словами, использование патриотизма, как политического*

меча или политического щита – старо, как мир). Речь «Патриотизм», 2008.

Олицетворение. *And at the beginning of a week when we celebrate the birth of our nation, I think it is fitting to pause for a moment and reflect on the meaning of patriotism – theirs, and ours. (В начале недели, когда мы отмечаем рождение нашей нации, я думаю, будет уместно остановиться подробнее на смысле патриотизма).* Речь «Патриотизм», 2008.

С помощью этих средств политик удерживает внимание слушателей.

В качестве частотных синтаксических средств репрезентирующих концепт «патриотизм» используются повторы, параллелизм, полисиндетон, восклицание. Приведем примеры.

Полисиндетон. *I meet them everywhere I go, young people involved in the project of American renewal; not only those who have signed up to fight for our country in distant lands, but those who are fighting for a better America here at home, by teaching in underserved schools, or caring for the sick in understaffed hospitals, or promoting more sustainable energy policies in their local communities. (Я встречаю их везде, куда иду, молодых людей, которые участвуют в программе обновления Америки; не только тех, кто воюет за нашу страну в дальних землях, но и тех, кто борется за будущее Америки здесь, дома, работая в малобюджетных школах, или заботясь о больных в госпитальных с недостатком рабочих, или пропагандируя улучшения в политике энергетики в своих общинах).* Речь «Патриотизм», 2008.

Обобщая вышеизложенное, можно утверждать, что для любого публичного выступления особое значение имеет именно синтаксическая оформленность речи, поскольку она способствует реализации прагматической направленности речи. Проведенный анализ языковых средств позволяет выявить национально-культурную специфику номинативных единиц, отражающих ценностную картину носителей языка. Между тем, особо значимым является выбор языковых средств, как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях репрезентирующих концепт патриотизм в предвыборных речах Б. Обамы, которые способствуют успешной реализации коммуникативных тактик и, безусловно, усиливают воздействующий потенциал речи, что является основной целью при создании необходимого имиджа политика.

Библиографический список

1. Моргун, Е.А. Концептуальная организация композиционной структуры инаугурационной речи: когнитивно-прагматический анализ // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 2(21).
2. Декленко, Е.В. Лингвокультурологический аспект патриотического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2004.

Bibliography

1. Morgun, E.A. Konceptual'naya organizatsiya kompozitsionnoy strukturih inaguratsionnoy rechi: kognitivno-pragmaticheskijj analiz // Mir nauki, kul'turini, obrazovaniya. – 2010. – № 2(21).
2. Deklenko, E.V. Lingvokul'turologicheskijj aspekt patrioticheskogo diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Chelyabinsk, 2004.

Статья поступила в редакцию 23.04.13

УДК 821.161.1

Seidova R.S. ON SOME PROBLEMS IN TEACHING LITERATURE IN HIGH SCHOOL. It states that the task of the teacher – secondary school education to mass culture, morally and aesthetically trained reader capable of autonomously navigate in selecting books, able to perceive them

Key words: artistic interpretation, *sorazmulyenie*, art, artistic impression analysis, thoughtful reading, empathy for heroes, knowledge of literary terms.

P.C. Сеидова, канд. филол. наук, старший преп., филиал Дагестанского гос. педагогического университета, г. Дербент, E-mail: madinagadzhibalaeva@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

В статье говорится о том, что задача учителя массовой общеобразовательной школы – воспитание культурного, нравственно и эстетически подготовленного читателя, способного самостоятельно ориентироваться в выборе книг, умеющего их полноценно воспринимать.

Ключевые слова: знание литературоведческих терминов, художественное осмысление, соразмышление, художественный анализ, сопереживание героям.

Как ни странно это звучит, но вопрос о том, что составляет предмет изучения на уроках литературы в школе, до сих пор остается дискуссионным. Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что основу деятельности учащихся в рамках этого предмета составляет чтение и изучение самих литературных произведений. Но возможно ли полноценное постижение литературных произведений без определенного минимума литературоведческих знаний? Очевидно, нет. Ведь произведение может быть по-настоящему понято, осмыслено, пережито только при условии, что читатель обладает определенными знаниями о времени его написания, эпохе, в нем отразившейся, личности, биографии, психологии создавшего его писателя.

Задача учителя массовой общеобразовательной школы – не подготовка будущего филолога, литературоведа, а воспитание культурного, заинтересованного, нравственно и эстетически подготовленного читателя, способного самостоятельно ориентироваться в выборе книг, умеющего их полноценно воспринимать. Основным при изучении русской литературы является чтение самих художественных текстов; знания по истории и теории литературы играют в данном случае вспомогательную роль.

Грамотное восприятие художественного произведения возможно лишь при условии верного отношения к феномену литературы. Основы этого верного отношения должны быть прочно заложены в средней школе, причем с самого раннего возраста. Несмотря на огромное количество всякого рода книг и статей об анализе литературного произведения в средней школе, проблема эта относится к наименее разработанным. Практика убеждает, что большинству учащихся непонятны смысл и цель такого анализа. Недопонимание здесь возникает, как правило, из совершенно недостаточного представления о том, что такое *искусство, художественное произведение*.

Основополагающим понятием для изучения литературы и искусства в целом является художественный образ. Справедливо замечено, что для русской литературы XIX – начала XX века проблема художественного развития сосредоточена в личности писателя, а «художественный образ был избран в России главным выразителем духовной жизни как некоторая возможность, вариант, дорога к цельному мировоззрению вообще» [1]. Не ставя своей целью дать определение сложного феномена художественного образа, хотелось бы обратить внимание лишь на те стороны, которые важны при изучении литературы в школьном курсе.

Подчеркну, речь идет не о теоретически завершенном определении, а лишь о тех существенных его сторонах, которые крайне необходимы для того, чтобы учащийся осознал, о чем идет речь. При этом школьнику нужно усвоить, что произведения художественной литературы как бы говорят с нами посредством художественных образов. Важно, чтобы у школьника сложилось предварительное понимание, а затем и доказательное убеждение в том, что подлинное содержание и смысл художественного произведения нельзя усвоить, не осознав то, что стоит за его событиями и героями, в чем видит автор логику жизни. При этом, чем глубже разберемся мы в художественном смысле событий и характеров героев, тем больше действительной глубины обнаружим мы в истинном художественном произведении. Наконец, важно, чтобы учащийся был настроен на чтение-открытие, чтобы он мог предполагать, что подлинное художественное произведение (художественный образ) с первого взгляда никогда полностью не раскрывается перед читателем. Все это познается постепенно, по мере того, как мы начинаем постигать художественные образы.

Одна из важнейших задач, стоящих перед школой, – научить наслаждаться вдумчивым, медленным чтением, научить размышлять и сопереживать героям. Отсюда неизбежно вытекает необходимость вернуть в школу не формальное, а творческое комментированное чтение. И цель его в том, чтобы современный получил верную историческую трактовку произведения, полное эмоциональное воздействие. Комментированное чтение литературного произведения, разумеется, не может быть ограничено лингвистическим анализом художественного текста, оно лишь начинается с этого анализа. Да и сам такой анализ не может принести должного результата, если не выявлены и не доведены до сознания именно те спектры значений слов, которых требует смысл художественного целого. Вместе с тем учащимся зачастую неясен даже текст художественного произведения, существенные его реалии. А ведь во всяком подлинном произведении искусства имеет значение каждая деталь, становится

важным каждое, даже, казалось бы, бессмысленное слово. Например, в пьесе М. Горького «На дне» для школьников немало загадочного:

«Актер (как бы вдруг проснувшись). Вчера, в лечебнице, доктор сказал мне: ваш, говорит, организм – совершенно отравлен алкоголем...

Сатин (улыбаясь). Органон...

Актер (настойчиво). Не органон, а ор-га-ни-зм...

Сатин. Сикамбр...

Актер (машет на него рукой). Э, вздор! Я говорю – серьезно... да. Если организм – отравлен... значит – мне вредно мести пол... дышать пылью...

Сатин. Макробиотика...ха!»

В то время как Актер говорит о себе и о своей болезни, Сатин произносит (улыбаясь!) слово *органон*. Этим названием («Органон») были некогда объединены в один труд комментаторами Аристотеля все его логические сочинения; в переводе это слово означает «орудие, орган знания, разумность». Стоит задуматься над тем, не рождает ли это на первый взгляд нейтральное, бессмысленное слово определенную ассоциацию. Сатин (это можно предположить) имеет в виду, что отравлен не человеческий организм, а *органон*, так сказать, сама «разумность жизни». На непосредственно – наивные возражения Актера, не понимающего своего собеседника, Сатин отвечает: «Сикамбр...» (т.е. дикарь, темный человек), ведь сикамбры – это всего лишь древнегерманское племя, жившее на берегах Рейна.

В ответ на слова Актера, что ему вредно дышать пылью, Сатин произносит: «Макробиотика». Так в переводе называлась книга немецкого врача К.В. Гуфеланда «Искусство продлить человеческую жизнь», содержащая советы и рассуждения о здоровье человека. Таким образом, становится ясен смысл насыщенной иронией реплики Сатина, которая следует после слов Актера о своем здоровье.

Возникает в школе еще одна серьезная трудность: адекватность восприятия содержания художественного произведения и того, что заложено в него писателем. Она достижима лишь при той или иной степени освоения его художественной ценности [2]. Если учесть, что читатель может адекватно воспринимать произведение лишь в процессе некоторого сотворчества, то совершенно очевидно:

1. Чтобы изучать литературное произведение, нужно учить этому «сотворчеству», а не ограничиваться дидактико – информационными методами преподавания. Ведь привлекательность всех современных педагогов – новаторов зиждется именно на стремлении возбудить такое сотворчество.

2. Чтобы направить это сотворчество по верному руслу, по пути освоения произведения как художественной ценности, необходимо подготовить в сознании учащихся почву для этого. Нужно ввести их в ту историко-культурную духовную среду, которая породила художественное произведение, в общих чертах представить историческую судьбу автора.

Подлинное читательское «сотворчество» требует не конспективного изложения содержания произведения, а вдумчивого рассматривания, «вчувствования» в него. В противном случае неизбежно возникает непонимание или искажение смысла произведения, особенно если произведение затрагивает острые вопросы истории [3].

Роман «Отцы и дети» Тургенева требовал именно прочувствованного, вдумчивого отношения уже в силу своих задач и художественного своеобразия, которое, скажем прямо, не было должным образом оценено современниками. Ожидая от тургеневского романа решительного ответа на вопросы времени, критики упустили из виду его художественную логику. При изучении тургеневского романа согласно школьной традиции подчеркиваются первым делом положительные черты Евгения Базарова. Вряд ли нужно доказывать, сколь плодотворным может быть утверждение в сознании молодежи позитивных сторон этого незаурядного характера: самоотверженность, смелость и трезвость мысли, чувство самостоятельности («всякий человек сам себя воспитывать должен»), жажда истины и справедливости и т.д. Однако «Отцы и дети» – это, как известно, не только гимн Базарову, это и роман-предостережение, осуждающий явление, получившее название базаровщины. Но эту сторону произведения до сих пор обращалось недостаточное внимание. Говорится, как правило, лишь о нигилистическом отрицании Базаровым любви и поэзии. Между тем во многих высказываниях Базарова – целая программа, и программа в определенном смысле анти-

культурная. Его отношение к родителям отличается неоправданной черствостью, его спор с Павлом Петровичем раскрывает непонимание существенных черт феномена человеческой культуры. Главное же, такого рода исследование требовало всестороннего проникновения в образ, постепенного вживания в полифонию говорящих деталей, вслушивания в музыку фраз, интонацию и скрытый подтекст диалога, осмысления сюжета, композиции, психологического анализа, учитывающего и объективные и субъективные факторы переживаний и поведения героев. За внешними схватками тургеневских героев вырисовывалась сложная и вечная проблема исторического развития: столкновение двух культур. В художественном отражении этой проблемы Тургенев достиг поистине гениальной проницательности, которая поставила его книгу на высоту, недостижимую для современной ему критики.

Библиографический список

1. Палиевский, П.В. Русские классики. – М., 1987.
2. Лихачев, Д.С. Культура и мы // Огонек. – 1985. – № 36.
3. Ионин, Г.Н. Анализ литературного произведения. – Л., 1976.

Bibliography

1. Palievskiy, P.V. Russkie klassiki. – M., 1987.
2. Likhachev, D.S. Kul'tura i myh // Ogonek. – 1985. – № 36.
3. Ionin, G.N. Analiz literaturnogo proizvedeniya. – L., 1976.

Статья поступила в редакцию 24.04.13

УДК 81

Goncharuk E.U., Kalkova O.K. **EMOTIONAL COMPONENT IN THE FORMATION AND PERCEPTION OF ETHNIC AUTO- AND HETEROSTEREOTYPES RUSSIAN (BASED ON ASSOCIATION EXPERIMENT).** The article focuses on the problem of the researching cultural stereotypes. The main idea of the article is considering Russian autostereotype and heterostereotypes about Chinese, Koreans and Vietnamese as the biggest national groups who lives at Far East region of Russia.

Key words: ethnic stereotype, autostereotype, heterostereotype, emotional component, Far East region, Chinese, Koreans, Vietnamese, Russian.

Е.Ю. Гончарук, ст. преп. каф. русского языка Владивостокского гос. университета экономики и сервиса, г. Владивосток, E-mail: ekaterina.goncharuk@vvsu.ru; **О.К. Калькова**, ассистент каф. русского языка Владивостокского гос. университета экономики и сервиса, г. Владивосток, E-mail: Olga.Kalkova@mail.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ ЭТНИЧЕСКИХ АВТО- И ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПОВ РУССКИХ (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)*

Статья посвящена проблеме исследования социально-культурных стереотипов. В центре внимания авто-стереотипы русских и гетеростереотипы корейцах, китайцах и вьетнамцах как наиболее многочисленных национальных группах, представленных. Дальнем Востоке.

Ключевые слова: этнический стереотип, автостереотип, гетеростереотип, эмоциональный компонент, Дальневосточный регион, китайцы, корейцы, вьетнамцы, русские.

Этнические стереотипы в последнее время привлекают повышенное внимание и становятся объектом изучения лингвокультурных исследований. В связи с увеличением количества иностранных студентов в российских вузах, переориентацией на многонациональное обучение, становятся актуальными исследования социальных стереотипов, относящихся к членам этнических групп.

В ситуациях нарастающей национальной напряженности этнические стереотипы способны усиливать проявления предубежденности к членам другой этнической группы, усугублять социальные предрассудки, развивать процессы отчужденности и поляризации групп. XXI век характеризуется открытостью границ, межэтнические контакты становятся нормой жизни, поэтому изучение современного состояния стереотипных представлений национальностей, сосуществующих вместе, не только представляет интерес для исследователей, но и является необходимостью нашего времени. Несмотря на то, что устойчивость выделяется как одно из важных свойств этнических стереотипов, и стабильность их не раз подтверждалась в эмпирических

исследованиях, она все-таки относительна. Этнические стереотипы способны с течением времени трансформироваться. Изменчивость оценок может быть связана с меняющимся характером отношений между группами, улучшением информированности, увеличением межэтнических контактов. С учетом этого свойства, возможно целенаправленно влиять на позитивную трансформацию стереотипов для воспитания толерантного отношения к другим этническим группам.

Общеизвестным является факт, что этнические стереотипы нередко носят отрицательный характер в процессе межличностной коммуникации. Происходит это зачастую при недостатке информации о конкретном партнере по общению. В Дальневосточном регионе России доля присутствия представителей азиатских стран с каждым годом увеличивается. Сформированные ранее стереотипные представления о восточных национальностях начинают оказывать значительное влияние на социальную сферу взаимодействия представителей данных культур. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение особенностей таких этнических групп, выявление и описание суще-

ствующих этнических стереотипов для формирования в будущем беспристрастного восприятия национальных меньшинств и развития условий успешного сосуществования, т.к. этностереотипы оказывают огромное влияние на социализацию, поведение следующих поколений в отношении представителей той или иной этнической общности. Для данной работы актуальным является исследование автостереотипов русских и гетеростереотипов о китайцах, корейцах и вьетнамцах как наиболее многочисленных национальных группах, представленных на Дальнем Востоке.

Под этническими стереотипами мы понимаем относительно устойчивые представления о моральных, умственных и физических качествах, присущих представителям различных этнических общностей [1]. В содержании стереотипов обычно зафиксированы оценочные мнения об указанных качествах, но могут содержаться и предписания к действию в отношении людей данной национальности. Вслед за авторами словаря мы также различаем в содержании этнических стереотипов относительно устойчивое ядро (комплекс представлений о внешнем облике представителей этого народа, о его историческом прошлом, особенностях образа жизни и трудовых навыках) и изменчивые суждения относительно коммуникативных и моральных качеств этого народа; изменчивость оценок этих качеств тесно связана с меняющейся ситуацией в отношениях межнациональных и межгосударственных.

Задачей исследования является статичное вычленение и анализ когнитивной и эмоционально-оценочной составляющих автостереотипов русских и гетеростереотипных представлений о китайцах, корейцах и вьетнамцах. В работе мы исходим из положения о том, что автостереотипы обычно более позитивны, дифференцированы и комплексны в сравнении с гетеростереотипами [2]. Известно, что стереотипы «содержат комплекс положительных оценок о существующих в реальности или воображаемых чертах собственной этнической группы и способствуют формированию индивидуальной культурно-языковой личности, воспитания у нее определенных качеств из желания соответствовать представлению о «типичном» представителе своего народа, этноса и т.д. Для автостереотипа свойственно идеализирование своего народа, наделение его только положительными качествами» [3]. Гетеростереотипы, в свою очередь, могут быть как положительными, так отрицательными и нейтральными.

Среди наиболее существенных свойств этнических стереотипов принято выделять неточность, но мы придерживаемся мнения, что в настоящее время этнические стереотипы по большей части отражают скорее реальные взаимоотношения контактирующих национальных групп. Содержание этнических стереотипов указывает на актуальное состояние межэтнических отношений, такие как возникновение напряженности во взаимоотношениях либо период благополучия.

Большинство исследователей также выделяет в качестве одного из основных свойств этнических стереотипов их эмоционально-оценочный характер и поляризацию знака оценки. Другими словами, они способны передавать оценку, настроение, предпочтения и воспринимаемые характеристики. Данная категория стереотипов относится к изменчивым суждениям, а значит, выявление и описание именно эмоционально-оценочных стереотипов может быть использовано в дальнейшем для моделирования программ по формированию толерантного межэтнического общения.

Цель нашей работы – выявление состава авто- и гетеростереотипов русских о китайцах, корейцах и вьетнамцах. Для достижения данной цели нами выбран метод свободного ассоциативного эксперимента. В рамках эксперимента 1 было опрошено 60 русских студентов в возрасте от 16 до 18 лет. Испытуемым предлагалось назвать реакции на слово-стимул. Стимулом послужили наименования национальностей (русские, китайцы, корейцы, вьетнамцы).

Для исследования эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа в качестве дополнительной методики был использован набор полученных в первом эксперименте реакций. В эксперименте 2 новой группе из 25 респондентов в возрасте от 16 до 18 лет предлагалось оценить предложенные слова-реакции, перечисленные независимо от культурной принадлежности, по шкале + (положительная оценка), – (отрицательная оценка), 0 (нейтральная оценка). Проведение эксперимента по выявлению оценочного компонента полученных слов-ре-

акций целесообразно ввиду того, что для абсолютного большинства анализируемых стереотипов в толковом словаре оценочное значение отсутствует, тогда как на прагматическом уровне оно существует.

Все реакции, полученные в процессе исследования, проанализированы исходя из эмоциональной и когнитивной составляющих, включенных в стереотип. Эмоциональный аспект стереотипов рассмотрен на основе эксперимента 2. Под когнитивной составляющей стереотипа предполагаются категории безоценочного характера, отображающие специфические предметно-содержательные черты, включенные в образ представителя своей и другой национальности.

По итогам проведенного эксперимента 1 были получены следующие результаты.

При ответе на вопрос «Какие русские?» наиболее частотными реакциями стали прилагательные: общительный (40%), добрый (32%), открытый (30%), ленивый (25%), дружелюбный (18%), смелый (15%) эмоциональный (15%), сильный (13%), веселый (10%), умный (8%), щедрый (8%).

Менее частотными стали прилагательные: гостеприимный (6%), любознательный (5%), отзывчивый (5%), волевой (5%), гордый (5%), улыбчивый (5%), наглый (5%), трудолюбивый (3%), решительный (3%), любопытный (3%), самолюбивый (3%), неактивный (3%), безразличный (3%), ответственный (3%), недоверчивый (3%).

Единичными реакциями стали: искренний (2%), самоуверенный (2%), внимательный (2%), вежливый (2%), находчивый (2%), справедливый (2%), болтливый (2%), отчаянный (2%), злой (2%), слабохарактерный (2%), вспыльчивый (2%), хвастливый (2%).

Учитывая результаты эксперимента 2, полученные слова-реакции можно разделить на три группы: слова с положительной оценкой, слова с отрицательной оценкой и слова нейтрально окрашенные. Таким образом, к реакциям с положительной оценкой относятся следующие прилагательные: общительный (40%), добрый (32%), дружелюбный (18%), смелый (15%), сильный (13%), веселый (10%), умный (8%), щедрый (8%), гостеприимный (6%), любознательный (5%), отзывчивый (5%), волевой (5%), гордый (5%), улыбчивый (5%), трудолюбивый (3%), решительный (3%), ответственный (3%), искренний (2%), самоуверенный (2%), внимательный (2%), вежливый (2%), находчивый (2%), справедливый (2%).

К группе слов с отрицательной оценкой относятся прилагательные: ленивый (25%), наглый (5%), неактивный (3%), злой (2%), слабохарактерный (2%), вспыльчивый (2%), хвастливый (2%).

К нейтрально окрашенным словам относятся реакции: открытый (30%), эмоциональный (15%), любопытный (3%), самолюбивый (3%), безразличный (3%), недоверчивый (3%), болтливый (2%), отчаянный (2%).

Исходя из результатов эксперимента 2 по выявлению эмоционально-оценочного компонента в процентном соотношении имеем: положительных реакций – 61%, отрицательных – 18%, нейтральных – 21%. Таким образом, видно, что большинство полученных реакций относится к словам с положительной оценкой, что демонстрирует одобрительное отношение русских к себе как к нации. Полученные данные согласуются с основным свойством автостереотипов, тенденцией к идеализированию своего этноса и свидетельствуют о позитивной самоидентификации русских. Состав отрицательных стереотипов традиционен и значительно меньше по содержанию, чем набор положительных.

На вопрос: «Какие корейцы?» мы получили следующие ответы, среди которых наиболее частотными реакциями стали прилагательные: трудолюбивый (27%), сдержанный (12%), спокойный (12%), умный (12%), строгий (10%), воспитанный (8%), добрый (8%), пунктуальный (8%), целеустремленный (8%). Менее частотными стали ответы: гостеприимный (5%), общительный (5%), серьезный (5%), открытый (5%), скрытный (3%), самоуверенный (5%), вежливый (3%), миролюбивый (3%), эмоциональный (3%), творческий (3%), дружелюбный (3%), чистоплотный (3%), терпеливый (3%). К единичным реакциям относятся: веселый (1%), активный (1%), щедрый (1%), сплоченный (1%), религиозный (1%), культурный (1%), порядочный (1%), неагрессивный (1%), мягкий (1%), тактичные (1%), находчивый (1%), узкоглазый (1%), непунктуальный (1%), непринужденный (1%), хитрый (1%), милосердный (1%), работоспособный (1%), изобретательный (1%), патристичный (1%), скромный (1%), экономный (1%), тихий (1%), завистливый (1%).

Исходя из результатов, полученных в ходе эксперимента 2, данные слова-реакции можно разделить на три группы. К группе слов с положительной окраской относятся следующие прилагательные: трудолюбивый (27%), сдержанный (12%), спокойный (12%), умный (12%), воспитанный (8%), добрый (8%), пунктуальный (8%), целеустремленный (8%), гостеприимный (5%), общительный (5%), серьезный (5%), самоуверенный (5%), вежливый (3%), миролюбивый (3%), творческий (3%), дружелюбный (3%), чистоплотный (3%), терпеливый (3%), веселый (1%), активный (1%), щедрый (1%), сплоченный (1%), культурный (1%), порядочный (1%), неагрессивный (1%), мягкий (1%), тактичный (1%), находчивый (1%), непринужденный (1%), милосердный (1%), работоспособный (1%), изобретательный (1%), экономный (1%).

Группу слов с отрицательной оценкой составляют прилагательные: скрытный (3%), непунктуальный (1%), хитрый (1%), завистливый (1%).

К группе нейтрально окрашенных слов относятся: строгий (10%), открытый (5%), эмоциональный (3%), религиозный (1%), узкоглазый (1%), патриотичный (1%), скромный (1%), тихий (1%).

Исходя из результатов эксперимента 2 в процентном соотношении: положительных реакций – 73%, отрицательных – 9%, нейтральных – 18%. Как видно из полученных результатов, самой многочисленной группой стала группа с положительно окрашенными прилагательными. Таким образом, эмоциональное отношение русских к корейцам в целом положительное, русские склонны к более позитивной оценке корейцев, чем самих себя. Такие результаты могут объясняться разными причинами: геополитическое положение, социальный уровень приезжающих корейцев, большая европеизированность корейцев по сравнению с представителями других азиатских стран. Такие результаты говорят об отношениях продуктивного сотрудничества между нашими странами.

На следующий вопрос анкеты «Какие китайцы?» мы получили следующие ответы, среди которых наиболее частотными реакциями стали прилагательные: трудолюбивый (70%), общительный (13%), шумный (13%), неряшливый (12%), дружелюбный (12%), закрытый/замкнутый (10%), наглый (10%), эмоциональный (8%), патриотичный (8%), сдержанный (8%), добрый (8%), резкий (7%), непунктуальный (7%), изобретательный (7%). В группу менее частотных реакций вошли слова: хитрый (5%), неопрятный (5%), творческий/талантливый (5%), терпеливый (5%), улыбчивый (3%), вспыльчивый (3%), говорливый (3%). К единичным ответам относятся слова: разговорчивый (2%), измотанный (2%), нечистоплотный (2%), гостеприимный (2%), тактичный (2%), неуклюжий (2%), суетливый (2%), злой (2%), мерзкий (2%), пахнущий (2%), меркантильный (2%), заботливый (2%), агрессивный (2%), узкоглазый (2%), грязный (2%), предприимчивый (2%), голодный (2%), энергичный (2%), принципиальный (2%), скрытный (2%), приветливый (2%), плодовитый (2%), скромный (2%), экономный (2%), приставучий (2%), умный (2%), надоедливый (2%), целеустремленный (2%).

С учетом результатов, полученных в ходе эксперимента 2, данные слова-реакции можно разделить на три группы. К группе слов с положительной окраской относятся следующие прилагательные: трудолюбивый (70%), общительный (13%), дружелюбный (12%), сдержанный (8%), добрый (8%), изобретательный (7%), творческий/талантливый (5%), терпеливый (5%), улыбчивый (3%), разговорчивый (2%), гостеприимный (2%), тактичный (2%), заботливый (2%), энергичный (2%), приветливый (2%), экономный (2%), умный (2%), целеустремленный (2%).

Группу слов с отрицательной оценкой составляют следующие слова-реакции: шумный (13%), неряшливый (12%), закрытый/замкнутый (10%), наглый (10%), резкий (7%), непунктуальный (7%), хитрый (5%), неопрятный (5%), вспыльчивый (3%), измотанный (2%), нечистоплотный (2%), неуклюжий (2%), суетливый (2%), злой (2%), мерзкий (2%), пахнущий (2%), меркантильный (2%), агрессивный (2%), грязный (2%), скрытный (2%), приставучий (2%), надоедливый (2%).

В группу нейтрально окрашенных прилагательных входят слова: эмоциональный (8%), патриотичный (8%), говорливый (3%), узкоглазый (2%), принципиальный (2%), скромный (2%).

Учитывая результаты эксперимента 2 по выявлению эмоционально-оценочного компонента, в процентном соотношении: положительных реакций – 39%, отрицательных – 48%, нейтральных – 13%. Таким образом, самой крупной по количеству элементов стала группа прилагательных с отрицательным значени-

ем. Отсюда следует, что представления русских респондентов о китайцах негативное.

На последний вопрос анкеты «Какие вьетнамцы?» мы получили следующие ответы, среди которых наиболее частотной реакцией стало отсутствие ответа 50 %, это свидетельствует об отсутствии в сознании русских четко сформированных стереотипов о представителях вьетнамской нации. Среди полученных результатов также были следующие слова-реакции: вежливый (7%), узкоглазый (3%), жестокий (3%), улыбчивый (3%), скрытный (2%), невысокий (2%), общительный (2%), приветливый (2%), культурный (2%), закрытый (2%), гостеприимный (2%), злой (2%), грязный (2%), недружелюбный (2%), подлый (2%), аккуратный (2%), дружелюбный (2%), спокойный (2%), добродушный (2%), добрый (2%), трудолюбивый (2%), наивный (2%). Принимая во внимание эксперимент 2, мы разделили полученные результаты на три группы. К группе слов с положительной окраской относятся: вежливый (7%), общительный (2%), приветливый (2%), улыбчивый (3%), культурный (2%), гостеприимный (2%), аккуратный (2%), дружелюбный (2%), спокойный (2%), добродушный (2%), добрый (2%), трудолюбивый (2%).

К группе слов с отрицательной оценкой относятся прилагательные: жестокий (3%), скрытный (2%), закрытый (2%), злой (2%), грязный (2%), недружелюбный (2%), подлый (2%), наивный (2%).

Группу нейтрально окрашенных слов составляют прилагательные: узкоглазый (3%), невысокий (2%).

Результаты эксперимента 2 в процентном соотношении: положительных реакций – 54%, отрицательных – 37%, нейтральных – 9%. Самой многочисленной стала группа со словами, имеющими положительную оценку. Таким образом, русские позитивно оценивают вьетнамцев, однако проведенный эксперимент доказал отсутствие сложившегося стереотипа о данной национальности у русских. Это может быть показателем отношений между представителями этих национальностей, которые носят непостоянный характер и не затрагивают важных для русских сфер. Русские склонны относиться к вьетнамцам терпимо, без ярко выраженных эмоций.

Кроме того, итоги эксперимента 1 показали, что самой трудолюбивой нацией русские считают китайцев (70%), затем корейцев (27%), в то время как у русских это качество отметили только 3% опрошенных. Реакция «ленивые» встречается только по отношению к русским (25%). Учитывая данные результаты, мы можем утверждать, что, хотя автостереотип русских позитивный, они не склонны идеализировать представление о своей национальности, оценивают себя с долей самокритики.

Самой эмоциональной нацией респонденты считают русских (15%), затем следуют китайцы (8%), наименее эмоциональны корейцы (3%). По отношению к вьетнамцам результатов не получено. Самыми общительными, по мнению опрошенных, также являются русские (40%), в втором месте китайцы (13%), наименее общительны корейцы (5%). Самыми открытыми являются русские (30%), корейцы (5%), по отношению к китайцам и вьетнамцам такой ассоциации не встречается, зато получена реакция закрытые. Таким образом, открытые русские противопоставляются менее открытым корейцам и закрытым, замкнутым китайцам и вьетнамцам.

Эксперимент продемонстрировал более положительное отношение русских к корейцам, чем к китайцам. Среди ассоциаций, полученных по отношению к корейцам, преобладают слова, которые можно условно объединить в группу «уровень культуры» и отнести следующие реакции: воспитанные, вежливые, тактичные, порядочные, пунктуальные, культурные. По отношению к китайцам встречаются слова с явно отрицательной оценкой: наглые, резкие, непунктуальные, надоедливые, приставучие. Также следует отметить, что русские делают корейцев и китайцев по признаку чистоплотный/нечистоплотный. Среди ассоциаций, связанных с китайцами, возникает целая группа слов, характеризующая внешний вид и отношение к чистоте: неряшливые, неопрятные, нечистоплотные, пахнущие, мерзкие, грязные. Причины резко отрицательного отношения к китайцам могут заключаться не только в национальных особенностях, но и в преобладании на территории Дальнего Востока выходцев из Китая с низким социальным статусом и занимающих наименее значительную социальную нишу, в то время как представители Республики Корея, как правило, являются владельцами крупного и среднего бизнеса или управляющими филиалами всемирно известных корейских компаний. Данные результаты объясняют

готовность и стремление русских студентов к общению с корейцами и гораздо меньшее желание контактировать с китайцами.

Таким образом, результаты проведенного эксперимента показали положительный автостереотип русских, положительными оказались также гетеростереотипы представителей корейской и вьетнамской национальностей, в то время как по отношению к китайцам доминирует отрицательная оценка. Также следует отметить отсутствие сложившегося стереотипа о вьетнамцах, поскольку 50% опрошенных не представили ни одной ассоциации. В то же время к итогам эксперимента можно отнести наличие готового стереотипа о корейцах. Сформировавшийся в их отношении стереотип связан, прежде всего, с высоким уровнем образования и культуры поведения представителей Кореи. Стоит отметить, что во время проведения эксперимента у респондентов не возникло вопросов по поводу деления корей-

цев на северных и южных. Это является доказательством мнения о том, что русские не делят корейцев на два различных народа и в своих анкетах дают оценку скорее представителям Южной Кореи.

В перспективе развития темы исследования представляет интерес динамика представленных выше стереотипов, разработка методики корректировки негативного влияния отрицательных стереотипов на социокультурное восприятие в процессе обучения в многонациональном вузе.

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0533 «Исследование этнокультурной специфики речевой коммуникации носителей русского и восточных языков в социально-бытовой сфере общения»

Библиографический список

1. Головин, С.Ю. Словарь практического психолога [Э/р]. – Р/д: http://psychology.academic.ru/2462/%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%BF_%D1%8D%D1%82%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9#sel=3;2;3;37
2. Автостереотип // Психология общения. Энциклопедический словарь. – М., 2011.
3. Мучкина, Е.С. Этнические стереотипы и их отражение в семантике этнонимов // Филология и человек. – 2010. – № 4.

Bibliography

1. Golovin, S.Yu. Slovarj prakticheskogo psikhologa [Eh/r]. – R/d: http://psychology.academic.ru/2462/%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%BF_%D1%8D%D1%82%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9#sel=3;2;3;37
2. Avtostereotip // Psikhologiya obsheniya. Ehnciklopedicheskiy slovarj. – M., 2011.
3. Muchkina, E.S. Etnicheskie stereotipih i ikh otrazhenie v semantike ehnonimov // Filologiya i chelovek. – 2010. – № 4.

Статья поступила в редакцию 04.05.13

УДК 801.6

Kukueva G.V., Karagodina I.A. INTERECTIONAL DERIVATION PROCESS IN THE JOKE STORY AS THE GENRE THE FORM OF A MODERN SHORT PROSE. The article describes the mechanism of interactional derivation on the material of the texts of joke stories, identifies formal, substantial-functional and composition-speech features of the secondary text of the joke story, built on the basis of the relations of the composition.

Key words: interactional derivation, secondary text, joke story, the relations of the composition.

Г.В. Кукуева, д-р филол. наук, проф. АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: kupala@inbox.ru;

И.А. Карагодина, аспирант АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: karagodina.inna@yandex.ru

МЕЖТЕКСТОВОЙ ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В РАССКАЗЕ-АНЕКДОТЕ КАК ЖАНРОВОЙ ФОРМЕ СОВРЕМЕННОЙ МАЛОЙ ПРОЗЫ

В статье описывается действие механизма межтекстовой деривации на материале текстов современных рассказов-анекдотов, выявляются формальные, субстанционально-функциональные и композиционно-речевые особенности вторичного текста рассказа-анекдота, построенного на основе отношений сочинения.

Ключевые слова: межтекстовая деривация, вторичный текст, рассказ-анекдот, отношения сочинения.

В современной филологической науке назрела необходимость пересмотреть сложившуюся жанровую иерархию малых прозаических форм, на что указывается в работах Д. Кузьмина, Ю. Орлицкого, С.В. Тарасовой и др. Связано это с тем, что традиционная система жанровых координат претерпела изменения, обусловленные экспериментами с малой формой. Результатом данных экспериментов стало появление новых синкретических жанровых форм, среди которых выделяются «рассказы-сценки», «сценки-миниатюры», «рассказы-анекдоты» и т.д. Специфические черты внутрижанровых преобразований, на наш взгляд, позволят раскрыть деривационный подход к описанию текстов малой прозы, в частности, рассказа-анекдота.

Цель статьи – описать действие межтекстового деривационного процесса на примере сочинительных отношений между первичным и вторичным текстом в современных рассказах-анекдотах.

Новизна работы заключается в том, что механизм межтекстовой деривации рассматривается на материале современных рассказов-анекдотов, опубликованных на Интернет-сайтах (<http://lib.ru/PROZA>; <http://www.proza.ru>). В малой прозе начала XXI в. появление синкретических жанров обусловлено межтекстовым

деривационным процессом во вторичном тексте, созданном на базе первичного. Новизна работы также видится в применении к исследованию текстов деривационного подхода с унификацией лингвистической терминологии, в частности, в преломлении идей синтаксической деривации к описанию сочинительных отношений между текстами.

При разработке теории межтекстовой деривации мы опираемся на некоторые идеи теории синтаксической деривации, разработанной Л.Н. Мурзиным, объясняем это тем, что принцип деривации является универсальным. Деривационный процесс, протекающий на любом уровне, основывается на отношениях производности между единицами. Производной считается та единица, которая была получена в результате деривации от производящей единицы. Тексты можно рассматривать как исходный и производный, если соблюдаются три критерия: 1) имеет место факт взаимодействия текстов, 2) взаимодействующие тексты находятся в отношении частичного тождества, 3) один из текстов оказывается сложнее в структурном и функционально-семантическом отношении.

Утверждаем, что синкретическая жанровая форма рассказ-анекдот образовалась в результате действия межтекстового

деривационного процесса. В качестве доказательства рассмотрим составляющие механизма межтекстовой деривации.

Для того чтобы состоялась деривация, необходимо наличие некой исходной единицы, которая, претерпев ряд изменений, будет преобразована во вторичную. В таком случае объектом межтекстового деривационного процесса выступают первичная жанровая форма анекдота и условно жанровая форма рассказа. Они заданы до начала деривации в чистом виде со всеми присущими им признаками. Анекдот не только вступает во взаимодействие с рассказом, но и меняет сферу бытования.

Для начала деривационного процесса необходимы определенные предпосылки. Среди внешних факторов можно назвать следующие. Во-первых, постмодернистское настроение в современной литературной среде, влекущее за собой ломку традиционных способов организации художественного текста. Так, рассказ в эпоху постмодернизма принципиально отличается от реалистического рассказа. Современный рассказ выполняет иную прагматическую функцию – доставить удовольствие читателю. Во-вторых, с развитием Интернет-ресурсов люди большую часть своего времени проводят за компьютером и читают в основном с экрана монитора. По этой причине писательское сообщество наиболее активно стало использовать различные жанровые модификации, повлекшие изменения во всей жанровой системе современной малой прозы. Рассказ и анекдот оказались одними из самых мобильных прозаических форм. Они по объему небольшие, но увлекательные, чтение их не занимает много времени.

К внутренним факторам относятся такие, как генетическое родство двух жанровых форм. Известно, что в основе рассказа непременно лежит ситуация, вокруг которой разворачивается всё действие, анекдот в свою очередь имеет установку на рассказывание в определенной ситуации (и содержание анекдота составляет парадоксальная ситуация). А также то свойство анекдота, что он не может существовать вне контекста, вне ситуации (его называют жанром-паразитом), порождает еще один не менее важный фактор. В условиях функционирования в инородной среде (вместо привычной для него сферы устного общения – художественная сфера) анекдот активизирует свойство быть потенциально готовым к соединению с другой жанровой формой, так как он не может «работать» вне окружения. Третий фактор вызван гибкостью некоторых жанровых признаков: ситуативность, краткость, смеховость, парадоксальность. Под гибкостью признаков подразумевается их универсальность, поскольку каждый из этих признаков может принадлежать к другому речевому жанру. Так, признак краткости присущ всем жанрам малой и минимальной прозы, смеховость определяет все юмористические жанры. Гибкость признаков также подчеркивает их способность видоизменяться при трансформации первичной жанровой формы во вторичную [1; 2]. Эти факторы в совокупности способствуют осуществлению процесса межтекстовой деривации. Как известно, жанровая форма – явление абстрактное, но она всегда реализуется в конкретном тексте, поэтому результат деривации должен быть проявлен именно в тексте.

Между исходным и производным текстом в процессе деривации формируются *отношения производности*, которые проявляются в текстовых изменениях на всех уровнях. Происходят эти изменения за счет преобразования жанровых признаков анекдота и рассказа в синкретической жанровой форме. Отсюда следует, что жанровые признаки выступают *средством* деривации, с помощью которого создается и оформляется новая гибридная жанровая форма. Однако преобразование осуществляется не однонаправленно, признаки анекдота и рассказа находятся во взаимодействии. Признаки обоих жанровых форм проявляют разную активность, выступая источником направления движения. В процессе взаимодействия силы сторон могут изменяться: те признаки, которые были ведущими, могут стать относительно пассивными, а пассивные – ведущими.

Таким образом, *межтекстовая деривация* понимается как **процесс**, при котором происходит преобразование исходного (первичного) текста в производный (вторичный) текст, и одновременно как **результат**, выражающийся в усложнении первичного текста на уровне содержания, формы, функции, сохраняющего свою мотивирующую роль в деривационной структуре вторичного текста. Межтекстовые деривационные отношения можно охарактеризовать «как отношения, при которых сохраняется общее структурное и смысловое ядро текстов, а в качестве переменной выступают смыслы, возникшие на базе преобразования первичных признаков» [3, с. 110].

Тексты современных рассказов-анекдотов, рассматриваемые в совокупности, в аспекте межтекстовой деривации представляют собой некоторую инкорпорацию компонентов. Каждый текст строится по принципу включения одного компонента в другой. Однако в одних текстах такое включение проявляется преимущественно на формальном уровне, а в других – на семантическом уровне. Описание отношений подчинения и сочинения между первичным и вторичным текстом рассказов-анекдотов осуществляется с точки зрения деривационного подхода. Рассмотрим подробнее отношения сочинения в тексте современного рассказа-анекдота.

В грамматической науке понятия сочинения и подчинения определяются как такие грамматические категории, которые служат для обозначения разной степени зависимости между компонентами сложного предложения [4, с. 188]. Специфика отношений сочинения на уровне текста в процессе деривации усматривается в координации относительно равноправных частей вторичного текста, а также во взаимозависимости частей на формально-семантическом уровне. Две и более части текста являются равноправными в том случае, если они выполняют одинаковую функцию, каждая часть имеет собственное содержание и художественно-речевую организацию. Данный вид построения рассказа-анекдота можно охарактеризовать как сложение целого из частей, при котором 1) обязательно наличие частей (компонентов целого), 2) закреплён порядок компонентов, 3) все части связаны общим смыслом, объединены одной темой. Значимо, что ни одна из частей не может быть сведена на положение компонента другой.

В общей совокупности текстов современной малой прозы разновидность рассказов-анекдотов, базирующихся на отношениях сочинения, является менее распространенной. Непродуктивность данного вида может быть связана с тем, что текст такого рассказа-анекдота представляет собой усложненный на формально-семантическом уровне способ организации.

Докажем высказанные положения на примере рассказа-анекдота Е. Муляровой «Три истории», в котором формально выделены три части, три самостоятельных абзаца. Каждый абзац представляет собой мини рассказ-анекдот, который вполне мог бы функционировать как независимый текст. В отдельности каждая из частей устроена на основе подчинительной связи, организуются части анекдотической ситуацией. Легко узнаваемые персонажи, принадлежащие другому времени (XIX-XX вв.), пользуются современными техническими средствами (компьютер, сотовый телефон, Интернет). Каждый герой принимает какое-то решение: Н.В. Гоголь удаляет второй том «Мертвых душ», Татьяна отправляет письмо Онегину, Маша отправляет письмо Мите в Петербург, а затем звонит ему. Но все получают ответную реакцию, противоположную предполагаемой.

С точки зрения содержания в анекдотической ситуации каждой части реализуются такие признаки, как ситуативность, парадоксальность. Персонажи предстают перед читателем в той ситуации, в тот период жизни, когда они принимают важное решение, которое, возможно, в дальнейшем изменит их судьбу. Анекдотичность ситуаций заключается в том, что персонажи (Н.В. Гоголь, Татьяна Ларина, Евгений Онегин, лакей Петрушка, няня) «романтического века» оказываются в современной читателю действительности и довольно умело пользуются достижениями технического прогресса, при этом они не полностью «вырваны» из привычного для них мира. Это выражается в описании их действий, обстановки, предметов быта: «*Все более приходя в ужас, Гоголь нажал, потом подтвердил Enter-ом и без чувств упал на вытертый коврик у пламенеющего камина*», «*Петрушка подошел к компьютеру, который, по счастью, хозяин позабыл выключить, и Undelete-ом восстановил второй том «Мертвых душ»*. Он быстренько перекинул все на дискету, потом спрятал ее в карман армяка, выключил компьютер и удалился так же бесшумно, как появился», «*Она отправила письмо, выключила компьютер, задула свечу и упала на белую перину*». Узнаваемость героев и одновременно их существование в новой среде, в новых условиях подчеркивает необычность, непохожесть данной ситуации на другие. Персонажи в несвойственной им функции «осовремениваются», сохраняя при этом характерные черты. Употребление лексики разных временных пластов создает каламбур, заостряет парадоксальность представленных ситуаций.

Признаки театрализованности и смеховости нейтрализуются в связи с тем, что в каждой части рассказа-анекдота на первый план выдвигаются признаки классического рассказа. Пове-

ствование ведется от третьего лица, повествователь не является участником событий, а в анекдоте это обязательное условие. Тяготение к классическому нарративу обусловило доминантную позицию речевой партии повествователя в тексте и сведение речевой партии персонажей к одной фразе. Тем не менее, речь повествователя не отличается единым стилем, она вбирает в себя высокий стиль, характерный для литературных произведений XIX века, и сниженный, наполненный специальной терминологией: «Она решила обратиться к держателю самой совершенной в мире почтовой машины, чьи клиенты настолько уверены в успехе связи, что могут уже не ждать ответа. Маша порылась в шкафу, достала молитвослов, нашла «Канон о болящем» и принялась читать». Из приведенного отрывка ясно, что такое стилевое исполнение создает комичность, но на уровне словоупотребления, построения фразы, а не на уровне ситуации (что необходимо в анекдоте). Как известно, смех в анекдоте вызван действием закона пуанта и служит целью собственно всего рассказа необычной истории. В данном рассказе-анекдоте смех в финале рассказа и каждой части в отдельности отсутствует. Нейтрализация данного признака произошла вследствие преобладания жанровых признаков рассказа, по законам классического рассказа смех в финале не является обязательным условием, как и признак театрализованности. Последний в свою очередь реализуется при наличии актера-рассказчика (очевидца, участника), который благодаря актерским способностям зрелищно расскажет захватывающую историю, смешной, необычный случай. Повествование от третьего лица «снимает» элементы зрелищности, сценичности.

С формальной точки зрения четко соблюдается признак анекдота краткость, все части предельно лаконичны. Стремительное развитие действия, быстрая смена обстановки создают динамичное повествование. Действия персонажей названы глаголами совершенного вида, что подчеркивает результативный характер поступков героев. Например, действие первой части выражено следующим рядом лексем: *Николай Васильевич Гоголь решил – потянулся – нажал – подтвердил – упал. Петрушка вошел – покосился – удивился – подошел – восстановил – перекинул – спрятал – выключил – удалился*. Завершенность и неповторимость каждого действия делают рассказ-анекдот динамичным, быстрым и подчеркивают решительность поступков персонажей. Все части рассматриваемого рассказа-анекдота имеют типовую структуру, используется анафорическое употребление имени собственного:

1) «*Николай Васильевич Гоголь, измученный многодневной голодовкой и религиозным жаром, наконец, решил*»;

2) «*Татьяна закончила послание, легким движением пальчика вызвала адрес, который уже давно знала наизусть: "udjin@oneg.spb.ru"*»;

3) «*Маша отправила по электронной почте письмо Мите в Петербург*».

Имена главных героев каждой из трех историй, вынесенные в начало, подчеркивают единообразие частей в структурном отношении, в оформлении, также здесь необходимо отметить, что действия персонажей перечисляются по схожей модели.

Идентичность оформления каждой части рассказа позволяет утверждать, что данный рассказ-анекдот зиждется на отношении сочинения. Благодаря четкой координации частей явно просматривается тождественность структур, которая, как правило, предполагает и большую степень семантической близости. Во-первых, спаянность и одновременно автономность частей обозначены в названии рассказа-анекдота – «*Три истории*». Следовательно, каждая часть представляет собой самостоятельную историю с определенным кругом персонажей, и таких частей должно быть три. Во-вторых, заключенные в одну рамку части объединены тематически. В век активного развития компьютерных технологий человек независимо от того, к какому поколению он принадлежит, стремится решить возникшие проблемы, используя современные технические средства. В первой истории персонаж измучен «*многодневной голодовкой и религиозным жаром*», т.е. испытывает сильное внутреннее возбуждение, но при этом он доводит задуманное до конца – нажимает клавишу F8 и подтверждает Enter-ом. Во второй истории мысль няни о том, что компьютер – «*бесовское изобретение*», не влияет на решение Татьяны, которая отправляет Онегину электронное письмо с признанием в своих чувствах. Третья история замыкает круг. Маша, разочарованная в современных средствах связи, обращается «*к держателю самой совершенной в мире почтовой машины, чьи клиенты настолько уверены в успехе связи, что могут уже не ждать ответа. Маша порылась в шкафу, достала молитвослов, нашла «Канон о болящем» и принялась читать*». В финале каждой истории герой не получает желаемого результата и остается наедине со своими проблемами.

Таким образом, в результате действия межтекстовой деривации в тексте рассказа-анекдота, построенного на отношениях сочинения, на содержательном уровне проявляются такие признаки, как ситуативность, парадоксальность. Признаки театрализованности и смеховости нейтрализуются в связи с тем, что в каждой части рассказа-анекдота на первый план выдвигаются признаки классического рассказа. Повествование ведется от третьего лица, повествователь не является участником событий, а в анекдоте это обязательное условие. С формальной точки зрения четко соблюдается признак анекдота краткость, что создает динамичное повествование.

Библиографический список

1. Чувакин, А.А. К проблематике деривационной текстологии / А.А. Чувакин, Ю.Ю. Бровкина, Н.А. Волкова, Т.Н. Никонова // Человек – коммуникация – текст / под ред. А.А. Чувакина. – Барнаул, 2000. – Вып. 4.
2. Кукуева, Г.В. Рассказы В.М. Шукшина: лингвотипологическое исследование: монография. – Барнаул, 2008.
3. Кукуева, Г.В. Тексты малой прозы в аспекте межтекстовых деривационных отношений (к постановке проблемы) // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности: сб. науч. статей. – Н. Новгород, 2010. – Вып. 5.
4. Веретельник, Н.В. К вопросу о характере синтаксической связи в системе сложного предложения // Ярославский педагогический вестник. – 2009 (60). – № 3.

Bibliography

1. Chuvakin, A.A. K problematike derivacionnoy tekstologii / A.A. Chuvakin, Yu.Yu. Brovkina, N.A. Volkova, T.N. Nikonova // Chelovek – kommunikaciya – tekst / pod red. A.A. Chuvakina. – Barnaul, 2000. – Vyp. 4.
2. Kukueva, G.V. Rasskazi V.M. Shukshina: lingvotipologicheskoe issledovanie: monografiya. – Barnaul, 2008.
3. Kukueva, G.V. Tekstih maloy prozi v aspekte mezhtekstovikh derivacionnykh otnosheniy (k postanovke problem) // Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti: sb. nauch. statey. – N. Novgorod, 2010. – Vyp. 5.
4. Veretelnik, N.V. K voprosu o kharaktere sintaksicheskoy svyazi v sisteme slozhnogo predlozheniya // Yaroslavskiy pedagogicheskij vestnik. – 2009 (60). – № 3.

Статья поступила в редакцию 14.05.13

УДК 811.161.1'37

Linkova Yu.I. **ANTINOMIC MODEL «PURCHASE AND SALE» IN RUSSIAN LINGUOCULTURE.** The work analyzes the antinomic model «purchase and sale» in the Russian linguoculture, which basic representatives are verbs *buy* and *sell*, the work also gives the semantic analysis of these verbs, changes of the subject of the possessive relations from gender positions, processes of narrowing and extension of objects.

Key words: possessive relations, semantic structure, antinomic model, categorical seme, integral seme.

Ю.И. Линькова, ассистент каф. английского языка Волгоградского гос. университета,
г. Волгоград, E-mail: y.linkova@mail.ru

АНТИНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «КУПЛЯ-ПРОДАЖА» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В работе анализируется антиномическая модель «купля-продажа» в русской лингвокультуре, базовыми репрезентантами которой являются глаголы купить-продать, представлен семантический анализ данных глаголов, выявлены изменения субъекта посессивных отношений с позиций гендера, процессы сужения и расширения класса объектов.

Ключевые слова: посессивные отношения, семантическая структура, антиномическая модель, категориальная сема, интегральная сема.

Человек существует в определенном пространстве, где его окружает множество разнообразных объектов, с которыми он вступает в различного рода отношения. Одним из ведущих в процессе познания человеком окружающей действительности являются отношения посессивности. Категория посессивности – одна из универсальных понятийных категорий, она находит выражение в любой лингвокультуре. Основное значение данной категории – «определение названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету» [1, с. 388]. Категория посессивности представляет собой субъектно-объектные отношения, которые могут быть рассмотрены с точки зрения антиномических моделей.

В философии под антиномией понимается «ситуация, в которой противоречащие друг другу высказывания об одном и том же объекте имеют логически равноправное обоснование и их истинность или ложность нельзя обосновать в рамках принятой парадигмы, то есть противоречие между двумя положениями, признаваемыми одинаково верными, или, другими словами, противоречие двух законов» [2, с. 34].

Опираясь на приведенное толкование антиномии, в качестве рабочего определения мы принимаем следующее: антиномия – это тип семантических отношений лексических единиц, имеющих противоположные значения. Антиномия представляет собой противоположность внутри одной сущности. Ее логическую основу образуют противоположные видовые понятия, представляющие собой предел проявления качества (свойства), определяемого родовым понятием: «горячий» – «холодный», «падать» – «подниматься» и т.п. [3, с. 36].

В нашей работе мы рассмотрим модели семантических антиномий посессивных отношений. Под моделью мы понимаем типичную схему, описывающую посессивные отношения, которые могут быть представлены по-разному – и как отношения обладания [4]. Базовой общей антиномией посессивных отношений является антиномия «приобщение-отчуждение», поскольку она отражает непосредственно начало и окончание отношений посессии. Субъект-посессор, приобщая объект, прикладывает к этому определенные усилия, поэтому утрата объекта, включенного в сферу субъекта, нежелательна, но является необходимым условием существования отношений между субъектом и объектом. В рамках данной антиномии можно выделить определенные модели посессивных ситуаций, репрезентирующие, каким образом осуществляется приобщение, либо отчуждение объекта. Одной из таких моделей является антиномическая модель «купля (покупка) – продажа». Модель включает в себя следующие составляющие: субъект, объект, посессивное действие – процесс; в русском языке репрезентируется глаголами *купить, накупить, закупить, перекупить, достать; продать, распродать, перепродать, сбыть*.

Базовыми репрезентантами данной модели являются глаголы *купить-продать*. Глагол *купить* и его префиксальные образования характеризуют начало посессивных отношений, передают определенную предпринимаемую субъектом деятельность с целью получения в свою сферу объекта.

Остановимся на характеристике первого компонента модели – субъекте. Субъект может быть одушевленный, конкретный, активный. На протяжении девятнадцатого-двадцатого веков субъект посессивных отношений менялся с точки зрения гендерного подхода. Если в девятнадцатом-двадцатом веках субъектом отношений купли-продажи может выступать в большей степени мужчина, то к двадцатому веку в связи с произошедшей «гендерной модернизацией», основной акцент поставлен на изменение социально-политических ролей женщин, опреде-

ление их новой общественной ниши в рамках общей трансформации социального гендерного порядка. В связи с этим, женщины наравне с мужчинами являются субъектами посессивных отношений: *Она, кстати, неплохо зарабатывала и могла бы купить квартиру гораздо лучше этой, но сознательно выбрала скромный вариант, потому что здесь прошло когда-то ее детство, к тому же она откладывала деньги на свою мечту: дом в Подмоскovie* [Слаповский]; *А потом неожиданно она купила в Кочкарине невзрачную хатенку, устроилась на станции работать, стала жить* [Екимов].

Следующим компонентом модели выступает объект. В качестве объектов собственности нами выделяются материальные и нематериальные объекты. Материальными являются объекты, обладающие реальным материальным содержанием (например, земля, здания, машины и оборудование и т.п.). Таким образом, к ним относятся движимое и недвижимое имущество. Под нематериальными мы понимаем объекты, не имеющие физической формы, к ним относят интеллектуальную и нематериальную собственность.

В качестве объектов недвижимого имущества выступают: земельные участки, здания, сооружения, например: *усадьба, дом, квартира: И эта тоска у него мало-помалу выплилась в определенное желание, в мечту купить себе маленькую усадьбу где-нибудь на берегу реки или озера* [Чехов]; *Все злые слухи и отговаривания не помешали Георгию Сергеевичу Триродову купить дом* [Сологуб]; *Дядя советует прежде не жадничать денег, каким бы то ни было образом, купить дом, завести лошадей, а потом уж завести и жену* [Островский]; *И все тридцать семь лет я это знала и помогала ему квартиру достать, оформить документы на получение категории или заполнить анкету для поездки за рубеж* [Смирнова].

В качестве объектов движимого имущества выступают предметы и товары, которые приобретает субъект: вещи, животные, деньги, ценные бумаги: *Нельзя ли молока у вас купить?* спросила Клара [Солженицын]; *Даже полотенце она не взяла, намереваясь купить его на месте...* [Улицкая]; *В продолжение каждого месяца он хотя бы один раз навещался к Петровичу, чтобы поговорить о шинели, где лучше купить сукна, и какого цвета, и в какую цену, и хотя несколько озабоченный, но всегда довольный возвращался домой, помышляя, что наконец придет же время, когда всё это купится и когда шинель будет сделана* [Гоголь]; *Импортные, на высоком каблучке, с золоченой цепочкой. Нелегко такие достать. Помогла бывшая пациентка, спасибо ей* [Грекова]; *Пусты были магазины города, но всё можно было достать здесь, всё, что можно проглотить, что можно надеть на верхнюю или нижнюю часть тела, всё, что можно изобрести до американской жевательной резинки, до пистолетов, до учебников чёрной и белой магии* [Солженицын]; *Можно ли достать на Капри хотя бы простой готовый гроб, спрашивает мадам?* [Бунин].

Следующий вид объектов – это нематериальные объекты, которые делятся в свою очередь на интеллектуальную и нематериальную собственность. В рамках нематериальной собственности объект может иметь и абстрактный характер, в таком случае можно говорить о ситуации приобщения субъектом каких-либо новых или иных возможностей для себя. Абстрактный объект при глаголах *купить* (*покупать, накупить, закупить*) подчеркивает ряд усилий, даже испытаний, через которые проходит субъект с целью получения чего-то необходимого ему: *Развратный старик видит невиновность её в краже и предлагает продажей чести купить свободу* [Герцен]; *Где именно жил пригласивший чиновник, к сожалению, не можем сказать:*

память начинает нам сильно изменять, и всё, что ни есть в Петербурге, все улицы и дома слились и смешались так в голове, что весьма трудно **достать оттуда** что-нибудь в порядочном виде [Гоголь]; Скажи, скажи, какой ценой **купить мне жизнь** [Лермонтов]; *Глафира Митревна изволят ревновать меня, посему мне каждое посещение Александры Васильевны приходится покупать довольно дорого* [Мамин-Сибиряк].

Помимо неодушевленного, объект может иметь одушевленный характер: *Вся работа господ была в том, как бы торговлей, или войной, или в начальстве побольше нажить денег и **накупить себе сильных и искусных рабов и рабынь** и жить в свое удовольствие* [Толстой]; *Под видом избрания места для жительства и под другими предложениями предпринял он заглянуть в те и другие углы нашего государства, и преимущественно в те, которые более других пострадали от несчастных случаев, неурожая, смертностей и прочего и прочего, – словом, где бы можно удобнее и дешевле **накупить потребного народа*** [Гоголь].

Можно отметить, что наличие одушевленного объекта при глаголе *купить* и его префиксальных образованиях характерно в большей степени для текстов девятнадцатого века, периода существования крепостного права, когда были возможны отношения купли-продажи крепостных крестьян.

В качестве нематериального объекта может выступать продукт интеллектуальной собственности: *Арабы узнали – тут же кинулись: **закупить изобретение** и **задушить** его* [Солженицын]. Под интеллектуальной собственностью мы понимаем закрепленное законом временное исключительное право, а также личные неимущественные права авторов на результат интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Данные объекты характерны для периода двадцатого-двадцать первого веков, когда начинается развитие авторского права и понятия интеллектуальной собственности.

Следующим структурным компонентом модели является посессивное действие – процесс, данный компонент репрезентируется глаголами *купить, достать, накупить, раскупить, закупить*. Семантическая структура глаголов рассматривается нами с точки зрения иерархии составляющих ее категориально-лексической, интегральных и дифференциальных сем. В качестве категориально-лексической семы выступает сема 'начало имени объекта в сфере субъекта'. Данная сема представлена интегральными семами: 'средство приобщения', 'цель приобщения'. При анализе семантической структуры глаголов данной микрогруппы интегральная сема 'средство приобщения' может быть реализована в дифференциальном признаке 'денежные средства'.

Остановимся подробнее на глаголе *достать*, который также входит в рассматриваемую микрогруппу. В Толковом словаре С.И. Ожегова *достать* понимается, как «1. взять что-н., находящееся на расстоянии, или извлечь откуда-н. книзу с полки. 2. кого (что). Получить, раздобыть. *Достать билет в театр*» [5, с. 177]. Употребление данного глагола в значении «получить, раздобыть» характерно для описания товарно-денежных отношений советского периода: *Пусты были магазины города, но **всё можно было достать** здесь, всё, что можно проглотить, что можно надеть на верхнюю или нижнюю часть тела, всё, что можно изобрести – до американской жевательной резинки, до пистолетов, до учебников чёрной и белой магии* [Солженицын]. Таким образом, в семантической структуре глагола *достать* интегральная сема 'средство приобщения' уточняется дифференциальным признаком 'с помощью усилий, связей', что передает специфику товарно-денежных отношений в советский период.

Глагол *достать* как синоним глаголу *купить* в большей мере свойственен текстам, характеризующим государственный режим советской эпохи, при котором отношения купли-продажи были связаны с системой распределения и имущественные отношения между субъектами, где в качестве одного из субъектов выступает не государство, касающиеся недвижимости, были невозможны (*достать квартиру, комнату*).

При рассмотрении глагола *купить* с префиксами можно отметить, что данные глаголы выражают ситуацию двунаправленного характера: приобщая к себе один объект, субъект отчуждает от себя другой объект. Префиксальные глаголы (*накупить, закупить*) еще более конкретизируют обозначаемую ситуацию, выражая степень полноты приобщения, приобщаемый объект, как правило, представляется в совокупности: *закупить*

– *Сестра и ее муж укатали в Москву закупить еды*; в большом количестве: *скупить* – *Он скупил все продукты*; как приобщение дополнительных объектов: *докупить* – *он докупил недостающие детали*.

Понятие «купли» является универсальным, поскольку отражает ситуацию, свойственную всем сообществам людей. Как отмечает Р.И. Розина, глагол «купить» отписывает ситуацию с четырьмя участниками, два из них – Агенса и Пациенса – имеют обязательное выражение (выражаются, соответственно, Субъектом и Объектом), а два других участника – Контрагент и Цена – выражаются необязательно [6, с. 228]. Один из участников ситуации включает в свою собственность какой-либо объект, компенсируя второму участнику ситуации стоимость этого объекта имеющимися у него денежными средствами. Глагол *купить* обычно рассматривается в паре с глаголом *продать*.

Глагол *продать* передает ситуацию окончания имени объекта в сфере субъекта в результате безвозмездной передачи другому лицу.

Объекты продажи делятся на: материальные (движимая и недвижимая собственность) и нематериальные (неимущественная и интеллектуальная собственность). В качестве объектов недвижимой собственности выступает различное имущество: *Седобородые казы (судьи) посоветовались между собой и решили **продать всё имущество** Бухарбая* [Мамин-Сибиряк]; *Пытался через своих многочисленных приятелей-охотников **сбыть дом** какому-нибудь учреждению, й-й-й-й-й тоже не вышло*. [Бажов]. Объекты движимой собственности представлены предметами и товарами (золото, карточки, хлам): *Он действовал очень бережно, он большие надежды возлагал на эту куклу, думая **продать её** за бешеные деньги в субботу на рынке* [Петрушевская]; *Я уже давно искал случая, чтобы **сбыть кому-нибудь эти карточки*** [Куприн]; *И, жарко толкуя о необходимости завтра же утром **сбыть** для начала **два кусочка золота** часовщику, молочные братья подняли свои эруз и пошли в темноту* [Ильф, Петров]; *Куды мне с твоим романом, когда своего **хлама не могу сбыть*** [Мамин-Сибиряк].

Объекты неимущественной собственности могут быть как одушевленные, так и неодушевленные: *Сам Шухов думает: не Цезарь, так, может, кто другой придёт, кому **место продать** в очереди* [Солженицын]; *Всё это так, но почему тогда ему же и вас, **судей неправедных и бессовестных, не продать**, когда ваш черёд подойдёт?* [Домбровский].

Продукт интеллектуальной собственности, развитие которой относится к двадцатому-двадцать первому векам, также выступает объектом купли-продажи: ***Издать или продать рукопись** й-й-й-й-й вот вопрос, который представился Раевскому, когда мы ушли* [Каверин]; *Эти невероятные, чудовищные расходы привели к тому, что я в две ночи сочинил маленький рассказ под заглавием "Блоха" и с этим рассказом в кармане ходил в свободное от репетиций время по редакциям еженедельных журналов, газетам, пытаясь **этот рассказ продать*** [Булгаков].

Можно отметить, что объект может быть как одушевленный (*судей продать*), так и неодушевленный (*продать куклу*).

Рассматривая структурный компонент модели «процессуальное действие», остановимся на семантической структуре глагола *продать*. Интегральная сема 'способ окончания имени объекта в сфере субъекта' реализуется в дифференциальном признаке 'с помощью денег или за другую плату'. В примере *Сам Шухов думает: не Цезарь, так, может, кто другой придёт, кому **место продать** в очереди* – объект абстрактный, интегральная сема 'способ окончания имени объекта в сфере субъекта' реализуется дифференциальным признаком 'безвозмездная передача другому субъекту'.

Синонимом глаголу *продать* выступает глагол *сбыть*, характерный для текстов, описывающих советскую эпоху. В значении данного глагола «избавиться, отделаться от кого-то, чего-то» реализуется оттенок нежелательности, субъект не хочет, чтобы объект находился в его сфере. Объект, от которого субъект желает избавиться, может быть как неодушевленный, так и одушевленный: *Похоже было, что владельцы лесов, напуганные первой революцией, торопились **сбыть громоздкое и неправедное имущество** до вступления в права истинного хозяина* [Леонов]; *При Советях этот бархатный Волгин был комиссаром – и вскоре устроился так, чтобы **сбыть жену** в Соловки* [Набоков].

При использовании префиксальных глаголов (*перепродать*, *распродать*) конкретизируются способ продажи, а также цель, которую преследует субъект: получение выгоды – *Он перепродает вещи, которые купил с молотка* [Горький]; освобождение от объекта, что, как правило, обусловлено влиянием обстоятельств – *Лошадей они хотели выправить за зиму и с барышом распродать весной* [Бунин].

Рассмотренная антиномия является очень важной в системе посессивных отношений. Анализируя употребление глаголов *купить-продать* и их префиксальных образований, можно заметить изменения, которые происходили в России в сфере отношений купли-продажи. Так, в текстах советского периода более распространены глаголы *достать-сбыть* в качестве синонимов *купить-продать*; использование объектов, связанных с

недвижимым имуществом, не так распространено, как в девятнадцатом веке и в наше время, что связано с развитием экономической системы. Одушевленные объекты при данных глаголах встречаются чаще в примерах, описывающих девятнадцатый век, время крепостного права.

Таким образом, проведенный анализ позволил установить некоторые особенности репрезентации в русской лингвокультуре антиномии «купить-продать», а именно: изменение субъекта с позиций гендера (по сравнению с девятнадцатым веком), различные процессы сужения и, напротив, расширения класса объектов (девятнадцатый век, советский период, настоящее время), актуализацию (в зависимости от временного периода) тех или иных ситуаций покупки-продажи.

Библиографический список

1. Журиная, М.А. Посессивность // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
2. Философский энциклопедический словарь. – М., 1989.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
4. Милованова, М.В. Концептосфера «человек». Субъектно-объектные реляции // Новое в когнитивной лингвистике. – Кемерово, 2006. – Вып. 8.
5. Ожегов, С.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1990.
6. Розина, Р.И. Динамическая модель семантики глагола *взять* // Русский язык сегодня: сб. статей. – М., 2003. – Вып. 2.

Bibliography

1. Zhurinskaya, M.A. Posessivnost' // Lingvisticheskiy ehnciklopedicheskiy slovarj. – M., 1990.
2. Filosofskiy ehnciklopedicheskiy slovarj. – M., 1989.
3. Lingvisticheskiy ehnciklopedicheskiy slovarj. – M., 1990.
4. Milovanova, M.V. Konceptosfera «chelovek». Subjektno-objektniye relyacii // Novoe v kognitivnoy lingvistike. – Kemerovo, 2006. – Vihp. 8.
5. Ozhegov, S.Yu. Tolkovihy slovarj russkogo yazihka. – M., 1990.
6. Rozina, R.I. Dinamicheskaya modelj semantiki glagola vzyatj // Russkiy yazihk segodnya: sb. statey. – M., 2003. – Vihp. 2.

Статья поступила в редакцию 09.05.13

УДК 82-92

Razuvalova A.I. TRADITIONALIST STRATEGIES OF EXPOSE OF THE AVANT-GARDE / FORMALISM / STRUCTURALISM (1960-1970 years). The article analyzes the typical for members of national-conservative camp (literary scholars P. Palievsky, V. Kozhinov) techniques to discredit the ideological and aesthetic opponents – the avant-garde and formalism / structuralism, the political implications of this criticism and its role in the processes of self-identification of the right-wing of the Soviet intelligentsia.

Key words: national-conservative camp, the avant-garde, formalism, structuralism, classic, self-identification.

А.И. Разувалова, канд. филол. наук, докторант Центра теоретико-литературных и междисциплинарных исследования Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург,
E-mail: rai-2004@yandex.ru

ТРАДИЦИОНАЛИСТСКИЕ СТРАТЕГИИ РАЗОБЛАЧЕНИЯ АВАНГАРДА / ФОРМАЛИЗМА / СТРУКТУРАЛИЗМА (1960-1970-Е ГОДЫ)

В статье анализируются характерные для представителей национально-консервативного лагеря (литературоведы П. Палиевский, В. Кожин) приемы дискредитации идеологически-эстетических противников – авангарда и формализма / структурализма, политические импликации этой критики и ее роль в процессах самоидентификации правого крыла советской интеллигенции.

Ключевые слова: национально-консервативный лагерь, авангард, формализм, структурализм, классика, самоидентификация.

Дискредитация и своеобразная «демонизация» авангарда были одним из важных элементов культурной политики в СССР 1930-х – первой половины 1950-х годов: революционное искусство, чьи эстетическая усложненность и политико-идеологическая амбициозность не вписывались в сталинский реставраторский проект, было объявлено реакционным, буржуазным, антинародным и космополитическим. Следы не преодоленной причастности к модернизму-авангарду, на которые бдительная критика наткнулась, например, в прозе А. Платонова, кинематографе С. Эйзенштейна или в музыке Д. Шостаковича, трактовались как знак эстетико-идеологической неполноценности художника и могли послужить поводом к политическим разоблачительным кампаниям.

Однако вызванные «оттепелью» социальные и культурные сдвиги, снижение мобилизационного напряжения и некоторое

смягчение изоляционистского режима способствовали реанимации и относительной легализации в пространстве подцензурной культуры модернистско-авангардистских тенденций (их рупором оказался основанный в 1955 году журнал «Юность»). Этот короткий период довольно острожной реабилитации авангардистских тенденций в искусстве был символически закрыт экспрессивным выступлением Н.С. Хрущева на отчетной выставке МОСХ в Манеже в 1962 году, за чем последовал ряд мероприятий, в ходе которых представители властных инстанций разъяснили интеллигенции «идейно-художественные» приоритеты современного этапа развития общества [1]. В мажорном финале романа И. Шевцова «Тяга» (1964) один из персонажей подводит итог «модернистскому разгулу» и с удовлетворением констатирует: после выступления советского вождя в Манеже «как-то по-новому, свежо прозвучали ... слова Владимира Ильича о том, что искус-

ство принадлежит народу, что оно должно быть понятно широкому массам» [2, с. 272].

Тем не менее, очевидным результатом «оттепельной» реабилитации модернизма-авангарда стало введение в советский культурный канон С. Эйзенштейна и В. Мейерхольда. Это символично свидетельствовало о постепенном одряхлении режима, обрекавшем его на большую всеядность (отсюда вполне официальное узаконивание модернистско-авангардистского сегмента культуры со своими классиками – В. Маяковским, теми же Мейерхольдом, Эйзенштейном, и их продолжателями – А. Вознесенским и др.) и заключении им негласных конвенций с различными группами интеллигенции. С учетом последнего обстоятельства любая попытка пересмотра канона должна быть расценена как плод деятельности одной или нескольких групп, стремящихся изменить баланс сил в культурном поле. Другими словами, в пересмотре канона всегда есть социально-идеологические подтексты. Показательны воспоминания С. Семанова о деятельности Советско-болгарского клуба творческой молодежи, который «русскими гуманитариями»-патриотами был использован для манифестации собственных идей. На проходившем в 1969 году в Тбилиси заседании клуба советские представители (в основном исповедовавшие национально-консервативные взгляды) разительно не совпали с зарубежными делегациями: «С нашей стороны раздавались крутые речи о сбережении и развитии традиционной культуры и нравственности, резкое поношение модернизма во всех его формах и проявлениях, включая таких „социалистических“ классиков, как Мейерхольд, Эйзенштейн и сам Брехт» [3, с. 419]. В итоге через год в МИД поступил документ от болгарской стороны, где членам Клуба П. Палиевскому, С. Семанову, О. Михайлову и др. были предъявлены, по сути, политические обвинения в «отрицании интернационализма и недооценке роли Ленина» [3, с. 422].

Выдвигаемому официальными культурными институтами требованию «общепонятности» искусства в полной мере удовлетворял реализм, чье идеологически и институционально апробированное первенство надлежало укрепить, в том числе посредством критики не-реалистических течений и апелляции к авторитету русской классики XIX века, ведь соотнесение актуальной литературной продукции с «оценочными формами классического» [4, с. 40] позволяло культурно-идеологическим институтам нужным образом форматировать текущую литературную ситуацию и задавать структуру культуры в целом (эта структура обычно заключалась в рамки бинарной оппозиции: классика – авангард, реализм – модернизм, подлинная культура – массовая культура).

В 1960-е и позднее, в 1970-е годы, в пестрых рядах защитников «искусства жизненной правды» и разоблачителей модернизма-авангарда можно было обнаружить представителей почти всех «идеологизирующих» (К. Манхейм) групп советской интеллигенции: это писатели и художники, не отказавшиеся от сталинистских убеждений (Иван Шевцов, Александр Герасимов, Всеволод Кочетов), представители официального литературоведения (Владимир Щербина, Сергей Петров, Александр Овчаренко), философы-марксисты (Михаил Лифшиц, Эвальд Ильенков), литературоведы и критики консервативной ориентации (Петр Палиевский, Вадим Кожин, Михаил Лобанов). Исходящая от разных групп критика (а ее интеллектуальный и эстетический уровень был весьма различен) солидарно обличала авангард как искусство, уводящее от постижения реальности, подрывающее веру в осмысленность бытия и возможность изменения социального устройства на прогрессивных началах, спекулирующее на жажде «образованного мещанства» (М. Лифшиц) ощущать свою близость ко всему, что опрокидывает наскучившие буржуазные ценности. Несмотря на такую солидарность, каждая из упомянутых выше групп имела собственные мотивы, побуждавшие к развенчанию авангарда и генетически связанным с ним явлениям. В статье речь пойдет о специфически консервативных анти-авангардистских аргументах, которые были тесно соотнесены с процессами самоидентификации правого крыла отечественной интеллигенции, представленного – в рамках данной работы – литературоведами и критиками.

В первой половине 1960-х годов – то есть в период официально одобряемых нападков на представительствовавший тогда за авангард абстракционизм, будущие теоретики еще не существовавшего национально-консервативного лагеря П. Палиевского и В. Кожина критикуют не столько авангард, сколько методологии и теоретические построения, возникшие из опыта реф-

лексии авангардистского искусства (формализм) и унаследовавшие тенденцию к формализованному описанию объекта (структурализм), что естественно согласуется с логикой и реальными обстоятельствами борьбы научных направлений и методологий в 1960-е годы.

В статье «Возможна ли структурная поэтика?» (1965) В. Кожин, включаясь в дискуссию со структуралистами, доказывает, что те повторяют заблуждения своих предшественников из ОПОРЯЗа, уже обнаруженные авторами ряда работ второй половины 1920-х годов (Г. Винокуром, П. Медведевым, В. Волошиновым, Б. Энгельгардтом), в которых, по мысли литературоведа, содержалось «позитивное решение проблем поэтики» [5, с. 90]. Несомненно, попытка напомнить имена и работы ученых, представлявших не-формалистскую традицию, находилась в непосредственной связи со стремлением Кожина ввести в научный обиход идеи М.М. Бахтина (упоминание о нем, помимо апелляции к работам Волошинова и Медведева, также есть в названной статье). Кроме того, это был способ воспрепятствовать столь раздражающим претензиям структуралистов закрепить исключительный просчет структуралистов, которые, по мнению исследователей, не потрудились поставить вопрос о границах формального анализа. «... цель моя, – поясняет Кожин, – вовсе не в том, чтобы „громить“ семиотику и структурную лингвистику, но лишь в том, чтобы попытаться уяснить их реальные возможности и пределы» [5, с. 96]. Эти возможности не безграничны, а пределы очевидны – так можно суммировать пафос работ Кожина и Палиевского, усмотревших в структуралистской экспансии признаки «странного научного фетишизма» [6, с. 45] и претензии ничем не сдерживаемого «кибернетического мышления» на формулирование исчерпывающего знания о мире.

Однако в статьях Палиевского и Кожина первой половины 1960-х годов есть еще один аспект, позволяющий вывести их за рамки обсуждения вопросов о продуктивности «моделирования», критериях разграничения знака и сигнала, иначе говоря, за рамки гуманитарной теоретико-методологической полемики, и включить в широкий культурно-идеологический контекст, где происходила «смена веков», ознаменовавшая переход футурологического оптимизма 1960-х (в крайней форме выразившегося в обещании построить коммунизм к 1980-ому году) к традиционализму «долгих 1970-х». В статьях, где Палиевский полемизирует с направленной в «плоскую универсальности» [6, с. 47] теорией структурализма и формулирует анти-сциентистский, «интуитивистский» подход к художественному произведению, рождается язык для артикуляции основных консервативных идей и ценностей. Правда, в имеющих литературно-критический характер работах начала 1960-х годов, Палиевский еще никак не затрагивает политическое измерение недавней истории и современных процессов (политические импликации возникнут позднее), но их категориальный аппарат и риторика приспособлены для выражения консервативного мироощущения со свойственным ему доверием к «саморазвитию жизни», сопротивляющейся «рассудочно-расчленяющей мысли» [6, с. 35], утверждением несводимости индивидуальности к сумме составляющих ее элементов, неприятием «абстрактного» и поисками плодотворной альтернативы в «конкретном», реабилитацией интуитивно-иррационального и т.п. (Идеологически подытожить эти построения можно «антипрогрессистской» тирадой из упомянутой статьи Кожина, объявившей структурализм прогрессивным явлением, но поставившего под сомнение – в условиях официально продекларированного шествия СССР по пути мира, прогресса и социализма – саму безусловную продуктивность прогресса. «Я убежден, – пишет он, – что попытки создания точной науки о поэзии будут продолжаться и, вероятно, со все большей интенсивностью. Сама идея такой науки, конечно, является в точном смысле слова прогрессивной. Поэтому эта идея имеет большую притягательность и силу. Но когда И. Ревзин, например, выступает с безоговорочной и абсолютной защитой прогрессивности вообще, я не могу не сказать, что всякий прогресс относителен и в ходе прогресса люди всегда не только приобретают, но и нечто теряют, а во-вторых, „прогрессивное“ – это далеко не всегда значит „хорошее“...» [5, с. 106-107]. По существу, участвуя в чрезвычайно знаменательной для сциентистского утопизма 1960-х полемике со структуралистами, В. Кожин

нов и П. Палиевский уже работали со смыслами, которые обеспечили «консервативный поворот» «долгих 1970-х», в этом отношении неумеренные амбиции, «издержки» раннего структуриализма давали им хорошую возможность для обнаружения слабостей противника и предъявления собственных притязаний на доминирование в литературном (а потом и в идеологическом) поле.

Формализм / структуриализм для консервативно ориентированных интеллектуалов позднесоветского периода символизировали комплекс неприемлемых явлений и тенденций (рационалистичность, сциентизм, технологизм, операционализм – то, что выражало «расчеловечивающую» логику модернизации), однако авангардизм в качестве главного противника классики и реализма в консервативной критике и публицистике более отчетливо был обозначен тогда, когда санкционированное партийными директивами развенчание авангарда вышло из острой фазы и стало превращаться в часть повседневного интеллектуального фона. Рецепция авангарда правым крылом советской интеллигенции, институционально оформившимся приблизительно к концу 1960-х годов, придала этим развенчаниям новый импульс и несколько разнообразила к тому времени уже сложившийся репертуар анти-авангардистских выпадов.

Вехой, определившей трактовку консервативными силами «нового искусства» в разоблачительном ключе (разоблачение здесь понимается как «совлечение покровов», «срывание масок»), стала статья П. Палиевского «К понятию гения» (1969) – по замечанию Ирины Роднянской, блестяще написанный «анти-модернистский памфлет» [7, с. 499]. Статья эта, направленная против «самозванных гениев» и маркировавшей 1960-е годы интеллектуальной моды на авангард, как можно ретроспективно судить, свидетельствовала об оформлении нового интеллектуального тренда – консервативного, что выразилось не только в системе прокламируемых ценностей, но в типе мышления критика и в характерной риторике данной работы. Примечательно, что как в момент появления работ Палиевского и Кожина о формализме и авангарде, так и в позднейших комментариях к ним обычно высоко оценивался именно их демаскирующий эффект, чье воздействие на читателей было особенно неотразимо в ситуациях межгруппового идеологического противостояния. Например, В. Крупин называл статью «К понятию гения» и ряд статей В. Кожина об ОПОЯзе и «левой эстетике» «прилюдным раздеванием голых королей, навязанных авторитетов, которые по сути были пустышками...» [8]. С. Небольсин ставил в заслугу В. Кожину то, что тот разглядел «в наших формалистах их совершенно поверхностное трюкачество – ... даже мошенничество странствующих портняжек – лжеразъяснителей, как сделана шинель, пошивщиков великолепного платья голым и даже в порфирах королям „футуризма“, „авангарда“, якобы „акмеизма“...» [3, с. 537-538].

Разоблачительный эффект статьи «К понятию гения» – во многом следствие избранного ее автором угла зрения на авангардное искусство. Палиевский, последовательно работая с закрепленной за авангардом метафорикой актерства, притворства (которая применительно к сфере творчества в отечественной традиции обычно имеет негативные коннотации), рассматривает технологии, способствующие созданию «ложной ценности», каковой, с его точки зрения, является авангард. Среди приемов, отмеченных критиком, так называемый «парадокс гонимости», навязчивая самореклама, манипуляция мнением «интеллектуализированной толпы», в том числе использование «принципа присоединения», согласно которому к перечню несомненных значимых культурных авторитетов как бы между прочим добавляется имя новоявленного гения и др. Вызывающие едкую иронию литературоведа попытки творцов-авангардистов внушить окружающим сознание собственной значимости преследуют, по Палиевскому, единственную цель – продвижение своих произведений на рынок культуры и захват жизненного пространства. «Что гений обязан косить умом, кажется, ни у кого уже сомнений не вызывает, так прочно это с той поры (со времен В. Хлебникова, который, с точки зрения Палиевского, мастерски отыграл роль безумного непризнанного гения. – А.Р.) распространилось: в каких только романах не расхаживал этот одинокий чуждак, которого мерзкие мещане все норовят упечь в сумасшедший дом, а он только тихо и беспомощно улыбается... При этом ничуть как будто и не предполагается, что эта сумасшедшинка может иметь другую, куда более интересную струну: стойкое и целенаправленное использование или, вернее, исполнение

беспомощности – в уверенности, что ей рано или поздно будут, как зачарованные, помогать, иначе – серьезную и смело рассчитанную игру, в которой можно и проиграть, если попадешь на достаточно трезвых людей, но можно и выиграть все, добравшись до какого-нибудь центра массовой информации, – и тогда уже не выпускать его, пропагандируя себя и себе подобных до полного зачумления» [6, с. 106-107]. При этом агрессия и самореклама авангарда, изъятые критиком из дифференцированно реконструированного социокультурного процесса, превращены Палиевским в родовую черту авангардного искусства и к ней сведены. Сказавшееся в этом характерное для консервативного мышления «округление» смысла [9, с. 608] делает авангард символическим обозначением анти-культуры и анти-традиции, которым, как несложно заметить, Палиевский полемически противопоставляет подлинные культуру и традицию, отождествляемые с классикой. Именно классика в статье «К понятию гения» выступает пресуппозицией, задающей негативную оценку авангарда. На это обстоятельство стоит обратить самое пристальное внимание, ибо следующее десятилетие пройдет для представителей национально-консервативного лагеря под лозунгом защиты русской классической литературы XIX века от «модернизующих» ее прочтений и в попытках присвоить консервативным интерпретациям классики статус привилегированных.

Апелляция к бесспорному культурному авторитету классики, помещаемой в сакральной зоне культуры, уже сама по себе весьма сильный ход, особенно с учетом существования «жесткой» предписанности форм отношения к повышенной ценности классического» [10, с. 322], кроме того, это ход, способствующий укреплению авторитета группы, которая манифестирует безусловную ценность традиции и наследования (то есть «неопочвенников»). Ведь разоблачая авангардистский миф, Палиевский стремится добиться перераспределения позиций в литературном поле, где на доминирующих ролях должны оказаться не дутые, с точки зрения критика, величины (авангардисты и их наследники), а те, кто предназначен для этого в силу своего таланта (классики и их наследники). Этот посыл оказывается совершенно созвучен институциональным и дискурсивным процедурам «нормализации», охватившим культурное и идеологические поля позднесоветского социума, потому «обратный историзм» консерваторов [11, с. 41] столь органично впишется в активизировавшиеся в «долгие 1970-е» «процессы музеезации представлений о культуре» [10, с. 322].

В статьях Палиевского и Кожина конца 1960-х – первой половины 1970-х годов ставшее впоследствии программным для национально-консервативного лагеря противостояние классики и авангарда выразительно намечено, но концептуализировано и инструментализовано оно будет в дискуссии «Классика и мы» (1977), которая одним из представителей национально-консервативного лагеря С. Куняевым впоследствии будет названа «нашим первым бунтом» [12, с. 175]. В дискуссии основной доклад, в котором в атакующе-бескомпромиссной манере высказывалась мысль о коренном антагонизме классики и авангарда, делал все тот же П. Палиевский. Он, по сути, суммировал дискредитирующие авангард наблюдения, высказанные им ранее в статье «К понятию гения», но нашел для них новый теоретический фокус – понятие интерпретации. Проблема интерпретации, ее границ и эвристических возможностей была фокусом литературной полемики «долгих 1970-х». Именно в рамках проблемы интерпретации, с точки зрения Г.А. Белой, велись тогда «дискуссии об отношениях традиции и современности» [13, с. 138], в которых происходила окончательная кристаллизация консервативного и либерально-прогрессистского дискурса в их позднесоветской аранжировке. Если традиция в трактовке критиков консервативной ориентации представляла выражением субстанциальных свойств национальной культуры, обеспечивавших ее самостождественность, то интерпретация истолковывалась в качестве антипода традиции: порожденная современной культурой, она казалась выражением ее субъективизма, шаткости иерархических принципов и проницаемости границ, интеллектуального произвола претендующего на новизну художника-нарцисса. Семантику «вампиризма» и творческого бессилия авангарда в своем выступлении актуализировал Палиевский. Он доказывал, что авангарду для самоутверждения – ввиду отсутствия собственной «положительной» основы – необходима доброкачественная почва, на которой можно паразитировать. Такой оказалась классика: «Страшная сила всегда притягивала их (авангардистов. – А.Р.) к подлинному. Им всегда очень хоте-

лось иметь прежде всего материал для переработки. <...> Чем больше мы это изучаем, тем яснее видим, что Мейерхольд не нужен Булгакову, зато Булгаков очень нужен Мейерхольду. И без Булгакова, без вообще классических серьезных произведений никакое подобное искусство существовать не может» [14, с. 186-187]. Компрометирующее интерпретацию как смыслопорождающую операцию напоминание о ее генезисе (из авангарда) – в том смысле, что от дурного дерева может быть только дурной плод – в случае Палиевского обусловлено не только желанием восстановить объективную историко-культурную картину, но и интересами идеологического свойства. «...вне той борьбы, которая проходит в современности, – прямо заявляет критик, – никакая интерпретация классики не является значительной и не является серьезной» [14, с. 185]. Таким образом, реконструированному критику в конфликте «классического» и «авангардного» (с проекцией в социокультурную сферу: «традиционного» и «модерного») придается сила всеобъясняющей, мифологической по сути, коллизии, в которой новация, не растворенная в традиции (то есть «всеобщем» наследии), а, напротив, рискующая подчеркнуть свой индивидуально-субъективный характер, оказывается злом. Оттого неприемлемыми полагаются «полемические интерпретации» классики, предложенные, например, Вс. Мейерхольдом и современными режиссерами (А. Эфросом, Ю. Любимовым). Однако упоминания персоналий ораторам из национально-консервативного лагеря было недостаточно, поэтому Палиевский, например, предпочел говорить об оппонентах из покушающегося на классику либерально-авангардистского сообщества в обобщенном ключе, активно используя раздельные конструкции *мы – вы* или *мы – они*, которые в данном контексте позволяли дистанцироваться от тех, о ком идет речь, но одновременно избежать излишней конкретизации (вероятно, чтобы подчеркнуть вездесущность, многоликость противника и доказать, что дело не в личностях, а в общей его стратегии), а кроме того, активизировать инфернальную семантику. Не случайно завершил свою речь Палиевский ссылкой на сюжет повести В. Шукшина «До третьих петухов», недвусмысленно намекая на необходимость ассоциировать современных, числящих себя в авангарде новаторов, с чертями. Приведем лишь несколько примеров такой риторики, заведомо не предполагающей диалога: «И если *кто-нибудь* скажет *нам*, что, дескать, это все уже прошло, все это неизвестно когда было, это бабушкины сказки, *мы вам* ответим – извините, *мы* это (театральные и оперные постановки классики в конце 1930-х – начале 1950-х. – А.Р.) видели» [14, с. 187], «Чем не нравится *им* Римский-Корсаков? <...> Он не нравится *им* прежде всего потому, что это был представитель... классического уравновешенного гения... <...> Он не нравился *им* по очень многим причинам, и продолжает не нравиться. И *нам* ничего не остается, только как всегда глотать почему-то подобные высказывания в печати...» [14, с. 188-189] (курсив мой. – А.Р.). Надо отметить, что подвергшиеся нападкам «либералы» и «космополиты» из противоположного лагеря столь же активно прибегали к риторике конфронтации: «Да *мы* с утра до вечера трудимся, влюбленные в эту классику, желая что-то сказать про нее *вам*» (курсив мой. – А.Р.) [15, с. 196].

Само по себе указание традиционалистов на связь, существующую между возрастанием значимости, востребованности «интерпретации» производителями и потребителями произведения искусства, с одной стороны, и экспансией авангарда, с другой, не лишено оснований. По наблюдению П. Бурдьё, эволюция культурного поля логически приводит к возникновению связи «художник» – «интеллектуал», и это со всей очевидностью демонстрирует именно развитие авангарда. Интеллектуал «средствами рефлексивного дискурса» [16, с. 252] начинает участвовать в создании ценности произведения, так как изобретает стратегии различия, обосновывающие оригинальность художника, его отличие от известных всем культурных форм и формул. Возникшее в итоге подобных процессов новое отношение между корпусом интерпретаторов и произведением искусства, иронизирует Бурдьё, «можно сравнить только с отношением, сложившимся в больших эзотерических традициях» [16, с. 252]. Однако нас интересует не сама связь авангарда и творящих его ценность и смысл интерпретаций, а истолкование традиционалистами этой связи как явления, определяемого в негативном понятии «деградация культуры». Консервативную критику интересовали не столько конкретные образцы «новых прочтений» классики (среди которых, конечно, были и откровенно неудачные), сколько основания полемической интерпретации, уходя-

щей от признанного нормативным («классическим») и не совпадающей с реконструируемым авторским кодом. Расхождение авторского кода и кода интерпретатора, нацеленное не столько на извлечение уже апробированных традицией смыслов, сколько на продуцирование новых, трактовалось как эстетически бесплодное и морально предосудительное (ср., например, выступление М. Лобанова на дискуссии «Классика и мы») [17, с. 177-179]. Л. Гудков и Б. Дубин полагают, что культуре советской интеллигенции вообще свойственны традиционализирующие механизмы концептуализации социального опыта. Последние «санкционируют ценность субъективности только в качестве коллективного достояния, идеологического символа, коллективного ресурса – наследия, завершённой „традиции“, классики. Естественно, что право на интерпретацию... жестко контролируется...» [18, с. 136]. Образцы консервативной критической мысли позднесоветского периода убедительно иллюстрируют верность данного наблюдения.

И все же главным в речи Палиевского на дискуссии «Классика и мы» было не обличение якобы заведомо бесплодных интерпретаторских потуг выучеников авангарда, а создаваемая за счет активизации подтекстов трактовка левого искусства как эквивалента радикальных политических практик (что достигалось напоминанием о его укорененности в революции, параллелями между эстетическим, этическим и политическим радикализмом, которые казались тем более бесспорными, чем более места оратор уделял разрушительным акциям авангарда по отношению к классике в 1920-е годы [см. 14, с. 186]. Если реконструировать подтекст настойчивого отождествления авангарда и революции, то он может быть сведен к внятной формуле, которую, конечно, публично тогда никто не решался произнести: авангард – это искусство революции, потому он бесплоден.

Вообще, для формирования групповой идентичности традиционалистского лагеря базовым было как раз отрицание политико-культурного радикализма конца 1910-х – 1920-х гг., но очевидно, что рационализация, политическая и этическая оценка периода установления советской власти консерваторами не могла быть осуществлена без конфликта с официальным историческим дискурсом, где 1917 год по-прежнему оставался сакрализованной точкой отсчета новой эры в истории человечества. Конечно, для проблематизации этой вехи существовали различные риторические уловки, которыми, например, искусно пользовался В. Кожин, в частности, в статье «Об эстетике авангардизма в России» (1972). В пассаже об ОПОЯЗе и ЛЕФе, лучше других выразивших дух революционного переворота, автор статьи лукаво защищает от «наклеивания необоснованных идеологических ярлыков» представителей этих течений и полагает, что несправедливо рассматривать их «как ... совершенно чуждых или даже враждебных революции» [19, с. 303]. «Это неверно, – поясняет Кожин. – <...> Участники этих течений не только были „за Октябрь“, но и были убеждены в том, что именно они создают новую, революционную эстетику» [19, с. 303]. Очевидно, что цитируемый фрагмент статьи посредством кода официальной советской историографии прочитывается как благонамеренное желание автора восстановить опороченную репутацию революционеров от искусства, однако приверженец консервативной доктрины перекодирует это сообщение в соответствии со своей системой ориентиров, и тогда дефиниция «были за Октябрь» превращается в маркер враждебных ему сил. Далее Кожин чуть более радикализирует тактику обнаружения своей позиции: он не соглашается с похвалившим авангард за разрушение старой России М. Лифшицем и задает вопрос о созидательном потенциале такого рода искусства: «... что же именно разрушила подобная эстетика и, кстати, что построила?» [19, с. 311]. От читателя не требуется особых ухищрений в дешифровке «эзопова языка» статьи, чтобы поставить тот же вопрос по отношению к революции.

Палиевский, выступая на дискуссии «Классика и мы» и манифестируя позицию своей социально-интеллектуальной группы, весьма эффективно использовал «фору», предоставляемую официально санкционированной критикой модернизма и авангарда, для проблематизации таких политических практик и умонастроений, как революционализм, утопизм, прогрессизм. Превратив авангард в метафору социально-идеологического радикализма, он предложил национально-консервативную версию событий отечественной истории XX века, где главным, с его точки зрения, было напряженное противостояние сил «охранительных», национальных, и сил «разрушительных», космополитичес-

ких, естественно, экстраполируемое в современность. Старательно разводя 1920-е годы (крах российской государственности, низвержение традиционной культуры и триумф авангардистского «антиискусства») и 1930-е годы (реставраторские тенденции, реабилитация классики, а сталинская эпоха при всех ее минусах, в трактовке Палиевского, предстает подлинной хранительницей заветов классического искусства), национально-консервативный лагерь обретает основания для самолегитимации, создает вынужденную символическую конструкцию, посредством которой описывает себя. В этой конструкции положительно маркированы значения, связанные с 1930-ми годами, – а именно с «державным» статусом классики, широкой трансляцией ее интегративных смыслов через образовательные каналы (средняя и высшая школа), общим героическим пафосом «высокого сталинизма», в котором виделась спасительная альтернатива нигилизму 1920-х.

В заключение заметим: авангард в 1960-е и позднее, в период «долгих 1970-х», выступал в роли «значимого Другого»,

жизненно необходимого национально-консервативному лагерю в процессах самоопределения и выработки им презентационных стратегий. «Образ» авангарда подвергся естественной в таких случаях редукции и стал недифференцированным обозначением нигилизма в отношении культурной традиции. При этом в дискурсе правых сил относительно левого искусства были найдены смысловые ресурсы, которые – при отсутствии условий для нормальной идеологической дискуссии – позволяли консерваторам, следуя сложившейся конъюнктуре и развенчивая авангард, критиковать и либеральный, и официальный дискурсы. В итоге разоблачение авангарда оказалось весьма выигрышным вариантом самопозиционирования для правого крыла отечественной интеллигенции, ибо оно давало ей возможность более или менее откровенно эксплицировать свою анти-революционную позицию, вводя в оборот для интерпретации социокультурных процессов биологическую и органицистскую метафору, культивировать консервативные идеи в сознании читательской аудитории.

Библиографический список

1. Герчук, Ю. Кровоизлияние в МОСХ, или Хрущев в Манеже 1 декабря 1962 года. – М., 2008.
2. Шевцов, И.М. Тля. Соколы. – М., 2000.
3. Вадим Кожин в интервью, беседах, диалогах и воспоминаниях современников. – М., 2004.
4. Дубин, Б. Идея классики и ее социальные функции / Б. Дубин, Н. Зоркая // Проблемы социологии литературы за рубежом. – М., 1983.
5. Кожин, В. Возможна ли структурная поэтика? // Вопросы литературы. – 1965. – № 6.
6. Палиевский, П.В. Пути реализма. – М., 1974.
7. Роднянская, И.Б. Движение литературы: в 2 т. – М., 2006. – Т. 2.
8. Крупин, В. На ложь отвечать презрением [Э/р]. – Р/д: <http://omiliya.org/article/na-lozh-otvechat-prezreniem-vladimir-krupin.html>
9. Манхейм, К. Диагноз нашего времени. – М., 1994.
10. Дубин, Б. Слово – письмо – литература: очерки по социологии современной культуры. – М., 2001.
11. Кондаков, Б.В. Классика в свете ее современной интерпретации / Б.В. Кондаков, И.В. Кондаков // Классика и современность. – М., 1991.
12. Куняев, С. Поэзия. Судьба. Россия. Наш первый бунт // Наш современник. – 1999. – № 3.
13. Белая, Г.А. Категория художественной традиции в освещении современной критики // Современная литературная критика. Семидесятые годы. – М., 1985.
14. Палиевский, П. Классика и мы // Москва. – 1990. – № 1.
15. Эфрос, А. Классика и мы // Москва. – 1990. – № 1.
16. Бурдые, П. Социальное пространство: поля и практики. – СПб., 2005.
17. Лобанов, М. Классика и мы // Москва. – 1990. – № 2.
18. Гудков, Л. Интеллигенция: заметки о литературно-политических иллюзиях / Л. Гудков, Б. Дубин. – СПб., 2009.
19. Кожин, В.В. Размышления о русской литературе. – М., 1991.

Bibliography

1. Gerchuk, Yu. Krovoizliyanie v MOSKh, ili Khrutchev v Manezhe 1 dekabrya 1962 goda. – M., 2008.
2. Shevcov, I.M. Tlya. Sokolih. – M., 2000.
3. Vadim Kozhinov v interv'yu, besedakh, dialogakh i vospominaniyakh sovremennikov. – M., 2004.
4. Dubin, B. Ideya klassiki i ee social'nihe funkcii / B. Dubin, N. Zorkaya // Problemih sociologii literaturih za rube-zhom. – M., 1983.
5. Kozhinov, V. Vozmozhna li strukturnaya poehtika? // Voprosih literaturih. – 1965. – № 6.
6. Palievskiy, P.V. Puti realizma. – M., 1974.
7. Rodnyanskaya, I.B. Dvizhenie literaturih: v 2 t. – M., 2006. – T. 2.
8. Krupin, V. Na lozhj otvechatj prezreniem [Eh/r]. – R/d: <http://omiliya.org/article/na-lozh-otvechat-prezreniem-vladimir-krupin.html>
9. Mankheym, K. Diagnoz nashego vremeni. – M., 1994.
10. Dubin, B. Slovo – pis'mo – literatura: ocherki po sociologii sovremennoj kul'turh. – M., 2001.
11. Kondakov, B.V. Klassika v svete ee sovremennoj interpretacii / B.V. Kondakov, I.V. Kondakov // Klassika i sovremennostj. – M., 1991.
12. Kunyayev, S. Poehtiya. Sudzba. Rossiya. Nash pervihy bunt // Nash sovremennik. – 1999. – № 3.
13. Belaya, G.A. Kategoriya khudozhestvennoj tradicii v osvethenii sovremennoj kritiki // Sovremennaya literaturnaya kritika. Semidesyatihe godih. – M., 1985.
14. Palievskiy, P. Klassika i mih // Moskva. – 1990. – № 1.
15. Ehfros, A. Klassika i mih // Moskva. – 1990. – № 1.
16. Burdje, P. Social'noe prostranstvo: polya i praktiki. – SPb., 2005.
17. Lobanov, M. Klassika i mih // Moskva. – 1990. – № 2.
18. Gudkov, L. Intelligenciya: Zаметki o literaturno-politicheskikh illyuziyakh / L. Gudkov, B. Dubin. – SPb., 2009.
19. Kozhinov, V.V. Razmishleniya o russkoj literature. – M., 1991.

Статья поступила в редакцию 03.05.13

УДК 811.111'42

Kozlovsky D.V. THE MODEL OF EVIDENTIALITY IN TERMS OF FICTIONAL DISCOURSE. The author presents the study of the modus category of evidentiality in the English fictional discourse, describes different approaches to the notion of the category of evidentiality, substantiates the necessity of the research of evidentiality means in discourse, defines the evidential discursive model and classifies the types of this category.

Key words: evidentiality, discursive approach, evidential discursive model, material, operator.

Д.В. Козловский, аспирант, ассистент каф. английского языка и методики его преподавания НИУ СГУ им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, E-mail: kimo3006@mail.ru

ЭВИДЕНЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена исследованию особенностей функционирования модусной категории «эвиденциальность» в современном английском художественном дискурсе. В работе рассматриваются различные подходы к определению категории «эвиденциальность», обосновывается необходимость обращения к дискурсивному подходу при изучении эвиденциальности, описывается эвиденциальная дискурсивная модель, выявляются подвиды категории «эвиденциальность».

Ключевые слова: эвиденциальность, дискурсивный подход, эвиденциальная дискурсивная модель, материал, оператор.

Художественный дискурс содержит в себе самые разнообразные типы указания на источник получения сведений, а также описания тех или иных событий. Данная информация относится к значениям, передаваемым посредством категории «эвиденциальность».

Впервые термин «эвиденциальность» был введен в научный обиход Ф. Боасом, хотя широкое распространение он получил после работ Р.О. Якобсона. Следуя его идеям, «эвиденциальность» представляет собой глагольную категорию, учитывающую три факта: сообщаемый факт, факт сообщения и указание на источник сведений о сообщаемом факте [1]. Для названия данной категории используются и другие обозначения – например, «косвенная засвидетельствованность» или «авторизация» [2, с. 302-305].

В силу того, что категория «эвиденциальность» связана с передачей сведений, под эвиденциальностью, по мнению В.А. Плунгяна, понимаются различные структурные и функциональные элементы речи, выражающие указание на источник информации, способ и характер получения информации. Основным источником информации в высказывании является субъект коммуникации, т.е. говорящий. Он является непосредственным выразителем знания и может черпать знания как из внутреннего источника (опыт и память), так и из внешних источников информации. В зависимости от способа получения информации В.А. Плунгян выделяет: прямой (говорящий наблюдал ситуацию), косвенный (говорящий не наблюдал ситуацию), а также опосредованный (говорящий имел личный доступ к фактам) и опосредованный (говорящий не имел личного доступа к фактам). При этом эти типы информации практически никак не соотносятся друг с другом, хотя прямой способ имеет непосредственное отношение к говорящему в противоположность косвенному, который может носить как личный, так и опосредованный характер [3, с. 322-324].

В зависимости от характера получения информации источниками информации подразделяются на визуальные (зрительное наблюдение события), сенсорные (восприятие события другими органами чувств) и эндофорические (внутренние ощущения). Источники информации включают в себя также инферентивы (вывод о ситуации по ее результату) и презумптивы (вывод о ситуации на основании логики).

Другой подход к изучению данной категории стал возможен в рамках когнитивной лингвистики, где она трактуется как модусная категория. Основанием для подобного утверждения является точка зрения Н.Н. Болдырева, который объединяет языковые категории в три типа в соответствии со способом категоризации: лексическая (аналоговая), грамматическая и модусная (оценочная). Лексические категории реализуют гносеологическую функцию языка. Посредством грамматических и лексико-грамматических категорий раскрывается онтологическая модель языка. В свою очередь, модусные или оценочные категории непосредственно связаны с онтологией сознания человека, его интерпретирующей функцией и воспроизводят оценочную модель мира [4, с. 16-39].

Эвиденциальность как модусная категория организуется противопоставлением: свое (прошлый опыт) / чужое (цитируемый источник информации). Исходя из этого, данная категория реализуется в виде модуса прямой эвиденциальности, который может выражаться эксплицитно и имплицитно, а также модуса косвенной эвиденциальности, который выражается эксплицитно [5]. Выбор субъектом коммуникации способа выражения источника информации зависит от его уверенности в достоверности сообщаемого. Лингвистами различаются ситуации простой достоверности, проблематичной достоверности и ситуации ка-

тегоричной достоверности. В ситуациях простой достоверности говорящий уверен в достоверности сообщаемой информации и полагает, что утверждение или отрицание связи предмета и признака не нуждается в обосновании. В ситуациях проблематичной достоверности говорящий не обладает достаточными знаниями для категоричного утверждения истинности пропозиции, в связи с чем он высказывает мнение, умозаключение, выражая вероятность, предположение о возможном осуществлении события [6]. В ситуациях категоричной достоверности субъект коммуникации высказывает суждения и мнения в категоричной форме с целью усиления воздействия на адресата [7].

Высказывания, несущие значения эвиденциальности, обладают схожими чертами организации содержания, а именно, содержат диктумную (объективное содержание) и модусную (выражение позиции мыслящего субъекта по отношению к этому содержанию) части. Н.Д. Арутюнова, Т.В. Шмелева и др. признают доминирующую роль модуса, так как он вводит в предложение субъекта высказывания, «который с помощью модальных глаголов выражает разные оттенки интеллектуального, эмоционального и волевого суждения в отношении диктума» [8; 9]. Модус является важнейшим компонентом высказывания, показывающим отношение автора высказывания к описываемым событиям, к информации и к собеседнику. Модус также выражает оценку говорящим чужого высказывания как собственного. Эвиденциальность, таким образом, репрезентирует процесс интерпретации полученных сведений говорящим, при этом в ходе анализа эвиденциального высказывания на первый план выходит оценка информации субъектом коммуникации.

Дискурсивный подход к анализу эвиденциальности предполагает выход на новый исследовательский ракурс, а именно, рассмотрение эвиденциальных высказываний в структуре дискурсивного пространства, что позволяет по-новому осмыслить процессы формирования данной категории, а также выражаемые ей смыслы. При этом под эвиденциальным высказыванием нами понимается дискурсивная единица, содержащая указание на источник информации, а также на отношение субъекта коммуникации к передаваемым сведениям.

Обращение к дискурсу также связано с выделением минимальных единиц, относимых к «дискурсивному уровню». В качестве подобных единиц А.А. Кибрик предлагает рассматривать клаузы, к основным характеристикам которых относятся тематическая структура и диалогическая функция [10, с. 30–35]. Эвиденциальные высказывания входят в систему клауз, составляющих дискурс и репрезентирующих интерактивную деятельность участников общения, обмен информацией, оказание воздействия друг на друга, использование различных коммуникативных стратегий, их воплощение в практике общения [11].

Анализ свидетельствует в пользу того, что эвиденциальность как категория является неотъемлемой частью структуры самого дискурса и, соответственно, должна изучаться в рамках дискурсивного подхода, что предполагает интерпретацию содержания и исследование аксиологических смыслов, порождаемых субъектом коммуникации в процессе конструирования дискурса.

Проиллюстрируем высказываемое положение на примере электронной версии произведения Дина Кунца «The Mask» [12].

"Aren't you rather young to hold such a post?" "Somewhat young," Paul admitted. "But that's no credit to me. You see, it's a thankless position, all work and no glory. My senior colleagues in the department craftily maneuvered me into it so that none of them would be stuck with the job."

"You're being modest."

"No, I'm really not," Paul said. "It's nothing much."

Carol knew that he was being modest. The departmental chairmanship was a prized position, an honor. But she understood

why Paul was playing it down; he had been unsettled by O'Brian's use of the word overachiever. She had been unsettled by it, too. Until this moment she had never thought that an unusually long list of achievements might count against them.

С позиций дискурсивного подхода, данный отрывок представляет собой набор линейно следующих друг за другом речевых действий, образующих языковые выражения разных уровней – от клаузы до групп клауз, составляющих высказывания. При этом, каждая отдельно взятая клауза может быть представлена в виде двухчастной конструкции, представляющей собой «действие» и его «результат». Данное положение применимо и в отношении эвиденциальных конструкций. В рассматриваемом отрывке прямая эвиденциальность в высказываниях передается посредством глаголов *know, understand*, в то время как в качестве маркеров косвенной эвиденциальности используются глаголы *admit, think*. Помимо указания на источник и способ получения сведений, перечисленные глаголы репрезентируют «действие», осуществляемое говорящим путём выражения субъективной точки зрения и интерпретации передаваемой информации. В свою очередь, полученные сведения являются «результатом» обработки исходной информации субъектом коммуникации. Например, в клаузе *Carol knew that he was being modest*, первая часть «*Carol knew*» выражает уверенность говорящего в достоверности источника сведений, в то время как вторая часть «*he was being modest*» результирует исходную информацию.

В любой клаузе, несущей значение эвиденциальности, могут быть выделены «профаза» и «эпифаза». Психолог А.Н. Леонтьев понимает под данными терминами «фазу подготовки» и «фазу осуществления» деятельности человека [13, с. 280]. В отличие от «эпифазы», представляющей собой объективную часть клаузы и репрезентирующей представления «о мире», в «профазе» эвиденциальной клаузы отражаются точки зрения, оценки и отношения субъекта коммуникации, воспринимаемые объектом коммуникации с учетом контекста. Таким образом, делаем вывод, что профаза формирует модусную рамку, а эпифаза – констатирующую рамку клаузы. В смысловом отношении «эпифаза» уточняет, изменяет или результирует смысл, носителем которого является «профаза», при этом подготовительное действие не может идти после исполнительного, поэтому фазовый порядок всегда является строгим – на первом месте находится профаза, за которой следует эпифаза. Данное положение находится в соответствии со взглядом В.Г. Борботько, который отмечает, что смысл предложения и все нелинейные явления смысла зависят от порядка смыслов, носителями которых являются профаза и эпифаза [14, с. 120].

Таким образом, использование дискурсивного подхода в исследовании проявления категории «эвиденциальность» в художественном дискурсе предполагает интерпретацию содержания и исследование аксиологических смыслов, порождаемых субъектом коммуникации в процессе конструирования дискурса.

По мнению В.З. Демьянкова, при интерпретации дискурса необходимо воссоздать «мысленный мир», в котором, согласно восприятию интерпретатора, автор конструировал данный дискурс и в котором описываются реальное, желаемое или нереальное положение дел. В этом мире отражаются черты объектов, обстоятельства времени и событий, а также характеристики и поступки действующих лиц. В «мысленный мир» входят также домысливаемые интерпретатором (опираясь на его жизненный опыт) детали и оценки. Создаваемые говорящим «образы мира» представляют дискурсивные структуры в виде несущих вымышленные или генерализованные смыслы «моделей», в которых содержатся разнообразные семантические планы, принадлежащие различным уровням представления мира, осуществляемого рефлексией [15, с. 33].

Подобная дискурсивная модель может быть представлена в виде двухфазового действия, в одной фазе которого содержится «материал» – некоторая субстанция или совокупность

форм, – являющийся основой будущей модели, а в другой – формирующий и определяющий ее «оператор», синтаксическая единица, выражающая значение операции [14, с. 279-281]. Применительно к категории «эвиденциальность», «материал» представляет собой часть клаузы, в которой содержится объективная информация о событии, в то время как «оператор» передает дополнительные субъективные сведения об источнике полученной информации, мотивации, цели передачи информации, хранящейся в высказывании, характеристике описываемой ситуации и поводе её раскрытия. В значения, передаваемые «оператором», также входит оценка и интерпретация высказывания субъектом коммуникации. В качестве операторов в эвиденциальных клаузах могут использоваться следующие группы глаголов и модальных вводных слов: «явного указания» (*tell, declare, announce, report, inform, remark, say*), «неявного указания» (*rumour, intimate, hint, imply, mention, mutter*), «усиления значимости высказывания» (*point out, stress, emphasize, claim, confess*), «мыслительной деятельности» (*estimate, think, reflect, interpret, contemplate*), «выражения мнения» (*consider, believe, accept*), «уверенности в знании» (*conclude, acknowledge, recognize, know, understand, learn, surely, naturally, actually, undoubtedly, evidently, obviously, in fact, no doubt*), «сомнения» (*doubt, suppose, admit, concede, presume, assume, may be, frankly*), «предчувствия» (*anticipate, expect, suspect, plan, predict, probably, possibly*), «умственного восприятия» (*learn, forget, recall, remember*), «чувственного восприятия» (*hear, notice, feel, see, watch*) [16, с. 146].

В ходе проведенного исследования было установлено, что по аналогии с порядком развёртывания дискурса, эвиденциальная дискурсивная модель характеризуется строгим порядком следования её элементов. Схема построения модели может быть представлена следующим образом: в профазе эвиденциальной клаузы содержится указание на субъект коммуникации или его отсутствие, а также «оператор», в то время как эпифаза включает в себя «материал», репрезентирующий передаваемую информацию. При помощи «оператора» субъект осуществляет воздействие на исходный «материал», оказывая влияние на восприятие информации объектом коммуникации.

Приведем пример:

I believe the Bektermann case had a lot to do with the personal business I wanted to discuss with Mr. Wainwright [12].

Эпифаза клаузы *the Bektermann case had a lot to do with the personal business I wanted to discuss with Mr. Wainwright* наполняет смыслом и результирует профазу *I believe*. Оператор «выражения мнения» *believe*, используемый субъектом коммуникации, придает описываемой информации характер рассуждения, указывая на логический характер получения сведений. Говорящий выражает свою точку зрения, избегая категоричности. Очевидно, что взаимодействие «материала» и «оператора» является примером взаимодействия субъекта и объекта коммуникации, происходящего в рамках, определяемых дискурсом.

Описанная выше эвиденциальная модель может быть представлена в виде таблицы 1.

Как показал анализ, в зависимости от характера воздействия субъекта на материал в пространстве художественного дискурса, эвиденциальные высказывания приобретают дополнительные значения, выражаемые посредством следующих подвидов категории «эвиденциальность»:

1. Категоричная эвиденциальность

Данный подвид характеризуется четкой позицией субъекта коммуникации при интерпретации и оценке источника передаваемой информации. Говорящий абсолютно уверен в истинности сведений, которыми он располагает, что подчеркивается использованием операторов «явного указания», «уверенности в знании», а также «усиления значимости высказывания». Приведем пример:

A sign announced that the ferry to Sorrento was due in ten minutes. «A round trip ticket to Sorrento» Robert said. Ten minutes later he was on his way to Sorrento, back to the mainland [12].

Таблица 1

Дискурсивная модель эвиденциального высказывания

Профаза		Эпифаза
Указание на субъект	Оператор	Материал
<i>I</i>	<i>believe</i>	<i>the Bektermann case had a lot to do with the personal business I wanted to discuss with Mr. Wainwright</i>

Расположенный в эпифазе эвиденциальной клаузы глагол *announce* относится к группе операторов «явного указания», обладает значением *officially tell people about a decision or something* и используется для передачи сведений, указанных в расписании, что придаёт информации официальный характер, а также подчеркивает достоверность её источника [17]. Таким образом, обладающая семантикой косвенной эвиденциальности клауза приобретает дополнительное значение категоричности. Полученная информация влияет на дальнейшие действия героя, описываемые посредством клаузы *Ten minutes later he was on his way to Sorrento, back to the mainland*.

2. Некатегоричная эвиденциальность

Говорящий не располагает точными сведениями об источнике информации и выражает своё субъективное мнение о событиях. Передаваемые им сведения носят неявный или скрытый характер. Для данного подвида характерно использование операторов «неявного указания», «сомнения» и «выражения мнения». Например:

Colonel L. Gordon Cooper encountered a large UFO on a Project Mercury flight over Perth, Australia, and recorded voices speaking languages later found to belong to no known earth language.

I talked to these men, as well as to other astronauts, and each assured me that the stories were apocryphal rather than apocalyptic, that they had had no experiences of any kind with UFOs. A few days after my telephone conversation with Colonel Gordon Cooper, he called me back. I returned his call, but he had suddenly become unavailable. One year later, I managed to acquire a letter written by him, dated November 9, 1978, and discussing UFOs.

I telephoned Colonel Cooper again to ask him if the letter was authentic. This time, he was more forthcoming. He informed me that it was and that on his journeys into space, he had personally witnessed several flights of UFOs. He also mentioned that other astronauts had had similar experiences that they were warned not to discuss [12].

Семантика прямой эвиденциальности в отрывке передаётся посредством использования оператора «явного указания» – *inform (formally or officially tell someone about something or give them information)*, «усиления значимости высказывания» – *assure (tell someone that something will definitely happen or is definitely true so that they are less worried)*, «неявного указания» – *mention (talk about something or someone in a conversation, piece of writing etc, especially without saying very much or giving details)* [17].

Объектом изучения субъекта коммуникации является информация, полученная им в ходе телефонного разговора с полковником Г. Купером, наблюдавшим НЛО во время одного из проведённых под его руководством полётов. В ходе проведенного расследования герой обращается не только к участникам полёта, но и к другим astronautам, которые выражают сомнения в достоверности данных сведений. Использование оператора *assure* придаёт их заявлениям категоричный характер. Герой предпринимает попытку повторного разговора с полковником, но терпит неудачу, поскольку не может дозвониться до адресата. При этом отсутствие свидетельства Г. Купера указывает на его нежелание, либо невозможность предоставить говорящему необходимые сведения о событии и его источнике, которые впоследствии герой получает в форме письма, что сподвигает его на очередной телефонный звонок. Клауза *This time, he was more forthcoming* свидетельствует об изменении позиции полковника касательно возможности обсуждения деталей произошедшего, что подтверждается использованием эвиденциального оператора «явного указания» *inform* при передаче дополнительных сведений о встречах с НЛО. Данный оператор придаёт сведениям официальный характер. В то же время, употребление эвиденциального оператора «неявного указания» *mention* в клаузе *He also mentioned that other astronauts had had similar experiences that they were warned not to discuss* демонстрирует нежелание Г. Купера открыто обсуждать причины, по которым astronautы скрывают

информацию о своих встречах с НЛО, что говорит о закрытом характере передаваемых сведений. Вследствие этого, в своих высказываниях полковник избегает категоричности. Данный факт становится очевидным только на уровне дискурса и придаёт всему рассматриваемому фрагменту значение некатегоричной эвиденциальности, благодаря использованию говорящим оператора *mention*.

3. Ментальная эвиденциальность

Объектом данного подвида эвиденциальности является мыслительная деятельность субъекта коммуникации. Передаваемые сведения являются результатом умственного восприятия информации говорящим, который выражает своё видение ситуации посредством использования операторов «умственного восприятия», «мыслительной деятельности» и «предчувствия». Приведём пример:

He heard the sound of a car coming up the drive and rose and walked over to the window. Looked like an easterner. Probably another creditor. These days they were coming out of the woodwork. Dan Wayne opened the front door [12].

Модальное вводное слово *probably* обладает значением *used to say that something is likely to happen, likely to be true etc* [17].

Оператор «предчувствия» *probably*, находящийся в эпифазе клаузы *Probably another creditor* в условиях данного контекста приобретает дополнительное значение рассуждения и указывает на результат мыслительной деятельности говорящего, а также на то, что информация получена путём логического умозаключения. Данный оператор также указывает на недостаточность сведений для выведения категорического умозаключения при оценке ситуации.

4. Сенсорная эвиденциальность

Чувственный канал восприятия является ключевым при обработке информации субъектом коммуникации. Говорящий указывает на аудиальный, визуальный или кинестетический источник получения сведений о событии и придаёт информации дополнительные смыслы посредством использования операторов «чувственного восприятия». Например:

My plane leaves for Tokyo at eight o'clock in the morning, and a little while ago when I took out my passport, I saw that somehow my photograph had been torn loose. It's missing. I've looked everywhere. They won't let me on the plane without a passport photo." The little man was near tears [12].

Содержащаяся в клаузе *I saw that somehow my photograph had been torn loose* информация передается при помощи указывающего на визуальный источник получения сведений оператора «чувственного восприятия» *see*, обладающего значением *with your eyes* и используемого в эпифазе предложения [17]. Субъект коммуникации является непосредственным свидетелем событий, а данное высказывание, тем самым, являет пример функционирования прямой эвиденциальности высказывания, которая в условиях контекста репрезентирует образ настоящего в сознании говорящего, указывая на объективный характер передаваемой информации.

Следующим этапом исследования была количественная обработка примеров, содержащих эвиденциальные высказывания. Было рассмотрено 1000 примеров эвиденциальных высказываний в современном художественном дискурсе, полученных методом сплошной выборки из электронной версии произведения Дина Кунца «The Mask». Результаты количественного анализа представлены в диаграмме 1.

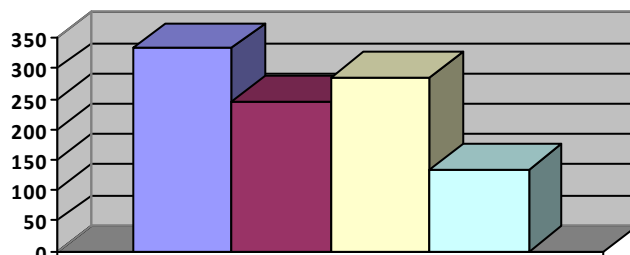
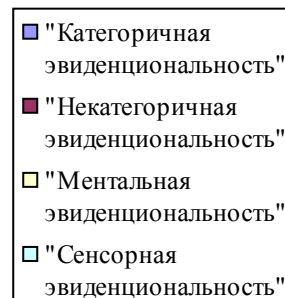
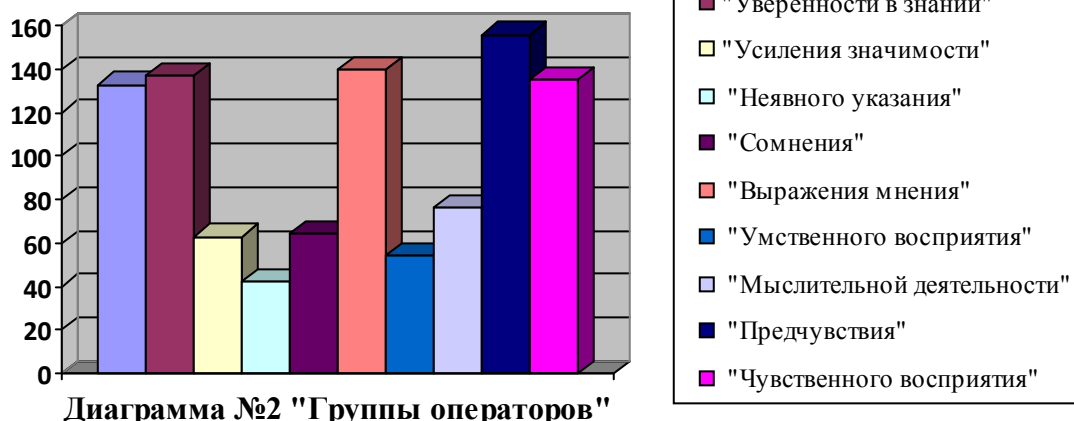

Диаграмма № 1 "Подвиды категории "эвиденциальность"

Как показал анализ, функционирование «категоричной эвиденциальности» (333 примера) в высказывании репрезентируют операторы «явного указания», «уверенности в знании», а также «усиления значимости высказывания». В свою очередь, «некатегоричная эвиденциальность» (246 примеров) передаётся операторами «неявного указания», «сомнения» и «выражения мнения», «ментальная эвиденциальность» (286 примеров) – операторами «умственного восприятия», «мыслительной деятельности» и «предчувствия», а «сенсорная эвиденциальность» (135 примеров) – «чувственного восприятия». Наиболее часто употребляемыми показателями эвиденциальности явились операторы «предчувствия» (156 примеров), «уверенности в знании» (137 примеров) и «явного указания» (133 примера), а наименее употребляемыми – операторы «неявного указания» (42 примера), «умственного восприятия» (54 примера), а также «усиления значимости» (63 примера). Результаты анализа представлены в диаграмме 2.

Таким образом, эвиденциальность является неотъемлемой характеристикой дискурса. Приобретение указанной категорией дополнительных значений происходит исключительно в пространстве дискурса, а определение подвидов эвиденциальности невозможно без детального рассмотрения контекста.

Анализ примеров показал, что любое эвиденциальное высказывание может быть представлено в виде модели, в рамках которой происходит взаимодействие субъекта коммуникации и передаваемого «материала». Характер воздействия говорящего на «материал» определяется использованием того или иного эвиденциального «оператора», дополнительно характеризующего источник информации и придающего сведениям добавочные смыслы. Данные смыслы получают своё выражение в виде подвидов «категоричная эвиденциальность», «некатегоричная эвиденциальность», «ментальная эвиденциальность» и «сенсорная эвиденциальность».

Библиографический список

1. Якобсон, Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972.
2. Всеволодова, М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. – М., 2000.
3. Плунгян, В.А. Общая морфология. Введение в проблематику: учеб. пособие. – М., 2000.
4. Болдырев, Н.Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка: сб. науч. трудов. – Тамбов, 2005.
5. Кобрин, О.А. Категория эвиденциальности: ее статус и формы выражения в разных языках // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 1.
6. Беляева, Е.И. Достоверность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л., 1990.
7. Стеклова, Т.И. Персуазивность и категоричность // Модальность в ее связях с другими категориями: межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 1992.
8. Шмелева, Т.В. Модус и средства его выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики. – М., 1988.
9. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. – М., 1988.
10. Кибрик, А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. в виде науч. докл. д-ра филол. наук. – М., 2003.
11. Dijk, T.A. van. Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague: Mouton, 1981.
12. Koonz, D. The Mask [Э/п]. – Р/д: <http://full-ebooks-downloads.blogspot.ru/2012/12/the-mask-by-dean-koontz.html>
13. Леонтьев, А.А. Актуальное членение и способы его выражения в русском языке // Теория языка, методы его исследования и преподавания. – Л., 1981.
14. Борботько, В.Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. – М., 2011.
15. Демьянков, В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. – М. – 2002. – № 3.
16. Козловский, Д.В. Лексические средства передачи модусных параметров категории «эвиденциальность» // Язык и мир изучаемого языка. – Саратов, 2010.
17. Longman Dictionary of Contemporary English [Э/п]. – Р/д: <http://www.ldoceonline.com>

Bibliography

1. Jakobson, R.O. Shifterih, glagoljnihe kategorii i ruskiy glagol // Principih tipologicheskogo analiza yazikov razlichnogo stroya. – M., 1972.
2. Vsevolodova, M.V. Teoriya funkcionalno-kommunikativnogo sintaksisa. – M., 2000.
3. Plungyan, V.A. Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku: ucheb. posobie. – M., 2000.
4. Boldihrev, N.N. Kategorii kak forma reprezentacii znaniy v yazihke // Konceptualnoye prostranstvo yazihka: sb. nauch. trudov. – Tambov, 2005.
5. Kobrina, O.A. Kategoriya ehvidencialnosti: ee status i formih vihrazheniya v raznihkh yazihkakh // Voprosih kognitivnoy lingvistiki. – 2005. – № 1.
6. Belyaeva, E.I. Dostovernost' // Teoriya funkcionalnoy grammatiki. Temporalnost'. Modalnost'. – L., 1990.
7. Steksova, T.I. Persuazivnost' i kategorichnost' // Modalnost' v ee svyazyakh s drugimi kategoriyami: mezhvuz. sb. nauch. tr. – Novosibirsk, 1992.
8. Shmeleva, T.V. Modus i sredstva ego vihrazheniya v vihskazivaniy // Ideograficheskie aspektih russkoy grammatiki. – M., 1988.
9. Arutyunova, N.D. Tipih yazhkovihkh znacheniy. Ocenka, sobihtie, fakt. – M., 1988.
10. Kibrik, A.A. Analiz diskursa v kognitivnoy perspektive: dis. v vide nauchn. dokl. d-ra filol. nauk. – M., 2003.
11. Dijk, T.A. van. Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague: Mouton, 1981.
12. Koonz, D. The Mask [Eh/r]. – R/d: <http://full-ebooks-downloads.blogspot.ru/2012/12/the-mask-by-dean-koontz.html>

13. Leontjev, A.A. Aktualnoe chlenenie i sposobih ego vihrasheniya v russkom yazihke // Teoriya yazihka, metodih ego issledovaniya i prepodavaniya. – L., 1981.
14. Borbotjko, V.G. Principih formirovaniya diskursa: ot psikholingvistiki k lingvosinergetike. – M., 2011.
15. Demijankov, V.Z. Politicheskijj diskurs kak predmet politologicheskoyj filologii // Politicheskaya nauka. Politicheskijj diskurs: istoriya i sovremenniye issledovaniya. – M. – 2002. – № 3.
16. Kozlovskiyj, D.V. Leksicheskie sredstva peredachi modusnihkh parametrov kategorii «ehvidencionalnostj» // Yazihk i mir izuchaemogo yazihka. – Saratov, 2010.
17. Longman Dictionary of Contemporary English [Eh/r]. – R/d: <http://www.ldoceonline.com>

Статья поступила в редакцию 30.04.13

УДК 811.531

Kallaur V.S. REFLECTION METALINGUISTICAL CONCEPT IN THE MINDS OF THE RUSSIAN AND KOREAN LANGUAGES (BASED ON PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENTS). The article presents a fragment of the research «concept» feast «in Russian and Korean language world», dedicated to the study of the concept. The results of psycholinguistic research conducted with support of the Russian and Korean languages, which reflects the perception Korean and Russian people concept «feast».

Key words: concept, feast, worldview, language world, conceptual picture of the world, stimulus, response.

В.С. Каллаур, соискатель ПГУ им. Шолом-Алейхема, г. Биробиджан, E-mail: valechka-24.10@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА В МЕТАЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКОГО И КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

В статье представлен фрагмент диссертационного исследования «Концепт «застолье» в русской и корейской языковых картинах мира», посвященному исследованию концепта. Описаны результаты психолингвистического исследования, проведенного с носителями русского и корейского языков, в котором отражено восприятие корейскоязычными и русскоязычными носителями концепта «застолье».

Ключевые слова: концепт, застолье, картина мира, языковая картина мира, концептуальная картина мира, стимул, реакция.

Настоящая статья является частью общего исследования, посвященного концепту «застолье», отраженному в двух культурах – русской и корейской. Прежде всего, остановимся на определении понятия «концепт», поскольку его содержание интерпретируется лингвистами по-разному. Как мы полагаем, поиск того или иного понятия, прежде всего, следует искать в терминологических словарях.

В словаре когнитивных терминов концепт определяется как «единица ментальных и психических ресурсов человеческого сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [1, с. 248]. Следует отметить, что концепт, по материалам данного источника, определяется не как единое целое, а с разных позиций: как единица сознания, языка, и, наконец, «единица языка мозга». Причем, самому понятию «единица мозга» не дается четкого определения. Данный термин был предложен Ю.Н. Карауловым, который определяет «язык мозга» как «нижнюю зону» между языком и мышлением [2, с. 15].

В связи с этим, есть смысл проанализировать представление о концепте, отраженное в работах различных исследователей. Д.С. Лихачев использовал термин «концепт» для обозначения «обобщенной мыслительной единицы, интерпретирующей явления действительности в зависимости от образования, личного, профессионального и социального опыта носителя языка» [3, с. 3]. По мнению В.А. Пищальниковой, концепт является категорией, которая объединяет все характеристики объекта: визуальные, тактильные, слуховые, вербальные и другие [4, с. 70]. Более общее определение концепта дает энциклопедический словарь под редакцией Ф.А. Бронгауза, И.А. Ефрана «концепт – общее представление, план, очерк, сочинение» [5, с. 592].

Ряд исследователей (например, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая) трактуют этот термин как «понятие, погруженное в культуру, имеющее «имя»/ «имена» в языке и отражающее культурно – обусловленное представление человека о действительности». Концепт, являясь обобщением индивидуальных смыслов, помогает преодолевать существующие между коммуникантами преграды в процессах понимания [6, с. 70].

Сопоставив вышеприведенные определения концепта, мы обнаружили, что в целом они практически не противоречат друг другу, поскольку в них отмечается во-первых, принадлежность

данного феномена к ментальной сфере, во-вторых, влияние социума на содержание концепта, в-третьих, отражение в языке (по крайней мере для подавляющего большинства концептов).

В связи с этим, мы считаем, что концепт может быть определен как ментальная единица сознания, как правило, имеющая выражение в языке и отмеченная национально-культурной спецификой, зависящей от менталитета носителей языка.

На основе концепта можно построить фрагмент языковой картины мира. В философско – лингвистической литературе термин «картина мира» именуется как представление человека о мире, которое складывается в результате взаимодействия человека с этим миром. Под картиной мира И.А. Стернин и З.Д. Попова подразумевают «упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном, групповом и индивидуальном сознании» [7, с. 51]. По мнению Б.А. Серебренникова, «картина мира запечатлевает в себе определенный образ мира, который никогда не является зеркальным отражением мира» [8, с. 60].

Е.С. Кубрякова считает, что под концептуальной картиной мира подразумевается воображаемый человеком мир [9, с. 142].

Концептуальные картины мира у людей могут быть разные. Люди, говорящие на одном языке, могут иметь разные индивидуальные концептуальные картины мира, люди, говорящие на разных языках наоборот, одинаковую картину мира. Все зависит от социального статуса человека, возраста, области научного знания.

В лингвистике, как и в философии, принято различать концептуальную и языковую картины мира.

Е.С. Кубрякова под языковой картиной мира подразумевает ту часть мира, которая может быть «привязана» к языку и «преломлена через языковую форму» [9, с. 142].

Вопрос о том, какое место в картине мира занимает языковая картина мира, является актуальным для современных лингвистов. По мнению В.А. Масловой, языковая картина мира имеет «специфическую окраску картины мира», которая обусловлена национальными особенностями предметов, явлений, процессов, отношением к ним, порождающемуся национальной культурой народа, его образа жизни и спецификой деятельности [6, с. 66]. По утверждению Ю.Н. Караулова, языковая картина мира – это то, что во всей совокупности является содержанием определенного языка [2, с. 70]. И.А. Стернин и З.Д. Попова считают, что языковая картина мира – это совокупность зафиксированных

Восприятие русскими носителями концепта «застолье»

реакция		1		2		3		4		5		6	
		Рецепиенты	%	рецепиенты	%	рецепиенты	%	рецепиенты	%	рецепиенты	%	рецепиенты	%
явления	рецепиенты		%										
Еда	47	9	9	8	8	10	10	17	17	3	3	0	0
Алкоголь	42	11	11	9	9	13	13	5	5	0	0	4	4
Веселье	40	15	15	8	8	11	11	1	1	5	5	0	0
Праздник	30	12	12	6	6	9	9	2	2	1	1	0	0
Новый год	25	0	0	1	1	8	8	6	6	10	10	0	0
Компания	24	4	4	7	7	5	5	6	6	2	2	0	0
Гости	22	4	4	8	8	6	6	3	3	1	1	0	0
Шутки	19	6	6	4	4	6	6	2	2	1	1	0	0
Радость	18	2	2	0	0	3	3	2	2	5	5	6	6
Танцы	14	0	0	4	4	3	3	2	2	5	5	0	0
Огурцы	11	1	1	0	0	0	0	3	3	7	7	0	0
Стол	11	6	6	0	0	1	1	4	4	0	0	0	0
Шум	10	0	0	0	0	0	0	0	0	5	5	5	5
Разговоры	5	0	0	0	0	2	2	0	0	2	2	1	1
Народ	4	0	0	0	0	0	0	2	2	0	0	2	2
Похмелье	4	0	0	0	0	0	0	2	2	2	2	0	0

Восприятие корейскими носителями концепта «застолье»

реакция		1		2		3		4		5		6	
		рецепиенты	%	рецепиенты	%	рецепиенты	%	рецепиенты	%	рецепиенты	%	рецепиенты	%
явления	рецепиенты		%										
Алкоголь	38	18	36	17	34	1	2	2	4	0	0	0	0
Еда	30	8	16	10	20	12	24	0	0	0	0	0	0
Подарок	23	10	20	4	8	8	16	1	2	0	0	0	0
Пэгильчанчи	15	4	8	7	14	3	6	1	2	0	0	0	0
Тольчалчи	15	5	10	3	6	4	8	2	4	1	2	0	0
Песня	13	0	0	6	12	3	6	3	6	1	2	0	0
Туалетная бумага	8	0	0	3	6	1	2	0	0	4	8	0	0
Ресторан	8	0	0	0	0	0	0	4	8	3	6	1	2
Вечеринка	6	2	4	0	0	0	0	3	6	1	2	0	0
Шум	5	0	0	0	0	2	4	2	4	1	2	0	0
Цветы	4	0	0	0	0	0	0	3	6	1	2	0	0
Новоселье	3	0	0	0	0	2	4	0	0	1	2	0	0

представлений человека о мире на определенном этапе развития жизни, представление о действительности, отраженное в значении языковых знаков – «языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [7, с. 54]. Она не передает полную картину действительности в силу того, что язык передает далеко не все, что есть в сознании человека.

Понимание концептуальной и языковой картины мира не обнаруживает таких расхождений в определении разных исследователей, какие мы наблюдаем в отношении концепта.

Когда говорят о языковой картине мира, как правило, имеют в виду наивную картину мира, которая делится на узальную и индивидуальную. Под наивной языковой картиной мира мы подразумеваем систему представлений, содержащихся в языке носителей данной культуры. Наивная картина мира отражает материальный и духовный опыт определенного народа. Как отмечает Ю.Д. Апресян, наивная картина мира «представляет отраженные в естественном языке способы восприятия мира». Наивную картину мира Ю.Д. Апресян связывает с общелитературным, общепотребительным значением [10, с. 39].

Наряду с наивной картиной мира принято выделять научную картину мира. На языковом уровне это научная языковая картина мира, которая является своеобразной формой систематизации знаний. Научная картина мира в процессе исследования выполняет три основные функции: 1) систематизирует научные знания; 2) выступает в качестве исследовательских программ, определяющих научную стратегию; 3) обеспечивает объективность научных знаний [11, с. 80].

В настоящей статье на материале концепта «застолья» рассмотрены фрагменты языковых картин мира – русской и корейской.

Понятие «Застолье» имеет большое значение для каждой культуры и жизни отдельного человека. Интересно отметить, что термин, обозначающий данное явление в современном значении, обнаружен только в одном словаре: согласно словарю русского языка С.И. Ожегова, «застолье – праздничный стол, угощения, а так же сидящие за праздничным столом» [12, с. 191]. Согласно материалам словаря В. Даля, «застолье» – место за обеденным столом [13, с. 640]. Данное значение в настоящее время можно отнести к устаревшим.

Ритуалы, связанные с застольем, которым на протяжении многих веков придавалось большое значение, говорят о давней культуре застолья. Столовые приборы, рассадка гостей, принятие пищи и алкоголя – все это имело и имеет особый смысл.

К атрибутам «застолья» можно отнести различное меню, выпивку, тосты и многое другое. Поводами застолья могут послужить различные праздники и годовщины, а также выходные дни.

Нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент в форме анкетирования, цель которого состояла в выявлении представлений носителей двух языков о понятие «застолье». С русской стороны приняли участие 100 реципиентов, возраст которых варьировался от 25 до 50 лет, имеющие образование не ниже среднего. С корейской стороны участвовало 50 реципиентов, в основном студенты гуманитарных факультетов. Вдвое меньшее количество опрошенных с корейской стороны обусловлено техническими причинами. Информантам было предложено указать явления, ассоциирующиеся у них с понятием «застолье». Инструкция давалась на родном языке.

Для того чтобы упростить восприятие материалов эксперимента, представим их в табличной форме.

По результатам исследования в ответах реципиентов мы выделили следующие общие атрибуты, характерные для корейского и русского застолья: алкоголь, еда, шум и разновидности праздников: в корейском языке «Пэгильчанчхи» и «Тольчапчи»; в русском языке таким праздником является «Новый Год». К атрибутам, характерным для корейского застолья были отнесены песни, цветы, туалетную бумагу, подарок, ресторан, вечеринку, новоселье. К атрибутам русского застолья можно отнести: веселье, компанию, гостей, шутки, радость, танцы, огурцы, стол, разговоры, народ и похмелье.

Все атрибуты застолья, указанные реципиентами, были разделены на тематические группы. Группами, которые мы смогли выделить как в корейской, так и в русской культурах явились: выпивка, куда вошел «алкоголь»; пища, в которую в корейской и в русской культурах вошел общий элемент «еда»; также в русской культуре был добавлен «огурец»; группа «праздник», в которую вошли: в корейской культуре национальные праздники «пэгильчанчхи» и «тольчапчи», а в русской культуре «праздник» и «Новый Год». Следующая общая группа, которую можно было выделить по результатам эксперимента, «шум», в нее вошли: в корейской культуре «вечеринка», «шум», «песня», а в другой – «шум», «танцы». Специфические группы в русской культуре представлены следующим образом: эмоции: «веселье», «радость»; физическое состояние: «похмелье»; люди: «компания», «народ», «гости»; предмет – «стол»; беседа: «шутки», «разговоры». Корейскую культуру представили следующие группы: подарок, куда вошли «туалетная бумага», «подарок», «цветы»; место: «ресторан».

Поскольку работа написана в русле когнитивной парадигмы, мы попытались для данного концепта определить состав ядра и периферии по языкам. Были проанализированы результаты исследования без учета ранжирования на последовательность реакций. В русской культуре ядрами выступили следующие явления: «еда», «алкоголь», «веселье», «праздник», «Новый Год».

В корейской культуре, как и в русской, в ядре оказались: «алкоголь», «еда». Так же в ядре оказались национальные корейские праздники «Пэгильчанчхи» и «Тольчапчи».

В русской культуре в периферию вошли: «компания», «гости», «шутки», «радость», «танцы», «огурцы», «стол», «шум», «разговоры», «народ», «похмелье».

Процент реакций, указывающих на тот или другой атрибут застолья, и в том, и в другом языке не должен быть ниже 25%.

Если рассмотреть материал с учетом ранжировки, то высоким процентом представлены первые три реакции, как в русском, так и в корейском языках. И в том, и в другом языке отдельные номинации, отсутствующие в первых реакциях, тяготеют к последним. Сюда относятся в корейском языке: ресторан, цветы, новоселье, шум; в русском – разговоры, Новый Год, шум, народ, похмелье.

Опираясь на результаты эксперимента, можно отметить, что фрагменты языковой картины мира, сформированные через концепт «застолье», в достаточной степени близки. Несовпадение по ряду номинаций, характеризующих концепт «застолье» в русском и корейском языках, вызвано разной значимостью тех или иных атрибутов застолья, которые неизбежно присутствуют в той и другой культуре, однако обладают разной ценностной характеристикой. Практически к абсолютно уникальным явлениям для русских носителей можно отнести туалетную бумагу, которая приносится в дом в качестве подарка. В свою очередь, чуждым для корейцев представляется похмелье, которым представители данного этноса никогда не страдают.

Библиографический список

1. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.
2. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
3. Лихачев, Д.И. Концептосфера русского языка. – М., 1993.
4. Пищальникова, В.А. Общее языкознание / В.А. Пищальникова, А.Г. Сонин. – М., 2009.
5. Энциклопедический словарь / под ред. Ф.А. Бронгауза, И.А. Ефрана. – М., 2004.
6. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М., 2011.
7. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М., 2007.
8. Серебрянников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. – М., 1988.
9. Кубрякова, Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М., 1986.
10. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – М., 1995.
11. Новая философская энциклопедия/ под ред. В.С. Степина. – М., 2001.
12. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. – М., 1986.
13. Даль, В. Толковый словарь. – М., 1978. – Т.1.

Bibliography

1. Kubryakova, E.S. Kratkiy slovarj kognitivnykh terminov. – M., 1996.
2. Karaulov, Yu.N. Russkiy yazhik i yazhkovaya lichnostj. – M., 1987.
3. Likhachev, D.I. Konceptosfera russkogo yazhka. – M., 1993.
4. Pithalnikova, V.A. Obthee yazhkoznanie / V.A. Pithalnikova, A.G. Sonin. – M., 2009.
5. Ehnciklopedicheskiy slovarj / pod red. F.A. Brongauza, I.A. Efrana. – M., 2004.
6. Maslova, V.A. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku. – M., 2011.
7. Popova, Z.D. Kognitivnaya lingvistika / Z.D. Popova, I.A. Sternin. – M., 2007.
8. Serebrennikov, B.A. Rolj chelovecheskogo faktora v yazhke. Yazhik i mihslenie. – M., 1988.
9. Kubryakova, E.S. Nominativniy aspekt rechevoy deyatel'nosti. – M., 1986.
10. Apresyan, Yu.D. Obraz cheloveka po dannim yazhka: popitka sistemnogo opisaniya // Voprosih yazhkoznanija. – M., 1995.
11. Novaya filosofskaya ehnciklopediya/ pod red. V.S. Stepina. – M., 2001.
12. Ozhegov, S.I. Slovarj russkogo yazhka. – M., 1986.
13. Dalj, V. Tolkoviy slovarj. – M., 1978. – T.1.

Статья поступила в редакцию 03.05.13

УДК 801.3

Stolyarova N.N., Khalina N.V. THE DISCOURSE OF ALTAI GERMANS FROM POINT OF NATIVISM. The article considers the discourse of the Altai Germans from the point of nativism. Speech patterns created by Altai Germans as members of a multi-ethnic culture of Altai – that's life, observed as a discourse, the construction of which implemented the provisions of nativism.

Key words: discourse, Altai Germans, nativism, native discourse, ethnos, native language.

Н.Н. Столярова, канд. филол. наук, доц. каф. английского языка Алтайского гос. технического университета им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, E-mail: nadezhda_stolyar@mail.ru;

Н.В. Халина, д-р филол. наук, проф. каф. общего и исторического языкознания Алтайского гос. университета, г. Барнаул, E-mail: nkhalina@yandex.ru

ДИСКУРС АЛТАЙСКИХ НЕМЦЕВ С ПОЗИЦИЙ НАТИВИЗМА

В статье описывается дискурс алтайских немцев с позиций нативизма. Речевые произведения, создаваемые алтайскими немцами как представителями полиэтнической культуры Алтая – это жизнь, наблюдаемая и означенная как дискурс, при построении которого реализуются положения нативизма.

Ключевые слова: дискурс, алтайские немцы, нативизм, нативный дискурс, этнос, родной язык.

Исследование алтайского дискурса предполагает взаимодействие представителей этнических культур, населяющих территорию Алтайского края, с языком родным, обладающим, согласно Л. Вайсгерберу, миропостигающей, культуросозидающей и исторической возможностями. Миропостигающая (weltherschende Яende) возможность – способ, которым язык делает мир доступным человеческому сознанию; культуросозидающая (kulturschaffende) – формы, в которых картина мира конкретного языка воздействует на все формы общественного действия, зависящие от «использования» языка; историческая (geschichtliche) – то воздействие, которое язык оказывает на исторические процессы существования конкретного языкового сообщества [1].

Эти возможности языка Л. Вайсгербер связывает с новой интерпретацией тезиса В. Гумбольдта о сущности языка: «Язык, в истинном понимании его сущности, есть нечто постоянно и каждое мгновение преходящее. Дело в том, что он есть постоянно повторяющаяся работа духа, стремящегося сделать артикуляционный звук способным к выражению мысли» [1, с. 139]. Звук, выражающий мысли, формирует лингвистические компетенции представителя культуры Алтая. Компетенции в данном случае понимаются, вслед за А.Ж. Греймасом и Ж. Фонтанием, как потенции действия, состояния, в которых находится субъект; эти состояния являются формой «бытия» субъекта, формой актуализированной и предшествующей реализации [2]. В соответствии с семиотической теорией А.Ж. Греймаса и Ж. Фонтания, речевые произведения, создаваемые алтайскими немцами как представителями полиэтнической культуры Алтая – это жизнь, наблюдаемая и означенная как дискурс, при построении которого реализуются положения нативизма.

Нативизм (nativism) – школа философской мысли, утверждающая, что часть наших знаний является врожденной и иногда не зависящей от нашего чувственного опыта. К наиболее знаменитым нативистам относятся Платон, Р. Декарт и Им. Кант, в числе современных нативистов называется Н. Хомский. Речевые произведения алтайских немцев формируют нативный дискурс, при характеристике которого мы исходим из определения

лексической единицы *нативный* [<лат. *nativus* врожденный] – натуральный, находящийся в природном состоянии, не модифицированный, т.е. сохраняющий строение, присущее ему в составе живой клетки (например, нативный белок) [3] и понимания *дискурса* Э. Лакло и Ш. Муффа как совокупности фиксированных значений в пределах специфической области [4].

Нативный дискурс алтайских немцев предпочтительнее рассматривать с опорой на нативизм Платона. Нативизм у Платона представлен концепцией «припоминания» (*anamnesis*), изложенной в «Меоне»: человек приобретает знания не опытным путем, они заложены в нем от рождения; задача опыта состоит в том, чтобы «расшевелить» память. «Раз душа бессмертна, часто рождается и видела все и здесь, и в Аиде, то нет ничего такого, чего бы она не познала; поэтому ничего удивительного нет в том, что и насчет добродетели, и насчет всего прочего она способна вспомнить то, что прежде ей было известно. И раз все в природе друг другу родственно, а душа все познала, ничто не мешает тому, кто вспомнил что-нибудь одно, – люди называют это познанием, – самому найти и все остальное, если только он будет мужествен и неутомим в поисках: ведь искать и познавать – это как раз и значит припоминать» [5, с. 81].

Способностью припоминания в концепции Платона человек наделяется постольку, поскольку он представляет собой вместилище души. Обретающаяся в теле душа располагает опытом достаточным для того, чтобы «комментировать» происходящее в физическом мире и снабжать рассудок готовыми решениями ситуаций.

Лингвистической компетенцией «комментирование» в нативном дискурсе алтайских немцев наделяется поведенческий организм, который трактуется как адаптивная подсистема, детерминирующая социальную, культурную, личностную подсистемы [6, с. 56]. Если поведенческий организм рассматривать как коллективную подсистему, то он будет представлять собой социальную актуализацию биоритмической организации этноса. Так, в условиях среды Алтайского края, поведенческая система «Алтайские немцы» в своих коммуникативных действиях повторяет особенности биоритмической организации генетических

немцев (носителей немецкого языка, проживающих на территории современной Германии). Генетическая конституция алтайских немцев реализуется в инокультурной среде.

Алтайские немцы ориентируются на генетическую конституцию немецкого этноса, но, являясь языковой общностью, говорящей на русском и на немецком языках, данная общность организована разными локальными культурами, в единстве образующими культурно-символическую систему «Сибирь». При выборе адекватной коммуникативным целям культурной системы алтайские немцы сами передвигаются на более высокое место в историческом процессе, тем самым повышают свой исторический статус, открывая родной – немецкий язык – в нейтральной среде [7] русского языка.

Открытие родного языка осуществляется через серии простых предложений, в которых происходит созидание понятий, которое, в соответствии с идеями Л. Вайсгерберга, заключается в логическом акте учреждения понятия (Setzung) и его отграничении от других (Unterscheidung). Процессуальность повествования достигается в ходе построения сложных предложений, посредством которых создается истинное представление о событии и конкретно-исторической сущности человека, а также создаются конструктивно-лингвистические формы повседневной жизни.

Повседневная жизнь в трактовке Бергера и Лумана [8] понимается как жизнь, которую один человек («я») разделяет с другими посредством языка, а язык, в таком случае, истолковывается как внешняя для автора (согласно К. Бёрку, тому, кто осуществляет символическое действие с точки зрения драматического анализа языка). Язык же понимается как некая фактичность, которая оказывает на человека свое принудительное воздействие и подчиняет его своим структурам. При этом, развивая концепцию авторов применительно дискурса алтайских немцев, следует признать, что не действительность отражается в сознании,

а сознание отсылает к действительности, поскольку дискурсы представляют знания для формирования действительности.

«Повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира. Это мир, создающийся в их мыслях и действиях, который переживается ими в качестве реального [8, с. 37]. Реальность повседневной жизни «здесь» моего тела и «сейчас» моего настоящего времени. Это «здесь и сейчас» – фокус моего внимания к реальности повседневной жизни» [8, с. 38].

Родной язык поддерживает повседневную жизнь, а «системное» проговаривание повседневных событий создает дискурсивизацию повседневной жизни в коммуникативном процессе. Дискурсивизация жизненных проявлений, согласно концепции А. Гремаса и Ж. Курте, включает в себя три процедуры: установление действующих лиц пространство, время (темпорализация). В результате дискурсивизации происходит расположение говорящего субъекта в пространстве, относительно которого ведутся повествование, и закрепление во времени – процесса коммуникативной реализации, внутренней формы языка и внутреннего духа этноса.

Л. Вайсгербер признает родной язык средством идиоэтнического познания мира, «которое базируется на принципиальных возможностях, присущих конкретному языку как первичному феномену человеческой культуры, разворачивающему свою действенность в рамках данного языкового сообщества» [9, с. 118]. Родной язык позволяет постичь основные жизненные процессы народа, которые оказываются стимулами большой важности, пробуждающими ведущие силы исторической жизни. В мировидении алтайских немцев, также как и представителей других этнических культур Алтая, родная речь становится одной из сил, которая поддерживает жизнеспособность и стойкость духа жителя сибирской территории.

Библиографический список

1. Радченко, О.А. Язык как мирозидание: лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. – М., 2006.
2. Греймас, А.Ж. Семиотика страстей: от состояния вещей к состоянию души / А.Ж. Греймас, Ж. Фонтань. – М., 2007.
3. Новейший философский словарь. – Минск, 2003.
4. Laclau, E. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics / E. Laclau, Ch. Mouffe. – London, 1985.
5. Платон. Собр. соч.: в 3 т. – М., 1968. – Т. 1.
6. Парсонс, Т. Система Современных Обществ. – М., 1998.
7. Duranti, Alessandro. 1997. Linguistic Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М., 1995.
9. Радченко, О.А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. – М., 2006.

Bibliography

1. Radchenko, O.A. Yazhik kak mirosozidanie: lingvofilosofskaya koncepciya neogumboldtianstva. – M., 2006.
2. Grejmas, A.Zh. Semiotika strastej: ot sostoyaniya vethey k sostoyaniyu dushi / A.Zh. Grejmas, Zh. Fontaniy. – M., 2007.
3. Noveyshiyy filosofskiy slovarj. – Minsk, 2003.
4. Laclau, E. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics / E. Laclau, Ch. Mouffe. – London, 1985.
5. Platon. Sobr. soch.: v 3 t. – M., 1968. – T. 1.
6. Parsons, T. Sistema Sovremennikh Obshchestv. – M., 1998.
7. Duranti, Alessandro. 1997. Linguistic Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Berger, P. Socialnoye konstruirovaniye realnosti. Traktat po sociologii znaniya / P. Berger, T. Lukman. – M., 1995.
9. Radchenko, O.A. Yazhik kak mirosozidanie. Lingvofilosofskaya koncepciya neogumboldtianstva. – M., 2006.

Статья поступила в редакцию 13.05.13

УДК 81

Stolyarova N.N., Khalina N.V. REASONS TO LINGVO-SINERGETIC ANTHROPOLOGY OF LANDSCAPE COMPLEX «ALTAI». The possibility of setting up the theoretical foundations of linguistic description, adequate synergy landscape complex of Altai is considered in the article. As a basic theoretical trends elected linguistic anthropology and synergetic anthropology as a sample description of the configuration method of understanding of the events inherent in the landscape complex «Altai» is selected the work by G.D Grebenshchikov «Altai – the pearl of Siberia».

Key words: linguistic anthropology, synergetic anthropology, landscape complex «Altai», the configuration method of understanding of the events.

Н.В. Халина, д-р филол. наук, проф. каф. общего и исторического языкознания Алтайского гос. университета, г. Барнаул, E-mail: nkhalina@yandex.ru;

Н.Н. Столярова, канд. филол. наук, доц. каф. английского языка Алтайского гос. технического университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, E-mail: nadezhda_stolyar@mail.ru

К ОСНОВАНИЯМ ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ ЛАНДШАФТНОГО КОМПЛЕКСА «АЛТАЙ»

статье рассматривается возможность создания теоретических оснований лингвистического описания, адекватного синергии ландшафтного комплекса Алтай. В качестве базовых теоретических трендов избираются лингвистическая антропология и синергетическая антропология; в качестве образца описания конфигурационного способа осмысления событий, свойственного ландшафтному комплексу «Алтай» выбирается произведение Г.Д. Гребенщикова «Алтай – жемчужина Сибири».

Ключевые слова: лингвистическая антропология, синергетическая антропология, ландшафтный комплекс «Алтай», конфигурационный способ осмысления событий.

А. Дюранти определяет лингвистическую антропологию как междисциплинарное поле, посвященное изучению языка как культурного ресурса и речи как культурной практики [1]. Исследователь также утверждает, что, несмотря на значительные различия между поколениями и школами разделяют некоторые основные идеи о небольшом наборе основных свойств языка, которые сосредоточены вокруг одного. Основное предположение А. Дюранти сводится к тому, что язык не является нейтральной средой. Интерпретация и преобразование этого положения/предположения в конкретных проектах придает лингвистической антропологии самобытность среди социальных и гуманитарных наук. Существенным свойством в лингвистической антропологии признается, прежде всего, не коммуникативная функция, а рекурсивная [2].

Особое внимание А. Дюранти обращает на три основных свойства языка, которые, как правило, рассматриваются лингвистической антропологией: 1) язык кода для представления опыта; 2) язык является одной из форм социальной организации; 3) язык есть система дифференциации. Каждое из этих свойств соответствует различным онтологическим обязательствам, но при изучении вклада лингвистической антропологии через эти обязательства выясняется, что эти обязательства связаны с онтологическими обязательствами более высокого порядка, а именно пониманием языка как не-нейтральной среды. В лингвистической антропологии оформляется так называемая «третья парадигма», в соответствии с которой язык рассматривается как не только как феномен, состоящий из лексики и грамматики, но и как включающий в себя коммуникативные ресурсы, такие как просодия, темп, объем, жесты, положение тела, пищевые инструменты, конвенции, визуализацию [3; 4].

Лингвистическая антропология в задачах изучения онтологических обязательств подобна неклассической – синергетической – антропологии, которая основана на парадигме размыкания человека навстречу Иному, в процессе чего конституируется личность и идентичность Человека [5]. Размыкание – снятие замкнутости человека в его способе существования, как полагает С.С. Хоружий, есть определенная совокупность антропологических проявлений, в которых человек достигает предельных областей своего сознания и опыта. Это области, в которых фундаментальные предикаты человеческого существования начинают меняться преимущественно за счет встречи с иным, в результате чего возникает новая концепция человека.

С.С. Хоружий считает, что два внеположных фактора (иное бытие – онтологически внеположный, т.е. синергетический, бессознательное – онтически внеположный, т.е. топологический фактор), или энергийных источника, определяют радикально различную антропологическую динамику и антропологическую реальность. Новая модель человека, интерпретирующая человека его Границей, предельными проявлениями, предметом своего изучения имеет различные виды антропологических практик. К числу последних относятся базисные практики, в которых осуществляется репрезентация размыкания: онтологическое размыкание (в духовных практиках), онтическое размыкание (в паттернах бессознательного), виртуальное размыкание (в виртуальных антропологических практиках). Совокупность всех предельных антропологических проявлений С.С. Хоружий именует Антропологической Границей. Это понятие становится центральным в синергетической антропологии.

Предикаты человеческого существования начинают меняться преимущественно за счет встречи с иным, в результате чего возникает новая концепция человека. Антропологической гра-

ницей лингволандшафтного комплекса «Алтай» в тексте Г.Д. Гребенщикова «Алтай – жемчужина Сибири» [6] является транзитивное отношение (связка «есть») между *S* и *P*. В совокупности возможных типов связи между *S* (Старый Свет/Вечность/Коррелятивное мышление/Монархия) и *P* (Новый Свет/Новое (относительно) Время/Механистическое (рациональное) мышление/Демократия) формируется новая концепция человека в конфигурационном поле «Алтай».

Конфигурационный способ осмысления событий предполагает сведение вместе вещей, которые кажутся несовместимыми с позиции первых двух: отдельные компоненты нарратива подходят друг к другу «конфигурационно», подобно кусочкам составной картинке-загадки. Достигается конфигурационное соответствие компонентов нарратива через сеть частично совпадающих (over lapping) описаний, связывающую предложения. Значимым становится совпадение в рассматриваемом топологическом инварианте синтаксических и грамматических форм описания: *за белыми облаками, за синими небесами; в себе, в золоте и серебре, в книге Сакур; носящий, поселившийся; светишь днем, светишь ночью; Солнце – Бурхан, Месяц – Бурхан*.

Выделенные формы описания позволяют оставить представление о принципах фиксации отношения отношений, или отношения, которое растягивается, транзитивного отношения, устанавливаемого между *S* и *P*, в качестве которых соответственно обнаруживают себя, с одной стороны, Россия и Алтай, с другой стороны, Дух Алтая (*S*) и народы Алтая (*P*).

Символ сущего России связан в пространстве-времени с Духом Алтая – Духом Мудрости, который для А. Белого [7] ассоциируется с Голубым Колокольчиком – Колоколом Земли, собирающим Силы цветные и звучащие в единую нарративную субстанцию в произведении Г.Д. Гребенщикова: «Всегда, когда слышу или произношу Алтай, то даже вижу его сине-лиловый цвет с белыми краями. И, конечно, для всех языков и народов должно быть понятым ласкающее, музыкальное созвучие слова – Алтай! Ибо оно звучит, как Родина».

Алтай предстает как большая телеономическая система двойственно-топологического типа, живая система, для нормального функционирования которой не существенны точные пространственные координаты тех или иных процессов, отождествляемых с существованием племен и народностей, а важна определенная топологическая «зацепленность» (если рассуждать в контексте топологической или кохомологической, или теоретико-категорной физики) соответствующих структур. «Живое и возникло, по-видимому, именно как результат таких чисто телеономических детерминаций двойственно-топологического типа, и для его оптимального функционирования решающее значение имеют не точные пространственно-координатные характеристики составляющих его компонент (как в механических – машинах – системах), а только наличие (или отсутствие) определенных топологических характеристик у той или иной пространственной конфигурации, составляющих живую систему «частей» [8, с. 45].

Топологические характеристики пространственной конфигурации Алтай (материки водные, материки воздушные, мир природных предметов и мир отвлеченных понятий) таковы в тексте Г.Д. Гребенщикова: «Здесь течет бурная и голубая, порожищая река Белая, проложившая путь мимо Синюхи, и лежит дивное, огороженное с востока причудливыми гранитными скалами Колыванское озеро, граничащее с запада с безбрежной равниной. Здесь же, около деревни Саушки, на полях стоит скала «Фараон», или «Египетский царь с царицей»: величественное сочетание в одном камне двух характерных образов – мужского и жен-

ского. И сосновые и пихтовые, и лиственные леса, и бурные потоки в голубых ущельях, и очарованные скалы, похожие на головы богатырей, и, наконец, чудо природы, сказочное озеро Белое, вправленное в раму из красивых холмов у подножия Сихуи» (материки водные, мир природных предметов); «Все это величие высот и разнообразие их расположений и сплетений не поддается описанию. Но стоит подняться хоть на самую небольшую высоту, как откуда-либо ваш взор ослепит белизна, сверкающая в той или иной ближайшей от вас части края. И чем выше поднимаетесь вы, тем причудливее развертывающаяся перед вами панорама. Чем шире открывается простор, тем лиловее даль и тем неожиданной возникают в разных частях белые высоты... И всегда перед вами целый ряд миров» (воздушные материки); «Если бы им удалось когда-нибудь возвыситься свою жизнь до тех сверканий белизны и святости, которые блистают на высотах, как зацвела бы жизнь нашей планеты, с какой неизреченной красотой засверкала бы корона двуглавой заоблачной царицы Алтая Белухи, прозванной алтайскими народами Престолом Бога» (мир отвлеченных понятий – результат разложения культур, отживших) (а) в живой системе «Алтай»; (б) в живой системе «Россия»; «Так как на Алтае нет другого, подобного мне стрелка, то будут скоро расти в долинах белые березы, а вместе с ними завладеет всеми алтайскими народами белый царь...» (мир изделий, результат наложения мира природных предметов на мир отвлеченных понятий).

Топологические характеристики пространственной конфигурации Алтай определяют характер «топологических» черт жи-

теля территории. В топологическом инварианте «Белокурая раса» последовательность событий выстраивается следующим образом: раса с зелеными (голубыми) глазами и рыжими (белокурыми) волосами, относящаяся к разряду высшей (длинноголовой, населявшей некогда Алтай) (1) – стоянки длинноголовой расы в Забайкальских отрогах, по реке Селенге; изумительная красота гипсовых масок и конфигурации черепов древнейших алтайцев, принадлежащих к длинноголовой высшей человеческой расе, обнаруженных в различных предгорьях Алтая (2) – племена с белокурыми волосами и голубыми глазами в средней Азии (наименования племен: усунь, хагясы, дин-лины, бома) (3) – дин-лины, бома: временно владели нынешними Барабинскими равнинами, кочевали по южным окраинам Гоби, Индокитаю, внутренней и Средней Азии (4) – дин-лины (белокурые люди с удлинённой головой и возвышенным носом) овладели Китаем в 1122 году до Р.Х. и дали ему династию Джоу (5).

Фрагментом когерентного дискурса «Алтай» в тексте Г.Д. Гребенщикова предстает транзитивное отношение «Россия», зарождающееся, как и все человечество, в колыбели «Алтай», в хайдеггеровском Нечто. Транзитивное отношение зарождается в точке, «расширяется кругообразной линией, обтекающей линию оси (прямую); спираль – круголиния; в ней эволюция, как и догмат, – проекция конуса обращения на плоскостях, перпендикулярно поставленных» (А. Белый) – белая роза, символ Сил цветных, оживающих в непрерывной и неизменной текучести Алтая, роза ветров Мир.

Библиографический список

1. Duranti Duranti, Alessandro. *Linguistic Anthropology*. Cambridge: Cambridge – Cambridge, 1997.
2. Hauser, Marc D., Noam Chomsky, and W. Tecumseh Fitch. «The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve?» – Science, 2002.
3. Goodwin, Charles. «Action and Embodiment within Situated Human Interaction». *Journal of Pragmatics* 32:1489-522. – 2000.
4. Finnegan, Ruth. *Communicating: The Multiple Modes of Human*, 2002.
5. Хоружий, С.С. Очерки синергетической антропологии. – М., 2005.
6. Гребенщиков, Г.Д. *Моя Сибирь*. – Барнаул, 2002.
7. Белый, А. Символизм как миропонимание. – М., 1994.
8. Акчури, И.А. Причины телеономические и формообразующие: первые шаги в рациональном понимании // Причинность и телеономизм в современной научно-естественной парадигме. – М., 1992.

Bibliography

1. Duranti Duranti, Alessandro. *Linguistic Anthropology*. – Cambridge, 1997.
2. Hauser, Marc D., Noam Chomsky, and W. Tecumseh Fitch. «The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve?» – Science, 2002.
3. Goodwin, Charles. «Action and Embodiment within Situated Human Interaction». *Journal of Pragmatics* 32:1489-522. – 2000.
4. Finnegan, Ruth. *Communicating: The Multiple Modes of Human*, 2002.
5. Khoruzhiy, S.S. *Ocherki sinergeticheskoy antropologii*. – М., 2005.
6. Grebenthikov, G.D. *Moya Sibir*. – Barnaul, 2002.
7. Belihy, A. *Simvolizm kak miroponimanie*. – М., 1994.
8. Akchurin, I.A. *Prichinnyh teleonomicheskie i formoobrazuyutchie: perviye shagi v racionalnom ponimani* // Prichinnost i teleonomizm v sovremennoy nauchno-estestvennoy paradigme. – М., 1992.

Статья поступила в редакцию 13.05.13

УДК 811.512.141:003.212

Khusainova L.M. PICTOGRAPHY SYSTEM BASHKIR LETTERS. The article is devoted to the study of one of the stages of the Bashkir writing – pictographs. Defined place in Grammatology pictographs and its role in the development of Bashkir letter. In the formation of the Bashkir letter icon, in particular, petroglyphs and tamgi, ornaments, played a big role. Based on the large amount of factual material, recorded in Bashkir dialects are considered especially pictographic writing the Bashkirs.

Key words: writing, information pictography, petroglyphs, graffiti, runes, Bashkir tamgi, ornaments, writing system.

Л.М. Хусаинова, канд. филол. наук, доц., зав. каф. башкирского языка Стерлитамакского филиала Башкирского гос. университета, г. Стерлитамак, E-mail: lejla-kh@yandex.ru

Пиктография в системе башкирского письма

Статья посвящена изучению одного из этапов башкирского письма – пиктографии. Определены место пиктографии в грамматологии и ее роль в развитии башкирского письма. В формировании башкирского письма пиктограммы, в частности, петроглифы, а также тамги, орнаменты, сыграли большую роль. На основе большого фактического материала, зафиксированного в башкирских диалектах, рассматриваются особенности пиктографического письма у башкир.

Ключевые слова: письмо, информация, пиктография, петроглифы, граффити, руника, башкирские тамги, орнаменты, система письма.

Пиктография (от лат. *pictus* – писанный красками и греч. *graphein* – пишу) – система письма, средством которого являются рисунки, т.е. передача образов, впечатлений, событий, мыслей с помощью рисунка. Пиктограммы представляют собой сложный рисунок или же серию рисунков (а не иллюстрирующие), какое-либо целое сообщение, графически не расчлененное на отдельные слова. Таким образом они воспроизводят только содержание сообщений и не отражают языковых форм [1, с. 38].

В своей работе известный грамматолог В.А. Истрин указывает несколько функций пиктографии: магическую (например, с целью обеспечить успех в охоте), мнемоническую (напоминательную), мемориальную (например, надгробные надписи), коммуникативную (пиктографические сообщения о событиях охоты и др.) [1, с. 63-66].

Элементы пиктографического письма встречаются в художественных произведениях. В своей книге А.М. Кондратов приводит такой пример: «Даниэль Дефо в «Робинзоне Крузо» описал встречу героя романа с Пятницей. Робинзон сначала попробовал объясниться с дикарем с помощью слов, затем жестов. Однако лишь «язык рисунков», начертанных на песке, помог найти общий язык. К такому «языку рисунков» не раз и не два прибегали путешественники и купцы, не знавшие языка страны, в которой находились... Словом, практика пиктографии солидна» [2, с. 216].

У английского писателя Р. Киплинга есть сказка «Как было написано первое письмо». В ней рассказывается, как маленькая девочка Таффи нарисовала на березовой коре письмо-рисунок матери с просьбой принести отцу новый багор для ловли рыбы. Но, к сожалению, ее послание было «прочитано» совершенно по-другому. Когда все выяснилось, главный вождь говорит следующее: «О, шалунья, ты напала на великое изобретение. ... Это великое изобретение впоследствии люди назовут письмом. Пока это лишь рисунки, а, как мы сегодня видели, рисунки не всегда понятны. Но настанет время, когда мы узнаем буквы и сможем читать и писать» [3, с. 18]. В данном случае показан основной недостаток пиктографического письма – смысл, заложенный в основу рисунка, может быть понят совершенно по-другому, ведь даже самая простая картинка допускает множество толкований, прочтений.

Представляющие интерес науке примеры пиктографического письма сохранились в виде изображений на камне, дереве, глине. Пиктограммы, высеченные или нарисованные на скалах, имеют особое наименование – «петроглифы». Профессор К.М. Мусаев отмечает, что территория бывшего Советского Союза располагает богатой коллекцией древних писаниц – наскальных рисунков, возраст которых исчисляется тысячелетиями. Самые древние рисунки имеют возраст двадцать, а то и тридцать тысяч лет. Почти все эти изображения представляют реальные предметы; символы и эмблемы встречаются очень редко. Они вполне могли служить основой для возникновения письменности в современном ее понимании [4, с. 15].

До сих пор этнографы не обнаружили племени, которое не пользовалось бы «языком рисунков» или, как его еще называют, пиктографией [5, с. 16]. Манера изображения (людей, зве-

рей и т. п.) почти одинакова у всех народов.

Петроглифы неолитического времени часто непосредственно соседствуют с граффити и надписями. Исследователи руники в Горном Алтае отмечают, что основной корпус древнетюркских надписей определяет сравнительно небольшие надписи среди наскальных изображений [6, с. 22-23]. Авторами «Каталога древнетюркских памятников Горного Алтая» описывается граффити и надписи Туекта II и III следующим образом: «Особенно красивую композицию из рисунков и надписей мы находим на скальном экране в окрестностях села Туекта... Тончайшими, еле видимыми резными линиями запечатлены образы стреляющего из лука всадника, пешего лучника, бегущих с высунутыми языками собак, пронзенной стрелой косули. Тонкость линий рисунков позволила древнему художнику передать детали одежды, снаряжения охотника. Возможно, что глагол уй- «скакать рысцой», который прочитывается в надписи Туекта III, комментирует содержание рисунка».

В качестве примеров пиктографического письма мы рассматриваем рисунки, которые найдены на стенах пещер Шульган-Таш (Капово) (в Бурзянском районе РБ в верховьях р. Белой) и Сыймалы-Таш (Игнатьевская) (на берегу реки Сим, притока реки Белой, близ села Серпиевка Челябинской области РФ). В системе тюркского письма шульганташские петроглифы исследованы турецким ученым К. Миршан [7, с. 25], башкирским лингвистом Б.Т. Ганиевым [8, с. 105].

Формирование уникального очага культуры мирового значения, представленного наскальной живописью этих пещер, происходило около 14-12 тыс. лет назад [9, с. 42]. Здесь найдены различные рисунки, сделанные красной охрой. К настоящему времени в пещере Шульган-Таш выявлено более 50 разнотипных красочных изображений. Среди них – рисунки зверей, особенно часто мамонта, различные условные знаки и расплывшиеся красные пятна. Рисунки размещаются как на среднем, так и на верхнем ярусах пещеры на расстоянии от 170 до 300 м от входа. Главные рисунки сделаны на двух стенах верхнего этажа – зале Рисунков и Купольном зале, где имеются изображения семи мамонтов, двух лошадей, носорога. Размеры фигур – от 44 до 112 см. Все животные переданы в реалистичной манере и в движении идут влево. Обращает внимание наложение одного рисунка на другой. Так, в зале Рисунков рядом с фигурой мамонта имеются едва заметные контуры изображения человека. Учитывая это, ученые пришли к заключению о том, что рисунки на стенах пещеры Шульган-Таш были сделаны в разное время. Новейшие исследования показали, что рисунки выполнены в XII-X тысячелетиях до нашей эры. При исследовании культурных отложений около рисунков обнаружены обломки каменного сосуда и глиняного сосуда, где хранилась краска. Химический анализ позволил установить, что в составе краски (охры) имелся животный клей [10, с. 12-13].

Красочные изображения зверей пещеры Шульган-Таш в целом отличаются реалистичным характером, хотя и не лишены примитивизма и схематизма. Животные показаны достаточно живо, в движении, видимо, такими, какими их видел первобытный художник. Хорошо узнаются, в частности, мамонты –

наиболее популярные звери среди анималистических рисунков этой пещеры. С большой выразительностью переданы лошади. Можно распознать в изображениях носорога и, по-видимому, бизона. Однако есть рисунки и непонятных зверей.

Важнейшим и численно преобладающим компонентом живописи пещеры Шульган-Таш являются условные знаки чисто геометрического облика. Раньше их связывали со схематическими изображениями разного рода изделий или жилых сооружений палеолитических людей. Надо отметить, что условные знаки пещеры Шульган-Таш своеобразны и не имеют прямых аналогий среди геометрических форм изображений в палеолитической настенной живописи Западной Европы.

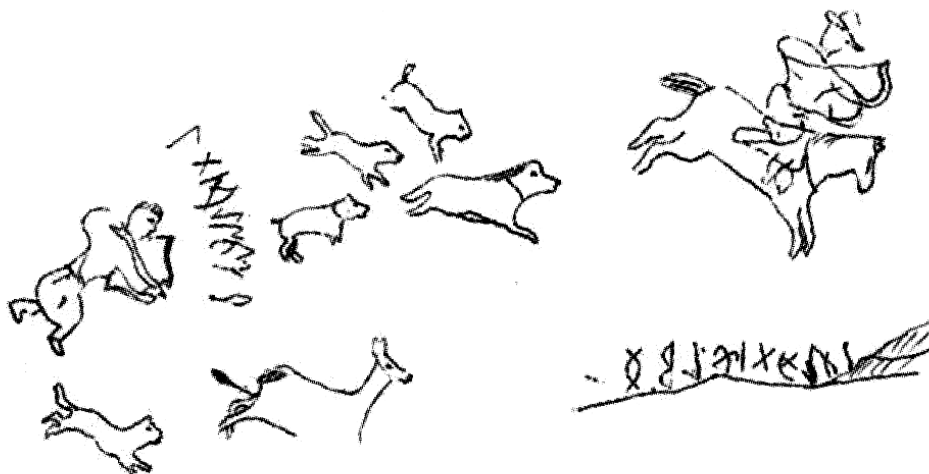

Рис. 1. Иллюстрация из книги «Каталог древнетюркских памятников Горного Алтая». Граффити и надписи Туекта II и III

Смысловая нагрузка этих знаков трактуется учеными по-разному: кто-то связывает их со схематическими изображениями разного рода изделий или жилых сооружений палеолитических людей, кто-то воспринимает их как знаки пола. Большинство этнографов видит в них аналоги тамг более позднего времени.

Следы настенной живописи, аналогичные шульганташской, обнаружены в пещере Сыймалы-Таш. Там тоже имеются изображения мамонта, лошади, человека, нарисованные охрой и углем. Возраст рисунков определен в пределах XIII тысячелетия до н.э. [11, с. 43].

С какой целью первобытные мастера покрывали стены своих темных пещер рисунками? Одни исследователи предполагают, что рисунки передавали «ощущения художника», его радость по поводу удачной охоты. Другие исследователи полагают, что изображения служили своего рода «магическими знаками», рисунками-заклинаниями, с помощью которых можно одолеть могучих, бизонов и мамонтов, стремительных козлов и кабанов [12, с. 15]. Вполне возможно, что первобытный охотник, возвратившись с охоты, стремился рисунком закрепить образ поразившего его зверя: изображения животных выполнены с поразительным знанием их анатомии и повадок.

В своих работах по грамматологии В.А. Истрин пиктограммы рассматривает в системе фразографии. По его мнению, наряду с пиктограммами, другой разновидностью фразографии являются древнейшие условные знаки. К таким знакам относятся родовые и племенные знаки, в том числе тотемные, знаки собственности, различные магические знаки (например, знаки табу) и др. В качестве примера рассмотрим тамги башкирских родов.

Изучению башкирских родовых тамг посвящены работы Д.Н. Соколова, Р.Г. Кузеева. Краевед, геолог и натуралист Д.Н. Соколов в работе «Опыт разбора одной башкирской летописи» выступил со статьей «О башкирских тамгах», занявшую весь 13-й выпуск «Трудов» Оренбургской ученой архивной комиссии (Оренбург, 1904). Он одним из первых оценил значение в изучении прошлого башкирского народа родового знака тамги. В статье сделана попытка вывести происхождение орхон-енисейских рун из тюркских тамг. Всего исследователем было собрано и обработано 3500 башкирских тамг.

В своих работах академик Р.Г. Кузеев пишет, что из поколения в поколение башкиры передавали сведения о границах родовой территории при помощи родовых тамг. Известно, что раньше было принято на бревнах предварительно вырезать свою тамгу и закапывать в землю на границах своих владений. И если возникали земельные споры, каждая сторона доказывала свою правоту, выкопав спрятанные под землей межевые знаки [13, с. 74].

Общеродовая тамга являлась выражением единства рода. Видимо поэтому в XVIII в. часть родов и некоторые племена (Усерган, Тангаур) имели общую тамгу. Как отмечает академик Р.Г. Кузеев, в XVIII в. тамги у башкир в большинстве случаев были семейными. Так, башкиры-бурзянцы имели следующие тамги (дер. Старо-Субханкулово):

из ара Аргынбай	
тамги башкир из ара Апсалим	
тамги башкир из ара Куян	

Несмотря на некоторые различия семейных тамг, все они исходят от одной основной тамги, дополняя или варьируя ее. Эту закономерность в свое время заметил и Д.Н. Соколов [14, с. 24-34]. В своей работе академик Р.Г. Кузеев приводит в качестве примера тамги племени усерган [15, с. 127].

Тамга племени усерган	
Тамга рода бишей племени усерган	
Тамга родового подразделения ибанай рода бишей	
Тамга семей, входящих в родовое подразделение ибанай	

Одним из источников древнейших условных знаков, в том числе знаков первоначального письма, был также орнамент.

Орнамент, в первую очередь как разновидность украшения, широко использовался башкирами.

Так, интересная информация представлена в книге С. Нуриджановой (Хордикийнен) «Читайте полотенца!». Автор призывает учиться читать полотенца. «Как всякий язык, тем более художественный язык узорного тканья башкирских, татарских полотенцев – тастамалов, он требует знаний: понимания расположения составляющих его частей, наименования их, то есть, прежде всего, обращает на себя внимание композиция узора, соотношение величин различных геометрических фигур». С. Нуриджанова убеждена, что каждый орнамент представляет собой сообщение, информацию, и чтобы правильно «прочитать» его необходимо знать этот язык. «Я вчитывалась в описание техники, материалов, узора, колорита и сверяла с собственными впечатлениями от своих полотенцев. Я училась их «читать»... А потом я «прочитывала» их ученикам, слушателям, и всегда такое «прочтение» завершалось невероятным изумлением, открытием красоты, ведущим к постижению духа национальной культуры» [16, с. 6, 10]. При описании полотенца, автор башкирские и татарские изделия называет «тастамалами», признавая за ними особую культурологическую, можно сказать, знаковую роль в укладе, в обрядовых традициях народной жизни. Здесь же мы находим и элементы предметного письма: невеста, переступая порог дома жениха, должна была повесить свое полотенце в новом доме; полотенце последней вышедшей замуж перед Сабантуем молодой невесты развешивается в праздник на высоком шесте и достанется победителю, добравшему до него по шесту; лучшее полотенце приносили мулле в мечеть с надеждой на силу его молитв; в память об усопшей дарили на кладбище ее полотенца близким и друзьям.

Несколько примеров «прочтения» тастамалов С. Нуриджаной: «... в центре – двойной разомкнутый ромб (блестящие белые нитки, точно шелк) и странные «цитаты» из разомкнутых ромбов, зигзагов, какая-то одна его сторона, на конце которой геометрическая композиция больше всего похожа на стилизованный цветок. В зеркальных полосах геометрические фигуры вызывают в памяти изображения бабочек. Великолепное торжественное песнопение о силе народного духа, о силе традиций»; «...поразительной силы, масштаба композиция из тонких двойных шестигранников (усеченных сверху и снизу ромбов). Особенно выразительно серединное поле: два окна! Распахнуто, уверенно смотрящие в мир. Широкие, цвета льна, полосы держат всю композицию»; «...ритм центральной полосы понятен: веселые маленькие розовые ромбы со сказочными гребнями-отростками, или это такие X-фигуры с пузиками? И три аккуратных уже настоящих ромба с серединкой, тканной металлической нитью. «Прочитать» следующие две полосы, зеркальные, не могу: такой необычный, вызывающий ассоциации чуть ли не с модерном, геометрический узор».

Таким образом, пиктографическое письмо широко представлено среди башкирского народа. Пережитком этого вида письма в быту являются сохранившиеся вывески торговых и ремесленных заведений в форме рисунков: очки – «оптика», сапоги – «ремонт обуви», часы – «ремонт часов», ложка и вилка – «столовая». Дорожные знаки тоже имеют пиктографический характер. Интересное описание общения при помощи

пиктограмм находим в работе Е.Н. Панова «Знаки, символы, языки»: «Вы выходите на улицу и видите перед собой синий круг с нарисованной внутри него фигуркой спешащего человека. Этот знак сулит вам безмятежную прогулку по пешеходной дорожке. Неожиданно вспыхивающий впереди красный сигнал светофора заставляет вас вернуться к действительности. «Начинаю поворачивать налево!» – сообщает ритмичное мигание подфарника подъезжающего к перекрестку троллейбуса. «Перестраиваюсь в правый ряд» – сигналит своим случайным попутчиком человек, сидящий за рулем громящего грузовика. «Собираюсь остановиться» – отвечают ему красные стопсигналы идущего впереди комфортабельного рейсового автобуса. День и ночь не прекращается этот

немой разговор, настойчиво ограничивающий многообразие человеческих желаний и планов жесткими рамками стереотипных дорожных ситуаций» [17, с. 66].

В своей работе Е.Н. Панов показывает некоторое преимущество пиктографического письма. Действительно, регулирование уличного движения при помощи огней и знаков, а не посредством, например, надписей или плакатов, правильнее и эффективнее. Броский, лаконичный, хорошо видный издали рисунок играет роль команды, требующей однозначного понимания и мгновенного выполнения. Именно поэтому, считает Е.Н. Панов, устные команды постепенно вытесняются простыми зрительными сигналами всюду, где наша деятельность регламентируется немногими стандартными правилами, отклонение от которых должно быть пресечено незамедлительно.

Так, и спортсменам, и зрителям, присутствующим на футбольном матче, одинаково хорошо понятен решительный жест судьи, поднимающего над головой небольшую карточку ярко-желтого цвета. В словесной форме этот сигнал мог бы быть интерпретирован следующим образом: «Игрок № 9 команды «Зе-

нит», я предупреждаю вас за грубую игру, вызвавшую травму у игрока № 5 команды «Динамо». При повторении подобной ошибки вы будете удалены с поля». Нужно ли выкрикивать столь длинную тираду, которую все равно мало кто услышит на огромном стадионе, если достаточно короткого жеста, чтобы и игрокам, и зрителям стал вполне ясен смысл происходящего?

И дорожные знаки, и сигналы светофоров, фар и подфарников, ставшая традиционной жестикуляция спортивных судей – все это, несомненно, средства общения, средства коммуникации. Однако таковыми они становятся лишь в силу того, что каждый сигнал, каждый жест может быть легко переведен в словесную форму, или, иначе, в форму дискретных знаков, отвечающих дискретным понятиям нашего естественного языка [17, с. 66-67].

Таким образом, пиктография, хотя и не образовывала «систему письма», продолжает свое существование в процессе общения. По мнению В.А. Истрина, она служила основой, на которой развивались логографические системы письма.

Библиографический список

1. Истрин, В.А. Возникновение и развитие письма. – М., 1965.
2. Кондратов, А.М. Книга о букве. – М., 1975.
3. Киплинг, Р. Сказки. – М., 2002.
4. Мусаев, К.М. Языки и письменности народов Евразии (региона бывшего СССР). – Алматы, 1993.
5. Павленко, Н.А. История письма: учеб. пособие для филологических факультетов вузов. – Минск, 1987.
6. Тыбыкова, Л.Н. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая / Л.Н. Тыбыкова, И.А. Невская, М. Эрдал. – Горно-Алтайск, 2012.
7. Mircan, K. Alfabetik Yazı Baçlangıcı. – Bodrum, 1994.
8. Ганеев, Б.Т. Язык. – Уфа, 2001.
9. Республика Башкортостан: историко-культурный энциклопедический атлас / гл. ред. А.И. Акманов. – М.; Уфа, 2007.
10. Мажитов, Н.А. История Башкортостан. Древность. Средневековье / Н.А. Мажитов, А.Н. Султанова. – Уфа, 2009.
11. Республика Башкортостан: историко-культурный энциклопедический атлас / гл. ред. А.И. Акманов. – М.; Уфа, 2007.
12. Кондратов, А.М. Книга о букве. – М., 1975.
13. Кузеев, Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Родо-племенные организации башкир в XVII-XVIII вв. – Уфа, 1957. – Ч. 1.
14. Соколов, Д.Н. О башкирских тамгах (с приложением башкирских тамг) // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – Оренбург, 1904. – Т. XIII.
15. Кузеев, Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. – Уфа, 2012.
16. Нуриджанова, С.А. Читайте полотно! – Уфа, 2011.
17. Панов, Е.Н. Знаки, символы, языки. – М., 1983.

Bibliography

1. Istrin, V.A. Vozniknovenie i razvitie pisjma. – M., 1965.
2. Kondratov, A.M. Kniga o bukve. – M., 1975.
3. Kipling, R. Skazki. – M., 2002.
4. Musaev, K.M. Yazihki i pisjmennosti narodov Evrazii (regiona bihvshego SSSR). – Almatih, 1993.
5. Pavlenko, N.A. Istoriya pisjma: ucheb. posobie dlya filologicheskikh fakul'tetov vuzov. – Minsk, 1987.
6. Tihbikhova, L.N. Katalog drevnetyurkskikh runicheskikh pamyatnikov Gornogo Altaya / L.N. Tihbikhova, I.A. Nevskaya, M. Ehrdal. – Gorno-Altajsk, 2012.
7. Mirsan, K. Alfabetik Yazı Baslangıcı. – Bodrum, 1994.
8. Ganeev, B.T. Yazihk. – Ufa, 2001.
9. Respublika Bashkortostan: istoriko-kul'turnihy ehnciklopedicheskiy atlas / gl. red. A.I. Akmanov. – M.; Ufa, 2007.
10. Mazhitov, N.A. Istoriya Bashkortostan. Drevnostj. Srednevekovje / N.A. Mazhitov, A.N. Sultanova. – Ufa, 2009.
11. Respublika Bashkortostan: istoriko-kul'turnihy ehnciklopedicheskiy atlas / gl. red. A.I. Akmanov. – M.; Ufa, 2007.
12. Kondratov, A.M. Kniga o bukve. – M., 1975.
13. Kuzeev, R.G. Ocherki istoricheskoy ehtnografii bashkir. Rodo-plemenniye organizacii bashkir v XVII-XVIII vv. – Ufa, 1957. – Ch. 1.
14. Sokolov, D.N. O bashkirskikh tamgakh (s prilozheniem bashkirskikh tamg) // Trudih Orenburgskoj uchenoy arkhivnoy komissii. – Orenburg, 1904. – T. XIII.
15. Kuzeev, R.G. Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda. Ehtnicheskiy sostav, istoriya rasseleniya. – Ufa, 2012.
16. Nuridzhanova, S.A. Chitayite polotenca! – Ufa, 2011.
17. Panov, E.N. Znaki, simvolih, yazihki. – M., 1983.

Статья поступила в редакцию 29.04.13

УДК 811.512

Abutalipova R.A. INTERNAL DETERMINATION OF DURATION OF ACTION IN TURKIC LANGUAGES. In this article internal determination of duration of action in Turkic languages is described. When the verbal lexemes expressing this or that action, simultaneously and out of the context contain the indication on duration of the action designated in its basis, in aspectology it is accepted to speak about internal determination of aspectual meaning.

Key words: duration of action, internal determination, a verbal lexeme, out of the context.

Р.А. Абуталипова, д-р филол. наук, проф. каф. башкирского языка Стерлитамакского филиала Башкирского гос. университета, г. Стерлитамак, E-mail: rabutalipova@mail.ru

ВНУТРЕННЯЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ДЛИТЕЛЬНОСТИ ДЕЙСТВИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

В данной статье описывается внутренняя детерминация длительности действия в тюркских языках. Когда глагольные лексемы, выражающие то или иное действие, одновременно и вне контекста содержат указание на длительность обозначенного в его основе действия, в аспектологии принято говорить о внутренней детерминации аспектуального значения.

Ключевые слова: длительность действия, внутренняя детерминация, глагольная лексема, вне контекста.

Значение длительности действия представляет собой одну из сторон отражаемого в языке широкого понятия времени, которое находит соответствие в целом комплексе языковых семантических категорий и основанных на них функционально-семантических полей [1, с. 98].

В отечественном языкознании термин «длительность действия» долгое время использовался для обозначения одного из значений несовершенного вида глагола. «Значение категории совершенного вида сводится к непротяженности, недлительности того процесса, который обозначен в корне глаголов, причем эту непротяженность приходится понимать не как отрицательный признак, а как положительный, потому что несовершенный вид является только отрицанием этого «отрицательного признака», – указывал А.М. Пешковский [2, с. 125]. «Смысловое содержание категории видов, – пишет И.П. Мучник, – зиждется на двух соотносительных грамматических значениях: 1) результативность действия (и сопутствующее ему негативное значение недлительности) и 2) длительность действия (и сопутствующее ему негативное значение нерезультативности)» [3, с. 109].

Результаты изучения лингвистических изысканий по тюркским языкам свидетельствуют о том, что в тюркологии специальные комплексные исследования, посвященные всестороннему изучению категории длительности, не проводились. В то же время следует отметить, что еще в 1944 г. в работе «Категория глагольного вида в башкирском языке» А.И. Харисов выделил особый «длительный вид», который выражает «действие или состояние в отношении к его продолжению, т.е. показывает ход развития действия по восходящей линии между двумя полярными точками *начала* и *конца*». <...> Длительный вид, не раздробляя действие во времени, сохраняет полноту непрерывности в его развитии» [4, с. 29]. Как видим, автор по сложившейся в то время в языкознании традиции значение длительности действия рассматривает в рамках категории вида глагола и называет его «длительным видом». А.И. Харисов указывает, что в башкирском языке данный вид выражается посредством глаголов *бир-, бар-, йөрө-, кил-, тор-, ят-, ултыр-, төш-* в роли модификатора, каждый из которых может придавать значению основного глагола своеобразный оттенок «продолжения действия». (Другие способы выражения значения длительности действия им не выделяются.) Тем самым под термином «длительный вид» объединены два аспектуальных значения – значение продолжения действия, которое в настоящее время относится к одному из фазовых значений, и значение длительности действия.

Известный тюрколог А.А. Юлдашев «глаголы длительного действия, образованные преимущественно путем сочетания основного глагола в форме деепричастия на -п с определенным спрягаемым глаголом, сообщающим действию первого глагола оттенок непрерывной длительности», исследует в рамках словообразования глагола как одно из «лексических значений видовых форм» [5, с. 78].

В настоящее время длительность действия рассматривается в рамках функционально-семантической категории аспектуальности. Наиболее развернутую характеристику этой категории дает А.В. Бондарко: «Длительность – одна из более частных языковых категорий, относящихся к сфере аспектуальности (при пересечениях и взаимодействии со всеми указанными семантическими категориями, связанными с идеей времени)» [1, с. 98]. Указывается, в частности, на тесное взаимодействие длительности как в рамках «частных» функционально-семантических полей аспектуальности (например, с кратностью, количественностью), так и на уровне полей темпоральности, таксиса, временной локализованности.

Значение длительности действия реализуется в виде двух противопоставленных семантических категорий – долговременная длительность: кратковременная длительность (краткость, мгновенность, недлительность).

В аспектологии разграничиваются внутренняя и внешняя типы длительности. Длительность считается внутренней в том случае, когда она обусловлена лексической, словообразовательной и грамматической семантикой глагола. При внешней длительности значение протяженности во времени модифицируется контекстуальными средствами.

Предметом исследования данной статьи является внутренняя детерминация длительности действия в тюркских языках, обусловленная лексической семантикой глагольной лексемы.

Анализ языкового материала показывает, что в тюркских языках, как и в языках других групп, имеются глагольные лексе-

мы, выражающие то или иное действие, одновременно и вне контекста содержащие указание на длительность обозначенного в его основе действия. Рассмотрим некоторые из них.

Корневой (непроизводный) глагол *тарт-* 'тянуть, тащить, волочить *что*' выражает действия, процессы, протекающие в течение определенного промежутка времени. Во многих тюркских языках он пишется и произносится идентично, что свидетельствует об общей этимологии данного слова. Так, в башкирском, татарском, казахском, якутском, киргизском, хакасском, карачаево-балкарском, крымскотатарском, на среднеазиатской разновидности уйгурского он имеет форму *тарт-*, в туркменском языке слово произносится так же, но на письме используется латинский шрифт – *tart-*, на восточно-туркестанской разновидности уйгурского языка используется арабский шрифт: تارتماق [тартмак]. В чувашском языке глагол имеет форму *турт-*, в узбекском – *tort-*.

В настоящее время в тюркских языках данное слово имеет несколько значений, первое из которых во всех вышеперечисленных языках совпадает. В «Башкирско-русском словаре» зафиксировано 14 значений глагола *тарт-*, первое из них на русский язык переводится как 'тянуть, тащить, волочить *что*': *арба тартыу* 'тянуть телегу', *ерзэн тартыу* 'волочить по земле'» [6, с. 591]. В татарско-русском словаре указывается следующее первое значение данного глагола *тарту* – 1) тянуть / потянуть, притянуть: *резина тарту* 'тянуть резину', *арба тарту* 'тащить телегу' [7, с. 321]. В уйгурско-русском словаре первые три значения слова تارتماق [тартмак] переводятся: 1) 'тянуть, тащить; волочить'; [тартмак чикармак] 'вытаскивать, вытягивать'; [тартмак киргузмак] 'втаскивать, втягивать'; 2) 'возить; тянуть, тащить'; 3) 'подтягивать, притягивать, натягивать; растягивать' [8, с. 271]. В карачаево-балкарском словаре первое значение слова *тартаргъа* обозначает 'тянуть *тж. перен.*, тащить, натягивать *что*': <...> *атны адеж (или башындан) тартаргъа* 'вести коня на поводу'; *печь иги тартады* 'печь тянет хорошо', *арт а тартаргъа* а) отставать, тянуть назад, б) быть в нерешительности' [9, с. 606]. В хакасском языке глагол *тарт-* [тартарга] также имеет несколько значений, первое из которых значит 'тянуть, тащить *кого-что-л.*; натягивать': *ат ахсын тарт-* 'направлять лошадь, натягивая поводья'; *сыгара тарт-* 'вытаскивать, вытягивать' [10, с. 219]. В «Киргизско-русском словаре» указано 19 значений глагола *тарт-*, первое из которых переводится на русский язык как: 1. 'тянуть, тащить; возить'. Следующий фактический материал, приведенный авторами в качестве иллюстрации, выражает длительность действия, процесса: *жил тарт-* 'тянуть верёвку', *жаа тарт-* 'натягивать тетиву'; *орок тарт-* 'жать серпом'; *чалгы тарт-* 'косить косой'; *жук тарт-* 'возить груз' и т.д. [11, с. 219].

Аналогично переводится на русский язык глагол *тарт-* в казахском (тянуть; тащить: *делбені тарту* 'тянуть за вожжи', *арқанмен тарту* 'тащить арканом'), якутском (тянуть, тащить: *сыарһы тарт-* 'тянуть сани'), алтайском ('*кого-что* тащить, волочить': *шүүнди тартар* 'тянуть сеть; телефонный эмигин тартар' 'тянуть телефонный провод'); чувашском ('тянуть, потянуть': *вэл мана ҫанăран туртрĕ* 'он потянул меня за рукав') языках.

Такая картина наблюдается при сравнительном анализе и других глаголов.

Глагол *плыть, плавать* в русском языке имеет несколько значений: 1. Передвигаться по поверхности воды или в воде. 2. Ехать на судне или на плавучем средстве. 3. Плавню двигаться или плавно распространяться. 4. Передвигаться в состоянии невесомости. 5. Представляться взору движущимся, кружащимся [12, с. 525]. Как видим, во всех значениях глагола содержится указание на действия, имеющие определенную протяженность во времени. Передают те же значения башкирский глагол *йөзөү*, татарский – *йөзөргә*, казахский – *жузу*, карачаево-балкарский – *джюзереге*, узбекский – *yuzmoq*, туркменский – *yüzmek*, турецкий – *yüzmek*, алтайский – *jüzer*, азербайджанский – *üzmək*, уйгурский – *üzmək*. Очевидно, что во всех перечисленных языках глагол имеет единый генетический корень, в процессе исторического развития языков в котором произошло чередование звуков: начального согласного – *й/ж/у/ü*, гласного – *ө/ү/у/ü* и конечного согласного – *з/з(z)*.

Глаголы *течь, литься* используются в речи для передачи действий предметов и явлений (например, реки, времени, со-

стояния и т.д.), которые носят длительный, протяженный во времени характер. В тюркских языках глагол передает те же значения и переводится: на башкирский язык – *ағыу*, на татарский – *ағарға*, на казахский – *ағу*, на алтайский – *ағар*, на уйгурский – *ақмақ*, на карачаево-балкарский – *ағъаргъа*, на узбекский – *оқмоқ*, на туркменский и турецкий – *акмак*, на азербайджанский – *ахмаг*, на крымскотатарский – *ақтаг*; на чувашский – *юхма*, на якутский – *хамнаа*. Здесь чередуются гласные – а/о/ю и согласные *ғ/қ* (*к, q*) /*х*. В данном случае также можно речь вести об этимологической общности глагольной лексемы.

Глаголы, обозначающие нахождение предметов и лиц, не передвигаясь, определенное время в указанном в глагольной основе состоянии, например, в сидячем, стоячем, лежащем, в тюркских языках имеют общее происхождение.

Глагол *сидеть* – находиться в сидячем положении, с русского на башкирский язык переводится как *ултырыу*, на татарский – *утырырга*, на казахский – *отыру*, на уйгурский – *олтармақ*, на карачаево-балкарский – *олтурургъа*, на алтайский – *отурар*, на узбекский – *o'tirmoq*, на туркменский и турецкий – *oturmak*, на гагаузский – *oturmaa*, на азербайджанский и крымскотатарский – *oturmag*.

Длительное вертикальное состояние предметов и лиц передает глагол *стоять*. На башкирском языке это же значение имеет глагол *тороу*, на татарском – *торырга*, на уйгурском – *турмақ*, на алтайском – *турар*, на карачаево-балкарском – *турургъа*, на казахском – *тыру*, на узбекском – *turmoq*, на туркменском и турецком – *durmak*, на азербайджанском – *durmag*, на крымскотатарском – *durmak*, на гагаузском – *durmaa*, на чувашском – *тăма*, на якутском – *түр*.

Значение длительного горизонтального положения предметов и лиц в тюркских языках передается посредством глагола: *ятыу* (башк.), *ятарға* (татар.), *ятмақ* (уйгур.), *жаму* (казах.), *джатаргъа* (карачаево-балкар.), *yotmoq* (узбек.), *zatmak* (туркмен.), *yatmak* (турецк.), *uzanmag* (азербайджан.), *јадар* (алтайск.), *yatmag* (крымскотатар.). В данных словах чередуются гласные – а/о и согласные *й/ж/дж/ю/ы*; *т/д*.

Значение длительности действия могут содержать и производные глаголы. Так, на башкирском языке производный глагол

уйнау 'играть' – развлекаться, забавляться, на татарском языке имеет форму – *уйнарға*, на казахском – *ойнау*, на уйгурском – *ойнамақ*, на алтайском – *ойноор*, на узбекском – *o'ynamoq*, на туркменском – *оунатак*, на турецком – *оунатак*, на гагаузском – *оупатаа*, на азербайджанском и крымскотатарском – *оунатаг*, на карачаево-балкарском – *ойнаргъа*, на якутском – *оонньоо*. Данный глагол образован от существительного 'игра' *уйын* (башк.), *уен* (татар.), *ойын* (алтай., казах.), *оюн* (карачаево-балкар.), *оун* (гагауз.), *оуип* (туркмен.), *ооньюу* (якут.), *уйин* (узбек.), имеющего общетюркский корень, посредством аффикса *а-/и-*. При аффиксации конечный ударный гласный звук производящего корня выпадает.

Значение русского глагола *петь* – 'исполнение вокального произведения, как правило, в течение определенного времени', в башкирском языке содержит глагол *йырлау*, на татарском – *жырларға*, на казахском – *жырлау*, на карачаево-балкарском – *джырларгъа*, на крымскотатарском – *yrlamag*; на чувашском – *юрлама*, на якутском – *ыллаа*. Здесь во всех указанных языках глаголы образованы от существительного *йыр* (башк.) 'песня' посредством аффикса *ла-*. В процессе исторического развития языков произошло чередование начального согласного звука – *й/ж/ж/дж/ю/ы*.

Таким образом, сравнительный анализ группы глагольных лексем со значением длительности обозначенного в их основе действия в тюркских языках, имеющих единые генетические корни, свидетельствует о том, что они несут двойную функциональную нагрузку: во-первых, выражают то или иное конкретное действие, во-вторых, содержат указание на длительность данного действия. Тем самым аспектуальное значение длительности актуализируется вне контекста без каких-либо дополнительных вербальных модификаторов. В таких случаях речь следует вести о внутренней детерминации длительности действия, обусловленная лексической семантикой глагольной лексемы. Их относят к лексическим средствам аспектологической деривации.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ РБ «Урал: история, экономика, культура» в рамках научно-исследовательского проекта № 12-14-02001а «Аспектологическая деривация в тюркских языках».

Библиографический список

1. Бондарко, А.В. Длительность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А.В. Бондарко. – М., 2003.
2. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / вступит. ст. С.И. Бернштейна. – М., 1938.
3. Мучник, И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском языке. – М., 1971.
4. Харисов, А.И. Категория глагольного вида в башкирском языке. – Уфа, 1944.
5. Юлдашев, А.А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. – М., 1958.
6. Башкирско-русский словарь / 32000 слов / Росс. АН РБ, Уфимский научный центр; под ред. З.Г. Ураксина. – М., 1996.
7. Татарско-русский словарь: в 2 т. – Казань, 2007. – Т. 2 (М–Я).
8. Наджип, Э.Н. Уйгурско-русский словарь. Около 33 000 слов. / под ред. Т.Р. Рахимова. – М., 1968.
9. Карачаево-балкарско-русский словарь: около 30 000 слов / Карачаево-Черкесский н.-и. ин-т ист, филол. и экономики: С.А. Гочияева, Х.И. Суюнчев; под ред. Э.Р. Тенишева и Х.С. Суюнчева. – М., 1989.
10. Хакасско-русский словарь / сост. Н.А. Баскаков, А.И. Инкижекова-Греку. – М., 1953.
11. Киргизско-русский словарь. В двух кн. Около 40 000 слов / сост. К.К. Юдахин. – М., 1985.
12. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1999.

Bibliography

1. Bondarko, A.V. Dlitel'nost' // Teoriya funkcional'noy grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis / отв. red. A.V. Bondarko. – M., 2003.
2. Peshkovskiy, A.M. Russkiy sintaksis v nauchnom osvethenii / vstupil. st. S.I. Bernshteyna. – M., 1938.
3. Muchnik, I.P. Grammaticheskie kategorii glagola i imeni v sovremennom russkom yazihke. – M., 1971.
4. Kharisov, A.I. Kategoriya glagol'nogo vida v bashkirskom yazihke. – Ufa, 1944.
5. Yuldashev, A.A. Sistema slovoobrazovaniya i spryazheniya glagola v bashkirskom yazihke. – M., 1958.
6. Bashkirsko-russkiy slovar' / 32000 slov / Ross. AN RB, Ufimskiy nauchniy centr; pod red. Z.G. Uraksina. – M., 1996.
7. Tatarsko-russkiy slovar': v 2 t. – Kazanj, 2007. – T. 2 (M–Ya).
8. Nadzhip, E.N. Uygursko-russkiy slovar'. Okolo 33 000 slov. / pod red. T.R. Rakhimova. – M., 1968.
9. Karachaevo-balkarsko-russkiy slovar': okolo 30 000 slov / Karachaevo-Cherkesskiy n.-i. in-t ist, filol. i ehkonomiki: S.A. Gochiyaeva, Kh.I. Suyunchev; pod red. Eh.R. Tenisheva i Kh.S. Suyuncheva. – M., 1989.
10. Khakassko-russkiy slovar' / sost. N.A. Baskakov, A.I. Inkizheкова-Greku. – M., 1953.
11. Kirgizsko-russkiy slovar'. V dvukh kn. Okolo 40 000 slov / sost. K.K. Yudakhin. – M., 1985.
12. Ozhegov, S.I. Tolkoviy slovar' russkogo yazihka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vihrasheniy / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. – M., 1999.

Статья поступила в редакцию 13.05.13

УДК 821.161.1

Arguyanov F.X., Thajcuhoa A.M. FROM FOLK POETRY TO AUTHOR'S INDIVIDUALITY (BASED ON THE POEM BY T. TABULOVA «OLD SAGE»). The article «From folk poetry to author's individuality» (on the material of the poetess T. Tabulova «old man-Sage») is dedicated to one of the actual problems of literary criticism – the problem of *zanroobrazovaniya* in the literature of Abkhazian-adyg peoples.

Key words: author's individuality, genre system, novopis'mennaya literature, folk poem Poetics.

Ф.К. Аргуюнова, канд. филол. наук, доц., Карачаево-Черкесский гос. университет им. У.Д. Алиева, E-mail: batalova.vika@mail.ru; **А.М. Тхайцухова**, канд. филол. наук, доц., Карачаево-Черкесский гос. университет им. У.Д. Алиева, E-mail: batalova.vika@mail.ru

ОТ ФОЛЬКЛОРНОЙ ПОЭТИКИ К АВТОРСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ Т. ТАБУЛОВА «СТАРИК-МУДРЕЦ»)

Статья «От фольклорной поэтики к авторской индивидуальности» (на материале поэмы Т. Табулова «Старик-мудрец») посвящена одной из актуальных проблем национального литературоведения – проблеме жанрообразования в литературах абхазско-адыгских народов.

Ключевые слова: авторская индивидуальность, жанровая система, новописьменная литература, поэма, фольклорная поэтика.

Закономерность, прослеживающаяся во всех национальных новописьменных литературах такова что, талантливые художественные произведения, как в поэзии, так и в прозе, создали те авторы, которые лучше других знали (не механически, а творчески) богатейшие художественные богатства, накопленные в устном народном творчестве. Эти авторы всем существом своего таланта и эстетической проницательности осознали, прочувствовали, что действительные художественные произведения могут быть созданы на почве творческого развития национальных художественно-эстетических традиций, обогащенных, без видимого насилия, иноязычным художественным опытом, духом и содержанием эпохи, ее философией, моралью, этикой. Примечательно, что наибольшие эстетические достижения обнаруживаются в поэме, которая сразу же становится одним из ведущих жанров литературы (и остается таковым и сейчас). Это закономерно. Как отмечают исследователи абхазо-адыгских литератур В. Агрба, В. Тугов, К. Шаззо, П. Чекалов, А. Хакуашев и др., в фольклоре этих народов, мощное развитие получили эпические жанры, в том числе и поэтические. Они-то и обеспечили жизненность письменной поэмы.

До начала Великой Отечественной войны в абазинской литературе увидели свет поэмы: Т.З. Табулова «Старик-мудрец» (1940 г.), «Сосруко и Сотраш» (1941 г.), «Сосруко и Сосранпа» (1941 г.), М. Малхозова «Рождение счастья» (1940 г.), в адыгейской – И. Цей «Заячья тризна», А. Хаткова «Кот-Хаджи», М. Паранука «Бей, моя палка», в кабардинской – А. Шогенцукова «Мадина», «Зимняя ночь» и др.

Первой письменной поэмой в абазинской литературе стала поэма «Старик-мудрец» (1940) основоположника абазинской литературы Татлустана Зекерьяевича Табулова. Она дает обильную пищу для серьезных теоретических размышлений и выводов. Поэтому обратимся к творческой истории поэмы и к её образной структуре.

11 октября 1940 года в областной газете «Черкес къапц» («Красная Черкесия»), выходящей на абазинском языке, была напечатана сказка «Как три брата обманули князя», записанная Т.З. Табуловым в ауле Эльбурган Черкесской автономной области (ныне Карачаево-Черкесская Республика). В том же году М. Малхозов и Н. Меремкулов поместили в составленную ими хрестоматию для 4 класса поэму в стихах Т. Табулова «Старик-мудрец». В 1947 году Т. Табулов издал книгу «Абазинские сказки», в которую включил сказку под названием «Как три брата обманули князя». Этот текст был воспроизведен в собрании сочинений Т. Табулова «Свет зари» (1982). Сказка из сборника «Абазинские сказки» была переведена в свое время на русский язык Н.В. Капиевой и включена в составленный ею сборник «Сказки четырех братьев: Сказки народов Карачаево-Черкесии» (Ставрополь, 1964), а затем В.Б. Туговым и обнародована в сборнике «Абазинские народные сказки» (М., 1985).

Поэма «Старик-мудрец» после первой публикации не переиздавалась.

Между публикациями на абазинском языке есть существенные различия. В газетной – лишь один эпизод о том, как три

брата хитростью взяли у князя большой участок земли, в «Старике-мудреце» – рассказ о дележе отцовского наследия (имущества, скота, золота, драгоценного камня). В сборнике «Абазинские сказки» все эпизоды объединены в один сюжет. В газетном и книжном вариантах персонажи – сыновья бедного старика – табунщика, а в «Старике-мудреце» – князя. Еще одно отличие. В прозаических вариантах суд вершат братья, а в стихотворной – старик-мудрец (чабан).

В 1999 г. литературоведы Л.В. Котова и П.К. Чекалов опубликовали содержательную статью «Веселовский, Куприн, Соломон и сказки народов Кавказа», в которой авторы впервые обратили внимание на то, что между абазинской сказкой «Как три брата обманули князя» в части дележа наследства отца и аналогичными сценами суда царя Соломона в повести «Суламыш» А.И. Куприна обнаруживаются поразительные совпадения. Исследуя проблему, Л.В. Котова и П.К. Чекалов установили, что русский писатель основательно знал «Библию», «Историю израильского народа» Ренана, «Драгоценные камни» М.И. Пыляева, «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе» А.И. Веселовского. А.И. Куприн в «Суламыш» (в сценах суда Соломона) широко использовал книгу Веселовского. Сцены суда Соломона перекликаются с подобными же сценами в сказках кавказских народов, в частности, с абазинской «Как три брата обманули князя». Значит ли это, что кавказский фольклор стал одним из источников знаменитой повести А.И. Куприна? Скорее всего, нет. Вероятнее другое: публикации обоих авторов, очевидно, восходят к одному и тому же источнику.

В книге А.И. Веселовского, на которую, повторим, опирался А.И. Куприн, приводятся 12 русских, западных и восточных, в том числе и «мусульманских», легенд о судах иудейского царя Соломона. В своей повести А. Куприн в основном использовал следующий сюжет, приведенный в книге А.И. Веселовского: жил во времена Соломона некий муж, у него было три сына. Умирая, отец завещал сыновьям наследство: на некоей горе зарыты один под другим три сосуда; старшему отец завещает верхнюю часть, среднему – среднюю, младшему нижнюю. Когда отец умер, обнаружилось, что в верхнем сосуде – семейное золото, в – среднем кости, а в нижнем – прах, земля. Сыновья посчитали, что отец был несправедлив в своем завещании, и обратились к царю Соломону, который и рассудил их.

Сходная ситуация и в поэме Т. Табулова. Т. Табулов, как и А. Куприн, безусловно, знал сюжеты о суде Соломона, как восточные, «мусульманские», так и русские и западноевропейские. Основоположник абазинской литературы был одним из самых образованных людей своего времени. Он всесторонне знал восточную культуру, свободно владел арабским языком, был одним из самых авторитетных арабистов. О глубоком знании Т. Табуловым русской литературы красноречиво говорят многие и многие факты, в том числе и блестящие переводы русской классики, в частности, «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина и басни «Слон и Моська» А.И. Крылова (переводы эти могли бы стать пособиями по теории и практике переводческого искусства).

Еще одно. Сюжеты о суде Соломона могли проникнуть в абазинскую среду (как, впрочем, во всю мусульманскую) независимо от Табулова и стать широко популярными в народе. Сказители, даже не подозревая об источниках сюжета о суде Соломона, могли рассказывать его как традиционную народную сказку, а собиратели – записывать и публиковать как обычное произведение устного народного творчества.

В статье Л. Котова и П. Чекалов, рассуждая о круге проблем, связанных с сюжетом о суде царя Соломона, приходят к верному, на наш взгляд, выводу: «Большая популярность сюжета и широкая его миграция привели к тому, что он видоизменялся, обогащаясь новыми национальными и этнографическими чертами, деталями и подробностями в зависимости от особенностей жизнеуклада воспринимающей стороны» [1, с. 176].

Присмотримся с этой точки зрения, как интерпретирует «воспринимающая сторона», в данном случае Т. Табулов, популярный сюжет. Прозаическая версия Табулова значительно отличается от поэтической. Во-первых, сказка «Как три брата обманули князя» состоит из трех эпизодов. В первом братья, от природы необыкновенно мудрые, находят уведенного кем-то у них коня, во втором – они же справедливо делят имущество умершего князя между двумя его сыновьями, в третьем – хитростью закупают большим участком земли у князя («столько, сколько накроет воловьша шура»). В «Старике-мудреце» Т. Табулов излагает в стихах второй эпизод сказки, т.е. то, что использовано в «Суламифи»: умирая, старый князь объявляет, что все свое наследство он поделит на три части, поместил в сундук и завещал: то, что лежит сверху – старшему, что по середине – среднему, а что в самом низу – младшему. Т. Табулов, по фольклорной традиции, не забывает отме-

тить, что злой и богатый князь «имел много отар овец, немало было у него скота и золота, ульев, табунов и другого имущества, а также немало рабов» [2, с. 40].

«Старик-мудрец» Т. Табулова, как уже сказано, – первая поэма в абазинской литературе. Она – сюжетно-повествовательная (эпическая) и другой не могла быть, ибо прямо и непосредственно выросла из фольклора, «не ведающего» психологического анализа событий и действий персонажа. Непреходящее значение ее в истории национальной литературы – в ее народности, в великолепном языке, в мастерстве повествования, в словарном богатстве лексики.

Поэма «Старик-мудрец» в значительной степени помогает решить теоретическую проблему, получившую определение «ускоренное развитие новописьменных литератур». Разгадывая тайну упомянутого ускоренного развития, ученые называют разные, в общем верные, соображения, но упускается из виду, что так называемые бесписьменные в прошлом народы обладали неисчерпаемым художественным богатством, вобравшим в свою орбиту не только собственный, но и иноэтничный опыт. Малые народы впитывали в себя духовную культуру многих народов, обогащая ее свою. Об этом, как нам кажется, недвусмысленно говорит поэма Т. Табулова «Старик-мудрец».

Накопленные в веках богатства искусства слова, выразившие собой общечеловеческое содержание и художественные методы его выражения, способствовали, наряду с другими факторами, скорейшему овладению наиболее талантливыми представителями молодых литератур жанровой системой развитых словесных культур, адаптации в стихии родной речи «секретов» профессионального мастерства ведущих писателей старописьменных литератур.

Библиографический список

1. Котова, Л.В. Веселовский, Куприн, Соломон и сказки народов Кавказа / Л.В. Котова, П.К. Чекалов // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. – Майкоп, 1999.
2. Табулов, Т.З. Старик-мудрец // М. Малхозов, Н. Меремкулов. Хрестоматия по литературе для 4 кл. начальной школы. – Черкесск, 1940. – на абазинском языке.

Bibliography

1. Kotova, L.V. Veselovskiy, Kuprin, Solomon i skazki narodov Kavkaza / L.V. Kotova, P.K. Chekalov // Aktualnihe problemih obtheyj i adihgskoy filologii. – Maykop, 1999.
2. Tabulov, T.Z. Starik-mudrec // M. Malkhozov, N. Meremkulov. Khrestomatiya po literature dlya 4 kl. nachal'noy shkoli. – Cher-kessk, 1940. – na abazinskom yazyhke.

Статья поступила в редакцию 20.05.13

УДК 82-6

Stenina V.F. THE HUNT IN THE CHEKHOV'S TEXT: THE RITE AND THE BEHAVIOUR'S STRATEGIES. In the article the earliest chekhov's about the hunt are compared to, which are discovered the general plot's situations, the knot's moments of narrative. It allows to combine them in the single text, where the hunt is represented in the realization of interdue meanings: as the rite which is connected with the orthodox's date of the finishing of Petrov's post, and as the behaviour's strategies of characters are shown their weaknesses and indiscretion.

Key words: Russian literature, A.P. Chekhov, the poetic, the hunt, the rite, the behaviour's strategies.

В.Ф. Стенина, канд. филол. наук, доц. АлмГПА, г. Барнаул, E-mail: steninafv@rambler.ru

ОХОТА В ЧЕХОВСКОМ ТЕКСТЕ: РИТУАЛ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

В статье сопоставляются ранние чеховские рассказы об охоте, которые обнаруживают общие сюжетные ситуации, узловые моменты нарратива. Это позволяет их объединить в единый текст, где охота представлена в реализации взаимообусловленных смыслов: как ритуал, связанный с православной датой окончания Петрова поста, и как поведенческие стратегии персонажей, выявляющие их слабости и несдержанность.

Ключевые слова: русская литература, А.П. Чехов, поэтика, охота, ритуал, поведенческие стратегии.

В прозе А.П. Чехова существует два рассказа, названия и история создания которых объединяют их в единый текст об охоте: «Петров день» (1881) и «Двадцать девятое июня» (1882). Данные произведения опубликованы с разницей в один год (29 июня), в канун православного праздника, Петрова дня. Названия текстов напрямую отсылают к этой знаковой дате. Более того, в первоначальной редакции рассказ «Петров день» назывался «Двадцать девятое июня (Шутка)». (С удовольствием посвящается гг. охотникам, плохо стреляющим и не умеющим стре-

лять)» и опубликован в журнале под псевдонимом Антоша Чехонте [1, т. 1, с. 567, 586]. Заглавия текстов являются прямыми синонимами. Сравнение произведений выявляет общие архетипические ситуации, узловые моменты нарратива, что позволяет говорить о едином пространстве повествования.

В культуре охота сопровождается всевозможными запретами и табу, что придает данному действию ритуальный характер [2; 3]. В произведениях писателя охотничьи мероприятия неотделимы от православного праздника, это отсылает к реалиям

конца века, напоминая о законе, запрещающем охоту до 29 июня. Данная связь праздника и процесса в чеховском тексте закрепляется за охотничьим действием черты гуляния (разговенья), связанные с окончанием в этот день поста (Петров пост) и снятием всех запретов. В этом – реализация иного, не связанного, на первый взгляд, с охотничьими мероприятиями, значения слова: охота как «страсть, слепая любовь к занятию, забаве» [4, т. 2, с. 773]. Снятие поста и запретов усиливает в охотничьем ритуале элементы праздничного гуляния и объединяет разные значения слова (как процесс ловли дичи и как склонность человека, его слабость, одержимость) во взаимосвязанные элементы действия.

В рассказах писателя обнаруживается наложение смыслов, отражающее совмещение различных значений слова охота: ритуал, тесно связанный с традициями (пост и снятие запретов после него), а также – поведенческие стратегии (охотник – тот, главное качество которого – несдержанность, чрезмерность в желаниях и страсть к чему-либо). Вариации осмысления охоты – взаимообусловленные и необходимые элементы охотничьих рассказов писателя.

Охота имеет амбивалентные характеристики: она отсылает к оппозиции жизнь/смерть [2]. С одной стороны, данное действие – это добыча пищи, а значит мероприятие, обеспечивающее жизненную потребность человека. С другой стороны, охота – борьба хищника и жертвы, выслеживание и убийство слабого. В данном ключе понимается и причастность к охотничьему ритуалу доктора, который традиционно представляется маргинальной фигурой: врач – это медиатор между жизнью и смертью [5]. Логично, что в чеховских рассказах доктор является постоянным, мало того, необходимым участником охоты:

«...за каким чертом доктор едет? Он же не умеет стрелять!...»

– Он прав, господа! Яне умею стрелять, не умею ружья даже держать...

– Вы должны ехать, доктор! Вы дали честное слово...» («Петров день» [1, т. 1, с. 69]).

Именно у молодого доктора, не умеющего стрелять и, на первый взгляд, случайного участника ритуала, спрашивают позволения приостановить охоту: «В силу того закона, так сказать, в некотором роде природы, что дичь от нас не уйдет... Давайте-ка прежде всего подкрепимся!.. Вот тут на травке! Вы какого мнения, доктор? Вам лучше знать: вы – доктор» [1, т. 1, с. 75]. Профессия закрепляет за ним право на решающее и весомое слово. Другое дело, что в тексте этот вопрос формален и не предполагает обязательного ответа, так как очевидна несостоятельность доктора и как врачевателя, и как охотника.

Одним из многочисленных табу, налагаемых на участников охоты в первобытном мире, было соблюдение строгого целомудрия, ограниченное общение с женщинами и отказ от пищи [3]. Данный запрет находит отражение в ироничной чеховской фразе: перед охотой забываются «дорогие харчи, тещи и даже молодые жены» [1, т. 1, с. 75]. Это выявляет сакральные характеристики процесса, которыми наделяют ожидающие его охотники, и продолжает мысль о ритуальности, обрядовости охоты.

В обоих рассказах это мероприятие сопровождается многочисленными скандалами, ссорами и взаимными претензиями участников, что реализует второй смысл слова «охота» и представляется неумением обуздать свои слабости: «Все почувствовали себя на седьмом небе, но... злая судьба!... не успели они выехать со двора, как случился скандал...» («Петров день» [1, т. 1, с. 68-69]); «В душах наших радости высшего качества сменились самыми скверными чувствами. Мы готовы были слопать друг друга и не слопали только потому, что не знали, с какого конца начать лопать...» («Двадцать девятое июня» [1, т. 1, с. 230]).

В данном контексте глагол «лопать», являющийся экспрессивным элементом в синонимическом ряду есть – принимать пищу – лопать, отсылает к чревоугодию и чрезмерности в еде: «Дичь от нас не уйдет, господа! Давайте-ка прежде всего подкрепимся! Винца, водочки, икорки... балычка...» («Петров день» [1, т. 1, с. 75]). Чревоугодие и охота соотносятся между собой таким образом, что первое является неотъемлемым признаком, сопровождением второго, и атрибутируют в тексте ситуацию проявления слабости.

В этом плане знаковой фигурой становится образ генерала, перегрызающего клыками горло перепелки и реализующего в рассказе несдержанность и чрезмерный разгул страстей. Данный эпизод – и сюжетное развертывание поговорочной метафоры: «перегрызть горло», «перегрызуха» в значении ссоры, бра-

ни, вражды [4, т. 3, с. 46]. Образ генерала перекликается с фигурами «лопающих друг друга» в перебранках охотников.

Таким образом, охотники приобретают черты жертвы, сближаясь с ней по признаку «съедобности», «возможности быть съеденным». В данном ключе прочитывается фраза: «...после третьей генеральские кучера уложили охотников в тарантасы» («Петров день» [1, т. 1, с. 79]), где недвижимость, бездеятельность участников процесса маркирует смену статусов. Любопытно, что стопки, выпитые охотниками и имеющие строгий счет в рассказах, являются прозрачной аллюзией «выпущенных в жертву пуль». Данное обстоятельство реализует морально-этические коннотации статуса жертвы в ритуале: жертвой своих слабостей оказываются охотники, не сумевшие справиться со своей несдержанностью.

На возможность смены статусов указывает также начало рассказа «Двадцать девятое июня»: «Над травой и над нашими головами, плавно помахивая крыльями, носились коршуны, кобчики и совы. Они охотились...» [1, т. 1, с. 224]. Тем более что в обоих рассказах целями охотников были дикие птицы.

При сравнении текстов обращает на себя внимание сходство персонажей-докторов: в одном из рассказов это – молодой доктор, в другом – земский врач, но в обоих случаях – безмянные фигуры. Индивидуальные, личностные характеристики, заявленные в персонажах именами, неважны, существенным в образах врачей оказывается их профессия. Кроме того, являясь единым повествовательным пространством, оба текста, во-первых, имеют сравнение фигуры доктора со свиньей: «Передайте ему (доктору), господа, что... что так делают только свиньи. А он свинья-с!» («Петров день» [1, т. 1, с. 79]); «Не понимаю этого, извините, (врачу) свинства!» («Двадцать девятое июня» [1, т. 1, с. 228]). В этих рассказах идентичную оценку получают совершенно различные поступки врача: в произведении «Петров день» – это мнимое соблазнение жены Егора Егорыча Обтемперанского; в рассказе «Двадцать девятое июня» – непомерное чревоугодие доктора, в результате которого охотники остались голодными и неудовлетворенными. И то, и другое воспринимается остальными участниками как предательство и подлость. Соблазнение жены соседа и «объедание» охотников ставится в один ряд и определяется по единой шкале ценностей.

Во-вторых, поведение доктора на охоте в текстах становится сюжетным развертыванием поговорочной метафоры – «подложить свинью». В рассказе «Петров день» врач все время мешает успешной охоте: то «от нечего делать пустил камешком в Музыканта и попал между ушей...» [1, т. 1, с. 72]; то, когда «взлетел крупный перепел... мерзавец доктор торчал как раз в области выстрела почти пред дулом» [1, т. 1, с. 72]. В произведении «Двадцать девятое июня» земский врач стал последней причиной расстроенной охоты: «Согласие было бы окончательно водворено, если бы не доктор. Доктор... подошел к коляске, развязал кулек и принялся ублажать себя водочкой и закуской» [1, т. 1, с. 228]. Участие врача в данном мероприятии заведомо обрекает на неудачу долгожданное и запланированное действие. Ревность Егора Егорыча Обтемперанского к врачевателю определяет в тексте традиционную для народной смеховой культуры ситуацию любовного треугольника (доктор-пациентка-муж) и подтверждает возможное нарушение табу на общение охотника с женщинами накануне мероприятия. Сравнение врача со свиньей также реализует ситуативное переворачивание: жертва и охотник. Свинья отсылает к образу жертвенного кабана, «священного вепря» [3, с. 430-433]. Подтверждает данную мысль ситуация, когда доктор случайным образом сам становится мишенью охотников.

Охотник, разделяющий дичь, соотносим с врачом, в процессе лечения «отсекающим», «отрубаящим» недуг от больного. В этом ключе прочитывается желание анатомизировать случайно убитого камнем суслика. Любопытно, что первоначальной целью охотников был коршун, которого «подстрелили и не нашли» («Петров день» [1, т. 1, с. 73]). Случайно подбитый суслик вместо запланированного коршуна (хищника, символизирующего высоту и величественность стремлений) придает происходящему комический, анекдотичный характер и заставляет усомниться в состоятельности охотников, которым пришлось довольствоваться подобным трофеем.

Рассказ «Он понял» (1883) продолжает тему охоты, однако в нем уже открыто решаются проблемы, которые в первых двух произведениях лишь были заявлены в подтексте. В охоте от-

крыто реализуется второе значение (как невоздержанность, слабость), что эксплицитно соотносит с недугом любовь к процессу выслеживания и ловли добычи: «А по моему глупому предположению... это не баловство, а болезнь... Все одно, как запой... Ты не хочешь, а тебя за душу тянет» [1, т. 2, с. 175]. Здесь пьянство и страсть к охоте стоят в одном семантическом ряду и становятся психологической зависимостью. Данное определение различного рода зависимостей являются традиционным для чеховской прозы («Комик», «В приюте для неизлечимо больных и престарелых», «Драма на охоте» и т.д.). Причем одна зависимость усугубляется другой: «Страсть как охоты захотел!... А водки как выпил разговлявшись, так и совсем шальной стал... Слышно мне, как какой-то тоненький, словно как будто ангельский, голосочек звенит тебе в ухе и рассказывает: поди, Пашка, постреляй! Могу предположить..., што это самое чертенок, а не кто другой. С того утра и взяла меня, это самое, тоска» [1, т. 2, с. 174]. Разговенье столочкой также отсылает к окончанию Петрова поста и окончательно связывает данный ритуал с праздничной датой, вынесенной в название первых двух рассказов.

Библиографический список

1. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. – М., 1974-1982. – Т. 1. – М., 1974.; Т. 2. – М., 1975.
2. Леви-Строс, К. Структурная антропология. – М., 2001.
3. Фрэзер, Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. – М., 1986.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1978-1980. – Т. 2. – М., 1979.; Т.3 – М., 1980.
5. Строев, А. Писатель: мнимый больной или лекарь поневоле? // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 5.

Bibliography

1. Chekhov, A.P. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t. – M., 1974-1982. – T. 1. – M., 1974.; T. 2. – M., 1975.
2. Levi-Stros, K. Strukturnaya antropologiya. – M., 2001.
3. Frehzer, Dzh. Zolotaya vetvj. Issledovanie magii i religii. – M., 1986.
4. Dalj, V.I. Tolkovihyj slovarj zhivogo velikorusskogo yazihka: v 4 t. – M., 1978-1980. – T. 2. – M., 1979.; T.3 – M., 1980.
5. Stroeve, A. Pisatelj: mnimihyj bolnoj ili lekarj ponevole? // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2004. – № 5.

Статья поступила в редакцию 20.05.13

УДК 82 – 3

Kulikovskaya E.I. THE ONTOLOGICAL COUNTERPARTS IN THE PROSE OF B. EVSEEV. Evseev's prose is analyzed from the perspective of the ontological poetics which is focused on the 'emblematic plots' of the writer's tales. The ontological counterparts are mainly not only heroes but also things, names, tools, animals, parts and functions of the body.

Key words: ontological counterpart, basic meaning, subject-inoform, emblem.

Е.И. Кулаковская, аспирант АлмГПА, г. Барнаул, E-mail: gostiay2904@rambler.ru

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ДВОЙНИКИ В ПРОЗЕ Б. ЕВСЕЕВА

В статье проанализированы тексты Б. Евсеева с точки зрения онтологической поэтики, выявляющей «эмблематический сюжет» рассказов писателя. Проанализированы «онтологические двойники» в прозе Б. Евсеева, в качестве которых выступают не только герои, но и вещи, имена, инструменты, животные, части и функции тела.

Ключевые слова: онтологический двойник, исходный смысл, предмет-иноформа, эмблема.

Изучение творчества Б. Евсеева с позиции онтологического интереса видится особенно актуальным, поскольку практически все его тексты являются яркими носителями бытийного кода. Не задаваясь глобальной целью осмыслить все аспекты онтологической поэтики в одной статье, остановимся на рассмотрении «онтологических двойников» в прозе автора.

С точки зрения онтологической поэтики, вещи и вещества наравне с людьми становятся героями текста: проявляется то, что можно назвать «эмблематическим сюжетом» или «онтологической схемой» произведения. Человек и мир уравниваются друг с другом через общее для них свойство существования и вещественности. «Онтологически, герой и заменяющий его предмет-иноформа настолько близки и взаимосвязаны, что двойник может проходить испытание, судьба героя может зависеть от двойника» [1, с. 36].

В прозе Б. Евсеева в ряде ситуаций онтологический вопрос о судьбе персонажа переносится на музыкальный инструмент, который исполняет роль двойника. Подобная онтологическая взаимозамена человека и вещи происходит в романе «Евстиг-

Таким образом, представленные охотничьи рассказы, обнаруживая общие сюжетные детали и переклички, являются единым повествовательным пространством, в котором охота представляется в различных смыслах. С одной стороны, это ритуал, отличающийся в рассказах определенным набором устойчивых элементов: неизменная дата, обязательная фигура доктора, на первый взгляд случайного участника обряда, и кулинарное пиршество, сопровождаемое ссорами и руганью. С другой – это выражение страсти охотников к обряду, который сводится к чрезмерностям в еде и эгоистическим слабостям, что осмысливается закономерной особенностью участников процесса. В рассказах слабости охотников, наиболее интенсивно проявляющихся в ритуале, становятся поведенческими стратегиями персонажей. Если в рассказах «Петров день» и «Двадцать девятое июня» синонимичность ритуала охоты и слабостей, несдержанностей охотников дана в подтексте через ситуативное развертывание поговорочных метафор и авторскую игру, то в произведении «Он понял» это уже напрямую заявлено в словах персонажа. Это в последнем рассказе соотносит охоту с недугом и психологической зависимостью.

ней». Эта смысловая линия реализует тему «предопределенности судьбы героя инструментом», их мистической связи: Фомина со скрипкой, Алымущи с арфой.

Так, устройство арфы на ассоциативном уровне соотносится с характером Алымущи. Интересно, что в данном случае, двойником является человек по отношению к предмету. Чем лучше Алымущка играет на арфе, тем ближе они становятся друг другу, тем большее влияние оказывает инструмент на человека.

Важно учесть тот факт, что онтологическая поэтика тяготеет к буквальному прочтению символов, поэтому взаимовлияние героя и инструмента происходит именно на уровне вещественности, конструкции вещи, строения деталей. Также имеет значение способ расположения инструмента в пространстве: «Арфу приятно было выставлять поперёк себя: подобно военному оружию. Или употреблять совсем противоположно: для сокрытия мыслей и чувств» [2, с. 82]. Таким образом, установление арфы перед собой во время игры является удобным способом утаивания чувств. В дальнейшем, мы увидим, что этот смысл так или иначе в ходе повествования раскрывает себя.

Инструмент является иноформой души: «Арфа была «как раскрытая настесь (всеми струнами наружу) душа» [2, с. 82].

Образ души появляется не случайно. «Открытую душу» инструмента Алымушка выставляет напоказ и заменяет ей собственную, так происходит онтологическая замена: «Музыкальная игра делала Алымушку весьма расчетливой, – по числу струн арфы, – делала (подобно этому музыкальному инструменту) вроде открытой для окружающих, а на самом деле весьма и весьма скрытной» [2, с. 82].

Скрытие настоящих чувств было очень удобно при дворе, но имело для судьбы героини печальные последствия. Алымушка со временем сама превращается в «живой инструмент». В тексте она упоминается только в сочетании с арфой и к концу романа именуется как «арфистка». Таким образом, подлинные волнения её души остаются непрявленными, а на первый план выступают «заданность», «отговорки и враньё», подсказанные устройством инструмента. Символически внутренний мир героини обозначен как круг: «Здесь круг замыкался, и всё возвращалось к началу» [2, с. 82].

Попытка выйти из круга происходит всего один раз, когда Алымушка решает написать историю своей жизни «для утверждения собственной правды, до времени крепко таимой» [2, с. 511]. Но устройство души по образцу строения арфы не позволяет ей это сделать. Поэтому, одним из главных смыслов, вытекающих из подобного «двойничества», является тема несчастливой любви. Онтологическая трансформация «человек-инструмент» ставит в прямую зависимость механику любви от механики игры. В результате чего, Алымушка уподобляется арфе на всех уровнях: «Арфа делала любящей бегло, наскоро. И любимых своих при том цепко, до крику – как ту струну изогнутым пальцем – щиплющей» [2, с. 82].

В этой связи, арфа становилась для Алымушки вместилищем и отображением окружающей действительности, и наделялась полномочиями определения судьбы: «И тогда уж арфа не только представлялась юной смоланке отображением жизни земной, но и навевала серебристо-летучим звуком образы жизни иной!» [2, с. 82].

Иначе отслеживаемый нами «исходный смысл» реализует себя в тематической связке «Фомин-скрипка». Судьба непризнанного музыкального гения полна странных и загадочных встреч и происшествий. В онтологическом ключе мистичность скрипки, скрытая в инструменте энергия материализуется в судьбе Фомина посредством ряда иноформ. Это и преследование музыканта иезуитами, и загадочный миф об «Орфее и Эвридике», и странные ночные видения.

В ассоциативный ряд инструмента входят гендерные образы-сравнения: «Сама же скрипка – ежели стойма её поставить – походила на карлицу-арапку, запряженную минувшим летом в саду на прогулке» [2, с. 54] и аллюзии к переменчивости женской натуры: «Те же проделки: визги и подхихиванья, а после – слёзы, а после – плач» [2, с. 54]. Важно отметить, что двойственная архаическая модель «слёзы – плач» играет в прозе Евсеева значимую роль. Поскольку от выбора возможности в пределах этой многовариантной системы, зависит дальнейшее развитие событий. В данном случае, речь идёт о сложности звучания, прихотливости скрипки, что явно скажется в ходе повествования на судьбе Фомина, и наиболее отчётливо в любовной линии. Общение Фомина со скрипкой осуществляется на общем языке телесности.

Совместимость-несовместимость звучания инструментов – «иноформ» является онтологическим знаком несостоявшихся отношений героев: «Мистика скрипки и обыденность арфы? Свобода скрипичная и заданность арфовая? Никогда!» [2, с. 559].

Интересным видится тот факт, что автор допускает возможность гармонии двух сердец, но отсутствие гармонии музыкальной оказывается важнее.

Исходный онтологический подтекст отношений реализуется и «овеществляется» в жизни Фомина и жизни Алымушки особым образом. Свобода в музыкальном сочинительстве Фомина, нежелание подчиняться, кому бы то ни было, смелая переделка партитуры матушки Екатерины не могли найти созвучие с подчинением Алымушки чужой воле. И хотя внутренний смысл событий Фоминым интуитивно осознаётся, скрипка остаётся главным элементом его жизни. И, таким образом, даёт направление другим её векторам. Трагичным в данной ситуации видится то, что: «Евстигнеюшка этой несоединимости музыкальных инструментов, накрепко сросшихся с судьбами людскими, признать не хотел...» [2, с. 559].

Так, смысловая линия несчастливой любви представляется неотвратимой и вполне предвосхищённой «исходным смыслом» предопределённости судьбы героя инструментом.

В «Романчике» Б. Евсеева скрипка также входит в число онтологически отмеченных предметов-двойников, реализуя свой скрытый потенциал при помощи формы, материала и приёмов скрипичной техники. Например, выступая как инструмент, она вдруг становится вместилищем лирико-философских смыслов. В связи с этим, онтологический вопрос о смысле и цели жизни героя, а также судьбы музыканта вообще переходит на уровень приёмов музыкальной техники. Выполняя «прикладные» функции, скрипка помогает герою «вскрывать» новые смыслы: «Мне надо взять с собой на кладбище скрипку, потому что в последнее время я занимаюсь на ней опосредованно. То есть, не вынимая из футляра. А только мысленно располагая скрипку в пространстве, в соответствии с линиями моего внутреннего слуха» [3, с. 35]. Так, иноформой инструмента в тексте выступает расположение скрипки в пространстве, мысленное представление, без прямого вещественного контакта.

О «приёмах скрипичной техники» как одной из эмблем в «Романчике» мы ещё будем говорить. В данном аспекте нас, прежде всего, интересует способность инструмента проявлять особый «онтологический» слой текста, его способность выступать в качестве двойника. В данном тексте наиболее очевидная замена – это переход материала для изготовления скрипки в живое тело, и наоборот. Герой играет в воображении с веществом, уравнивая его по возможности существования с реальной девушкой: «О-Ё-Ёй! Девушка-скрипка! То есть девушка, часто переходившая в моих мыслях из состояния деревянного в состояние чутко-телесное» [3, с. 46].

Примечательно, то, что родство и онтологическая подмена, пусть и воображаемая, происходят также по аналогии с устройством инструмента. Автор проводит подробный сравнительный анализ живого и «деревянного» тела, во многом отождествляя их: «Голова скрипки – это, конечно же, голова женщины: крупно завитая, сумасбродная; колки скрипичные – чёрные, тугие кудряшки; шейка скрипки – тут было ясно без слов» [3, с. 45]. По ходу повествования «женщина – скрипка» то уступает место реальной девушке, то совмещает в себе различные характеристики: «А, по-моему, ты как раз деревянная женщина и есть. Вот я беру скрипичную шейку и прикладываю к твоей. Прямо не отличишь. Из одного куска» [3, с. 100].

На наш взгляд, «онтологическая схема» произведения вводит в текст ряд ассоциаций, связанных с «деревом», «изготовлением тела», неким подобием формы инструмента и внешнего облика женщины.

Однако функцию онтологической замены в тексте могут выполнять не только «уполномоченные» персонажами тела, но и части тела. Так, исходный смысл «сопротавления смерти и жажды жизни» в некоторых пассажах проявляют части тела. Например, рот становится персонажем, заместителем всего живого тела в рассказе «Баран»: «Рот её шевелился, рот жил своей, отдельной от неё жизнью» [4, с. 97]. Впервые в рассказе рот появляется в тексте в связи с пением: «Чему-то безумно радующийся, чуть дёргающий верхней пораненной губкой рот: вмиг увиденный, широко наплывающий, несоразмерно большой, кровавый, красный» [4, с. 83]. Красный цвет актуализирует витальные смыслы телесного образа.

Важно заметить, что «телесность» в данном случае не связана с эротикой, речь идёт, прежде всего, об энергии жизни. Рот отстраняет на дальний план смыслы из области «материально-телесного низа» и выдвигает на первое место тему стремления к жизни, бытийности. Это подчёркивает и сам автор в тексте: «Рот, как орган речи и любви её совсем не интересовал. Рот, как инструмент пения – волновал её бесконечно» [4, с. 84]. И особенно в атмосфере войны, т.к. пение дарит иллюзию спасения и свободы: «Пение вещей толкало вперёд, вверх! Пронестись над пропастью жизни, перешагнуть её на волне звука! Перешагнуть, перелететь, уцелеть!» [4, с. 87].

В ходе повествования, рот принимает на себя дополнительные значения. Монах, которому героиня жалуется на то, что рот мешает ей спокойно жить, видит в этом не случайность, а Божий замысел: «Какой тебе рот нужен, такой и дан. Может, и страдаешь из-за него» [4, с. 84]. Таким образом, рот становится не только символом жизни, но и страдания.

Состояние героини также передаётся через описание образа-символа рта. В минуты душевного перелома и потрясений

«рот кривила судорога». Во время обморока: «Рот – разодрало вкось, рот пополз в сторону, вбок, мир опрокинулся и так, – опрокинутый острями гор вниз, – перед глазами и поплыл» [4, с. 92]. Рот заключает в себе все жизненные силы. Лишившись возможности пить, героиня не может даже молиться, поскольку пение и есть для неё молитва.

Рот способен жить самостоятельной жизнью, поскольку онтологическая проблема существования полностью принадлежит ему: «А вот ежели Господь призовет нас к себе? Сейчас же! Всех и сразу? Он кого же увидит? Рты, одни рты!» [4, с. 97]. Это, возможно, помыслить, потому что рот перетягивает на себя не только всю жизнь человека, но и надежду на спасение: «И нет кроме рта у человека ничего: ни духа, ни тела» [4, с. 97].

Рот в тексте – символический заместитель живого тела, претендующий на более полное замещение. Как пишет А. Большакова, данный символ в тексте также «реализует свою «оборотную» сторону (разрушительную, всепоглощаю-

щую функцию – ведь это и символ жадности, не только дыхания жизни)» [5, с. 19].

В итоге, рот приравнивается автором к бессмертному духу: «Дух был тверд. Дух был – рот» [4, с. 100]. Таким образом, исходный смысл «жажды жизни и сопротивления смерти» материализовавшись в конкретном образе-символе, побеждает неизбежный распад существования: «Рот её чуть дернулся: всё начиналось заново, смерти не было» [4, с. 100]. И так, мы видим, что в данном рассказе рот проецирует на себя все функции живого тела и решает онтологическую проблему его бытийной конечности.

Прозу Б. Евсеева отличает изобилие онтологических двойников, в качестве которых выступают инструменты, отдельные приёмы, животные, вещи, части и функции тела, имена, а также другие герои. Таким образом, судьба персонажа и онтологический вопрос о его бытийной конечности проецируется на какую-либо вещь, фактуру или же тело.

Библиографический список

1. Карасев, Л.В. Вещество литературы. – М., 2001.
2. Евсеев, Б.Т. Евстигней: роман-версия. – М., 2010.
3. Евсеев, Б.Т. Романчик: некоторые подробности мелкой скрипичной техники. Роман. – М., 2005.
4. Евсеев, Б.Т. Баран. Рассказы и повесть. – М. – 2001.
5. Большакова, А.Ю. Феноменология литературного письма. О прозе Бориса Евсеева. – М., 2004.

Bibliography

1. Karasev, L.V. Veshchestvo literaturih. – M., 2001.
2. Evseev, B.T. Evstigney: roman-versiya. – M., 2010.
3. Evseev, B.T. Romanchik: nekotorihe podrobnosti melkoy skripichnoy tekhniki. Roman. – M., 2005.
4. Evseev, B.T. Baran. Rasskazih i povestj. – M. – 2001.
5. Bolshakova, A.Yu. Fenomenologiya literaturnogo pisjma. O proze Borisa Evseeva. – M., 2004.

Статья поступила в редакцию 20.05.13

УДК 811.512.31

Chimitdorzhieva G.N. IMAGES OF RAIN IN THE BURYAT LANGUAGE. The analysis of figurative component of the concept *rain* is presented in the article as realities of linguistic and extra-linguistic contexts on the basis of entries of the Buryat language.

Key words: Buryat language, lexic, semantics, concept, image, metaphorization.

Г.Н. Чимитдоржиева, канд. филол. наук, помощник директора по международным связям Федерального гос. бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, E-mail: ch.gunsema@gmail.com

ОБРАЗЫ ДОЖДЯ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлен анализ образной составляющей понятия *дождь* как реалии лингвистического и экстра-лингвистического порядка на основе словарных статей бурятского языка.

Ключевые слова: бурятский язык, лексика, семантика, концепт, образ, метафоризация.

При исследовании языка всегда большой интерес представляет изучение лексико-семантических групп и тематических разделов лексики, относящихся к различным сторонам жизнедеятельности народов. Современные лингвисты активнее стали анализировать представления человека о мире в рамках лингвокультурологических и когнитивных исследований. В последнее время в бурятском языкознании также уделяют большое внимание данным лингвистическим направлениям.

Исследование лексики по семантическим разрядам предполагает широкий охват единиц словарного состава языка, что позволяет сопоставлять и сравнивать семантически близкие слова, выявлять круг диалектных и наречных слов. Некоторые лексико-семантические разряды современного бурятского языка довольно хорошо представлены в исследованиях лингвистов (названия животных, термины традиционного хозяйства, буддийские термины, обрядовая лексика, цветообозначения, наименования одежды, термины, обозначающие пространство и время, орографические термины и т.д.). Однако в бурятском языкознании имеются совершенно малоизученные, а то и не изученные лексико-семантические разряды слов. К такой категории относится метеорологическая лексика бурятского языка. Люди с древнейших времен вели свои наблюдения за явлениями природы,

что было жизненно необходимой составляющей их как части самой природы. Для бурятского народа природа, окружающая среда и, конечно же, погодные условия были важной составляющей их жизнедеятельности, как части традиционной кочевой культуры монголоязычного этноса.

Картина мира каждого народа находит свое выражение в языке, его структуре, ассоциациях, оценочных представлениях. Исследование и описание любой культуры с помощью ключевых слов языка, обслуживающего данную культуру, позволит раскрыть и представить ценности и этноспецифические особенности лингвокультурного сообщества [1].

Структурирование лексико-семантической группы слов, обозначающих погодные явления, является дискуссионной, нет единой точки зрения на ее состав и границы. Это очень богатый пласт слов, содержит большое число номинаций. Из их числа в нашей статье мы попытаемся представить анализ состава и структуры одного из них – понятия *дождь* на основе словарных статей [2; 3]. На наш взгляд, данный языковой концепт, обозначающий конкретное явление реальной действительности, представляет не меньший интерес как явление, которое в традиционном сознании выступает частью *неба* – одного из крупных концептов монгольских народов.

Концепт отражает когнитивную связь между человеком и познаваемым им миром. Образный и вербальный тип мышления человека позволяют осмыслить понятие концепта, включающей в себя информацию и представление о мире, которые хранятся в культуре народов в виде понятий и образов. Потому изучение и осмысление концептов как когнитивных категорий многоаспектны, усложняется составление целостного представления об отдельных концептах, и все это представляет собой интерес для лингвистов. Мы рассмотрим здесь некоторую образную составляющую концепта *дождь* как реалии не только лингвистического, но и экстралингвистического порядка.

В бурятском языке есть несколько лексем, обозначающих понятие *дождь*, среди которых общее нейтральное значение чаще всего передают *бороо* и *хура* и их парное сочетание *бороо хура*, *хура бороо(н)*. Только в эхиритском говоре бурятского языка *бороон* представляет длительный характер метеонима «затяжной дождь; ненастье». Реже применяются другие слова в отношении атмосферного явления *дождь*: *нойтон* от значения «влажный, сырой, мокрый; сырость» (напр., *нойто орохонь ха* «кажется, будет дождь»), *бороо нойтон* «дожди, ненастье», *шийг нойтон* «сырость; осадки (дождь, снег)», *уһа бороо* «дожди, дождь».

Зрительный образ дождя соотносится с синонимом *аадар* «ливень, проливной дождь», с его парным сочетанием *аадар бороо* «ливень, проливной дождь; гроза», в которых содержится визуальное отличие от общего значения, что характеризуется такими признаками как значительная динамика и сила, а также большое количество. Определения *уһа адхама* «проливной» > *уһа адха* «лить, проливать» и *нэбтэрмэ* «проницаемый, промокаемый» > *нэбтэр* «проходить насквозь, просачиваться, впитываться; промокать насквозь» в сочетаниях *уһа адхама бороо* и *нэбтэрмэ бороо* «проливной дождь» также указывают на обильное выпадение осадка. Эти признаки имеются и в словосочетаниях *мүндэртэй шанга бороон* «сильный дождь с градом», *хара бороо* «сильный дождь; самый разгар дождя». В последнем словосочетании применяется цветовая ассоциация дождя (*хара* «черный, темный»), которая, несмотря на обыденное восприятие воды как вещества, не имеющего цвета, используется при описании типа дождя, и тем самым усиливает его признаки, означая, что это такой силы дождь, что от его плотной завесы темно становится на улице. Фразеологический оборот *хура (бороо) хуулга хабаар (или хүнзэгөөр) адхагандал (или адхаган шэнги) орожо байна* схож с его русским эквивалентом «дождь льёт как из ведра» > «идёт проливной дождь» (*хуулга* «ведро», *хаба* «жбан; посуда», *хүнзэ* «деревянная бадья, ведро»).

К этой группе также можно отнести и сочетания слов с признаком, выражающим одновременно и силу, и интенсивность падения дождевых капель: *шабаданги бороо* «усилившийся, хлесткий дождь» от *шабаданги* «кучный, усилившийся» (> *шабада* «усиленно делать что-л.») и *шэмэрүүн бороо* «хлесткий дождь» от *шэмэрүүн* «студеный, холодный», *шааяма бороо* «шумный дождь» от *шааяма* «шумный» (> *шаая* «шуметь (о воде)»). Звуковой и тактильный образы, скрытые в словах-определениях, метафорично передают динамичность и силу дождя.

Слова с уменьшительной семантикой «дождик, дождичек, мелкий дождь, морось» имеют противоположные предыдущим характеристики: незначительная динамика и сила, и малое количество, однако по числу номинаций превышают группу слов описанную выше. Выражение данного признака происходит разными способами. Например, с помощью уменьшительно-ласкательного аффикса *-хан/-хэн/-хон* от слова *бороон* «дождь» образовано *бороохон* «дождик, дождичек». Продуктивен способ номинативной деривации, когда образуется составное сложное слово на основе словосочетаний из имеющихся в языке слов. Уменьшительные лексемы от прилагательных *заа* и *жэжэ* «маленький, мелкий» и наречие *бага сага* «немного, слегка, изредка» придают значение незначительной интенсивности: *заахан хура* «дождик», *жэжээн бороо* «мелкий дождичек», *шэбэгээнүүр жэжээн бороо* «мелкий моросающий дождик», *бага сага шэбэгээн бороо* «изморось». В языке зафиксированы еще несколько словарных статей, образованных данным способом: *шэдэрээ бороо* «изморось», *шэбэрээ* диал. «моросающий» (*зөөлэн шэбэрээ бороо* «моросающий дождь, морось», *хүйтэн шэбэрээ бороо* «мелкий холодный дождь») от глаголов *шэдэр* «моросить; крапать, накрапывать», *шэбэр* бич. «моросить мелкими каплями (о дожде); накрапывать», *хэнэ бороо* «редкий дождь».

Интересны примеры метафоризации значения в результате переноса свойств на основании сходства основного признака: *хабинаа бороо* «мелкий дождь» от *хабина* «шептать, шушукаться; моросить (о дожде)», *хабинаан* «шепот, бормотание»; *шэбэгүүр* перен. «мелкий, моросающий (дождь)» от значения «шептун» > *шэбэгэ* «шептать». В следующем примере данной номинативной группы *хэбэр хабархан бороо* «небольшой дождик» ключевым является основа *хэб*, которая в сочетании *хэб-хаб*, *хэб-хэб*, представляет образ легкого ветерка, его дуновение, и где *хэбэр* «легкий (о ветре); небольшой (о дожде)» уже сочетается с созвучным, с уменьшительным оттенком словом *хабар*. Другой интересный пример образного иносказания соотносится с *гуран* «гуран, дикий козел, самец косули» и *шээрэн* «склонный к недержанию мочи», сочетание которых представляет сходство анатомической особенности с мелким дождиком: *гуран шээрэн* (букв. «марал с частым мочеиспусканием») [4, с. 116] перен. «мелкий моросающий дождь», *гуран шээрэншүү жэжээн бороо* «мелкий-мелкий продолжительно моросающий дождь».

Следующий признак длительности летнего атмосферного осадка в бурятском языке также имеет несколько номинаций. Это *үһээ* «затяжной дождь», *үһээрэлэ* «затяжной дождь, ненастье (летнее)». Иногда сочетание *үһээ бороо* помимо значения «продолжительный (или затяжной) дождь» выражает еще интенсивность и силу в значении «проливной дождь». В двусловных атрибутивных словосочетаниях, где второй компонент *бороо* с общим значением, характеризуют затяжной характер дождя такие прилагательные как *нобио* «нудный, нерасторопный», *удаан* «медлительный; затяжной, длительный, продолжительный; долгий», *хуунги* / *хуумга* «осевший / сидячий, малоподвижный» (или *хуужа ороһон*): *удаан бороо*, *нобио бороон*, *хуунги (хуумга, хуужа ороһон) бороон*. В примере *хүхэ бороо* «сплошной (или затяжной, нудный) дождь» цветовая характеристика дождя *хүхэ* «синий, голубой» выражает продолжительность и силу природного явления. *Орой эхилһэн бороо* «поздно начавшийся дождь» также означает длительный дождь, который будет идти в течение нескольких дней. В бурятских диалектах от общепурятского слова *зада* «ненастье, непогода» длительный непрекращающийся дождь выражен в словосочетании *уһа зада* иволг., *уһа задан* закам. «непогода, затяжное ненастье». Непрерывность и длительность дождя представлены и в сочетании *үргэлжэ бороо* «непрерывный дождь», где *үргэлжэ* «постоянно, непрерывно, всегда; подряд, сплошь; сплошной, непрерывный». Примета *орохо тэнгэри орой соорхой* (говорится, если небо обложено тучами, а в середине «прореха», т.е. чистое небо) также вербализует данный признак концепта и означает длительный, затяжной дождь.

Главным признаком следующей группы названий дождя является его кратковременность. Это *түргэн хура* «кратковременный дождь» (*түргэн* «быстрый, скорый, спешный»), *сагаан аадар* «скоро проходящий ливень» (значение *сагаан* «белый» указывает на тот факт, что данный вид дождя идет в светлое время суток и при наличии солнца на небе), *үглөөнэй бороо* «утренний дождь» (по народным приметам быстро проходит, и потому данное сочетание является синонимом кратковременного дождя), *шэдэлһэн бороо* «косой скоропроходящий дождь».

Другая видовая группа содержит в своей семантике признак комфортности и кодируется тактильным образом тепла, теплой воды в солнечную погоду. Значения определений в сочетании с *бороо* содержат данный признак: *дулаан* «теплый; ласковый, приятный», *наратай* «солнечный, освещенный солнцем», *намжаа* «просторный, обширный; благодатный, приятный, ласкающий», *сагаан* «белый», *хархягай ургаха* «такой, при котором грибы будут расти» (*дулаан бороо*, *наратай бороо* «грибной дождь», *намжаа бороо* «приятный тёплый дождь», *сагаан бороо* «слепой дождь», *хархягай ургаха бороон* «грибной дождь (тёплый)»). Определенная степень комфортности, скорее ожидаемой необходимости заложена в сочетании *тоһон бороо* (букв. масляный дождь) «благодатный дождь» – дождь, идущий в нужное время, который сравнивается с маслом, являющийся ценным продуктом у бурят, для отражения высшего качества того, что выражено определяемым. В бурятской литературе также применяется фразеологический оборот *загаһанай бороо* «рыбный дождь (тёплый и мелкий при полном штиле, когда рыба хорошо ловится)».

Выявлены и другие виды дождя, не богатые по числу синонимов: дожди определенного времени года, суток (*зунай бороо*

«летний дождь», *намарай бороо* «осенний дождь», *•гл•нэй бороо* «утренний дождь»), имеющие форму и направление (*б•лэг бороо* «дождь полосой» от *б•лэг* «раздел, отдели, глава; группа, кучка», *алаглажа оро* «идти полосами (о дожде)», *шэдэлхэн бороо* «косою скоропроходящий дождь»).

Дождливая ненастная погода в бурятском языке представлена конверсивными существительными – *убһаг* «ненастье, непогода; промозглый, сырой, дождливый (о погоде)», *хагсуу* «ненастье; непогода; ненастный» (*хагсуу бороотой үдэр* «ненастный день с дождём»); производными от основ *бороо*, *хура*, *аадар*, *үһээр* «дождливая погода» – *бороорхуу*, *хураархуу* «дождливый» (*бороорхуу тэнгэри* «дождливая погода», *бороорхуу үдэрнүүд байна* «стоят дождливые дни», *хураархуу / хуралхаг намар* «дождливая осень»), *бороотой*, *хуратай(й)* «дождливый» (*бороотой үдэр* «дождливая погода», *хура бороотой уларил* «дождливый сезон, сезон дождей», *хагсуу бороотой* «ненастный», *аадар бороото* «ливневый, с ливнями; грозовой, с грозами», *хуратай газар* «местность, где выпадает много дождей»), *аадарай* «ливневый, грозовой» (*аадарай үлэн* «грозовая туча», *дуутай (или залинта) аадарай* «грозовой», *дуутай (или залинта) аадарта* «грозовой, с грозами»), *үһээтэй* «дождливый», а также другими атрибутивными сочетаниями – *бороо нойто-той үдэрнүүд* «ненастные дни», *шииг нойто элбэгтэй үдэрнүүд* «дождливые дни».

В описаниях атмосферного явления дождь широко используются и глагольные формы. Процесс самого действия выражается сочетанием *бороо ороно* «дождь идет» от *оро* «входить, въезжать, заходить, заезжать; идти (об атмосферных осадках)». Основная семантика данного процесса с некоторыми особенностями в зависимости от вида дождя отражена и в других синонимичных глаголах: *аадарла* «идти, лить (о проливном дожде)», *адхар* «литься, проливаться, течь», *бороото* «идти (о дожде), дождить», *мүндэрлэ* «идти, падать (о граде)», *үһээр* «идти (о затяжном дожде); дождить» (*тэнгэри үһээрээд байна* «идёт затяжной дождь; стоит ненастье»), *хуужа оро* «идти длительное время (о дожде)» от *хуу* «сидеться; сидеть; застревать» (*бороо хуужа ороо* «дождь зарядил»), *шэдэ* «косо идти (о дожде)» от основного значения «бросать, кидать, швырять; метать» (*бороо шэдэжэ ороно* «идёт косою дождь»), *алаглажа оро* «идти полосами (о дожде)» от *алагла* «испещрять, делать что-л. полосатым (или пёстрым)», *тооһор* «подниматься, клубиться (о пыли); говорится также, когда вдали идёт дождь или снег».

Но больше всего в бурятском языке глагольных сочетаний и синонимов, описывающих процесс данного атмосферного явления, со значением «моросить, капывать»: *бороожо* «моросить; часто идти (о дожде), дождить», *хура бударжа байна* «дождь моросит» от *будар* «выпадать, идти (об осадках)», *хабина* «моросить (о дожде)» от основного значения «шептать, шушукаться», *хабир* «стекать каплями, течь струйками» (*хабиржа оро* «моросить (о дожде)»), *шэбэр* бич. (см. *шэдэр*) «моросить мелкими каплями (о дожде); капывать» (*бороо шэбэрэн орожо байна* «дождь моросит»), *шэдэргэ* побудит. от *шэдэр* «моросить» (*бороо шэдэргэнэ* «моросит дождь»), *шэдэр* «моросить; капать, капывать» (*хура бороо шэдэргэ ороно* «дождь всё моросит»).

В следующих примерах мы наблюдаем наличие семантического уточнения звукового образа данного процесса. Это можно наблюдать и в некоторых примерах со значением «моросить» (*хабина*, *хабир*, *шэбэр*, *шэдэр*). Шум дождя репрезентируется в языке с помощью определенных фонем в корневой морфеме глаголов, выполняющих смыслообразительную функцию, а также наречий в сочетании с глагольными формами. Например, *бороо шааяжа байна* «идёт-шумит дождь» от *шаая* «шуметь (только о воде)», *шабжагана* «дробно стучать (напр., о дожде); тараторить», *шурхир* «течь с шумом (о реке); идти с шумом (о дожде)», *шэрбэ* «подхлёстывать, хлестать (напр., кнутом); капывать, барабанить (о дожде)», *абар-табар оро* «накапывать» (*абар-табар бороо дунаба* «дождик прошёл кое-где») от *абар-табар* «там и сям, местами; кое-где, редко, немного», *об-тоб боло* «накапывать (о дожде)» (*об-тоб бороо ороо* «кое-где покрал дождь») от *об-тоб* «там-сям, кое-где, местами», *дүнээр-дүнээр оро* «с гулом, гулко (напр., о дожде)», *бороо шэбэр хабир ороно* «моросит (дождь)» от *шэбэр хабир*, *хабир шэбэр* парн. «шёпотом; украдкой, тайком».

Обозначение звука дождя зафиксировано в словаре словосочетаниями *бороогой хүнхинөөн* «шум дождя» (> *хүнхинөөн* «гудение, гул, грохот; звон») и *бороогой жэгдэ хабинаан* «моно-тонные звуки дождя» (> *хабинаан* «шёпот, бормотание»).

Начало и прекращение дождя представлено глаголами-конкретизаторами с соответствующей семантикой, такими как *ханаха* в значении намерения совершить какое-л. действие (*бороо орохоёо ханажа байна* «надвигается дождь»), *эхилхэ* «начинать; начинаться» (*бороо эхилжэ байна* «дождь начинается»), *дулалха* «капать, падать каплями; накапывать» (*бороо дулалжа эхилбэ* «закапал (о дожде), дождь каплет»), *забдаха* «собираться, готовиться, приготавливаться; удосуживаться; успевать» (*бороо орохоёо забдажа байна* «надвигается дождь»); *арилха* «чи-ститься, очищаться; проясняться; переставать (о дожде)», *заллирха* «прекращаться, приостанавливаться; утихать (о боли)» (*бороо заллиржа байна* «дождь перестает»), *намдаха* «успокаиваться, утихать; смягчаться» (*бороо намдажа байна* «дождь перестает»), *сайраха* «прекращаться (о дожде)», *сэлмэхэ* «переставать (о дожде), тогтохо «устанавливаться, образовываться; утверждаться; останавливаться, переставать, прекращаться» (*хура тогтобо* «дождь на время перестал»), *тэнгэри онгойхо* «прекращаться (о дожде); очищаться от туч», *үнгэрхэ* «проходить (мимо), миновать; протекать, истекать (о времени)» (*бороон үнгэрү* «дождь перестал, дождь прошёл»), *хариха* «уезжать обратно, возвращаться; прекращаться, переставать (об осадках)» (*аадар харья* «ливень прекратился»). Как видно из примеров, в данных синонимичных словосочетаниях с существительными *бороо*, *хура*, *аадар* в большинстве своем передается действие завершения процесса выпадения осадка, выраженное соответствующими глаголами согласно его характеру, и которые, в основном, отражают постепенный характер прекращения дождя.

Другая группа глаголов, относящихся к концепту дождя, выражает зависимость физического состояния и самочувствия от дождливой погоды. Например, *бороорхо*-, *бороолхо*- тунк. «чувствовать недомогание, испытывать ревматические боли (перед дождём)», *зүдэр* «изнуряться, изматываться, изнемогать; истощаться в сочетании хура бороодо зүдэрхэ «утомляться от дождей», *хагсуурха* «страдать от плохой погоды», *борооһоо хагсуурхаха* «страдать от дождя; предчувствовать плохую погоду (напр., при ревматизме)», *бороодо шэрбэдэхэ* «мёрзнуть, конечеть в (сильный) дождь (о домашних животных)». Сюда можно отнести и ряд близких значений, демонстрирующих зависимость от дождя, от таких погодных условий, когда многие хозяйственные, бытовые и другие действия невозможны: *бороо оруулха* «переждать дождь; фольк. низводить (букв. заставляя идти) дождь», *бороо үнгэргэхэ* «переждать дождь», *бороондо хаатаха* «задержаться из-за дождя». Следствие дождя также находит свое отражение в словарных статьях: *толорон үнгэтэхэ* «сверкать чистой (после дождя)», *хурысаха* тунк. «полегать от дождя», *һэргэхэ* «ободряться, встраиваться; воспрянуть; оживать после дождя (напр., бороогой хүлээр ногоон һэргэбэ «после дождя оживилась трава») и т.д.

Согласно результатам анализа словарных статей в составе образного компонента доминируют визуальный и слуховой образы, менее выражены цветовой и тактильный образы. Преобладающими лексемами являются те, что описывают затяжной нудный и моросящий характер дождя. Метеоним описывается в языке с помощью отдельных лексем, его свойства и характеристики представлены определительными и глагольными сочетаниями. В заключении необходимо отметить, что анализ лишь одного концепта дождя из всей метеорологической лексики, который достаточно богат представлен в словаре бурятского языка, демонстрирует нам не простое его содержание. При дальнейшем исследовании рассмотренной лексико-семантической группы (отражение концепта в народных приметах, вербализация в эпических текстах (место данного атмосферного явления в небесном пантеоне) и в произведениях бурятских поэтов и писателей) изучение концепта позволит высветить более точно семантику, валентность и когнитивное содержание лексем.

Список сокращений

Говоры бурятского языка:
бич. – бичурский говор
иволг. – иволгинский говор
закам. – закамский говор
тунк. – тункинский говор
Условные сокращения:
букв. – буквальный
диал. – диалектный
напр. – например
парн. – парный

перен. — переносный
см. — смотри
фольк. — фольклорный

Условные обозначения
< дало..., развилось в...
> взято из..., заимствовано из..., развилось из...

Библиографический список

1. Красовская, Н.В. Некоторые особенности образного содержания концепта «дождь» в латиноамериканской художественной литературе // Известия Саратовского университета. — 2009. — Т. 9. — Сер. Социология. Политология.
2. Бурятско-русский словарь. — Улан-Удэ, 2006. — Т. 1.
3. Бурятско-русский словарь. — Улан-Удэ, 2008. — Т. 2.
4. Бальжинимаева, Ц.Ц. Лексика, связанная с наблюдением за погодой у бурят-кочевников // История развития бурятского языка. — Улан-Удэ, 2006.

Bibliography

1. Krasovskaya, N.V. Nekotoriye osobennosti obraznogo sodержaniya koncepta «dozhdj» v latinoamerikanskoy khudozhestvennoy literature / Izvestiya Saratovskogo universiteta. — 2009. — T. 9. — Ser. Sociologiya. Politologiya.
2. Buryatsko-russkiy slovarj. — Ulan-Udeh, 2006. — T. 1.
3. Buryatsko-russkiy slovarj. — Ulan-Udeh, 2008. — T. 2.
4. Baljzhinimaeva, C.C. Leksika, svyazannaya s nablyudeniem za pogodoj u buryat-kochevnikov // Istoriya razvitiya buryatskogo yazihka. — Ulan-Udeh, 2006.

Статья поступила в редакцию 17.05.13

УДК 81-13

Dzhura A.A. TYPE OF TEXT AS A COMMUNICATIVE CHARACTERISTIC (PHILOSOPHIC TEXT AS A TYPE).

One of the key characteristics of the text is its type. Type of text is the dynamic characteristic, which is due to the communicative and discursive circumstances. Type of text is a characteristic of the text, indicating that it belongs to a particular set of texts. Type of text affects the existence of a text as the impact on realization of the potential of this text in communication. The text can have a complicated typological structure - to belong to several types of texts. Philosophical text is part of a specific set of texts, it is connected to it by a philosophical problem, philosophical category (that present in it), and connection with philosophical tradition.

Key words: type of text, philosophical text, communication, discourse.

А.П. Джюра, аспирант Горно-Алтайского гос. университета, г. Барнаул, E-mail: alexey.dzhura@icloud.com

ТИП ТЕКСТА КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА (ФИЛОСОФСКИЙ ТЕКСТ КАК ТИП)

В статье раскрывается одна из ключевых характеристик текста, указывающая на принадлежность текста к той или иной текстовой совокупности — тип текста. Выявлено, что тип текста является динамической характеристикой, которая обусловлена коммуникативными и дискурсивными обстоятельствами. Тип текста влияет на бытие текста, поскольку влияет на реализацию потенциала данного текста в коммуникации. Текст может иметь сложную типологическую структуру — принадлежать сразу нескольким типам текстов. Философский текст является частью определенной текстовой совокупности и связан с ней посредством философской проблемы, философской категории (присутствующих в нём) и связи с философской традицией.

Ключевые слова: тип текста, философский текст, коммуникация, дискурс.

Проблему, которой посвящена данная статья, можно сформулировать в самом общем виде как вопрос о том, в чём состоит метод идентификации философского текста, что может позволить вычлнить его среди прочих, и каковы лингвистические основания, которые необходимо подвести под этот процесс. Данная проблема непосредственно связана с проблемой типологии текстов. По мнению К. Гаузенблаза, «...в лингвистике нет систематической классификации того материала, который дан ей изначально, а именно классификации *речевых произведений* (курсив авт. — Д.А.) [1, с. 57]. Для решения поставленной задачи выбрана коммуникативная парадигма лингвистического исследования текста. «В структуре современной филологии на правах ее междисциплинарного ядра существует филологическая теория коммуникации. Ее задачей является изучение коммуникативной деятельности человека посредством текста» [2, с. 88]. Именно представление о коммуникативной сущности текста, как одна из основных идей филологической теории коммуникации, является тем базисом, на котором может быть построена теория типологии текстов.

При разработке такого метода мы опираемся на следующий ряд суждений:

1. Существование некоего круга текстов, именуемых философскими, позволяет предположить наличие у этих текстов общих черт, которые дают возможность отнести тот или иной

из них либо к философским, либо к нефилософским. Эти черты (или «маркеры», в данном контексте означает, что они несут функцию указания на принадлежность текста к определённому типу, в нашем случае — к философским текстам) не принадлежат имманентно самим текстам, а принадлежат коммуникативной среде, в которой они находятся. Иными словами, философский текст — общее понятие для большого числа разновидностей текстов, в синтаксической, стилистической, грамматической структуре которых нет никаких определенных элементов, на основании которых их можно было бы однозначно объединить, а также вычлнить признаки таких текстов, присущие каждому из них. Это значит, что текст как материальный объект не имеет в своей структуре специфических признаков, указывающих на его принадлежность к тому или иному типу текстов. Абсолютных признаков философского текста на уровне типологической атрибуции не существует, в связи с этим нами утверждается коммуникативный и шире — дискурсивный характер данных признаков.

Проблема определения философского текста восходит к проблеме самоидентификации философии: на протяжении истории философии выдвигались различные варианты понимания философии, и однозначного ответа на этот вопрос до сих пор не существует. По словам А.С. Нилогова, «...только совсем недавно философия, и, как ни странно, в связи с постмодернизмом,

пытается подать свой голос независимо от науки и религии. И тут обнаруживается её литературный характер» [3, с. 9]. Поскольку сущность философии является открытым вопросом, понимание философского текста также различается в зависимости от исторических, коммуникативных и иных обстоятельств, в которых текст обретает своё бытие.

2. Текст есть определённого рода целостность, обладающая особенностями различного порядка, в том числе – дискурсивными и коммуникативными, которые обуславливают процесс типологизации текста, а также обстоятельства реализации потенциала текста в коммуникативной действительности. На основании анализа специфики данных свойств, как мы предполагаем, представляется возможным определить, принадлежит тот или иной текст к философским или нет. Таким образом, данные свойства являются для нас аналитическим материалом.

3. Обретая бытие в коммуникации, философский текст может функционировать как художественный, научный, эзотерический или какой-либо другой. Например, возможны ситуации философского прочтения текста «Евгения Онегина», что, тем не менее, не лишает его статуса художественного произведения, следовательно, в такой градации данный текст мог бы иметь место, хотя и находясь ближе к текстам нефилософским; помимо этого, сами философы нередко говорят о философском или нефилософском характере того или иного текста, например, тексты Р. Барта признавались нефилософскими, предлагалось считать их художественными, литературоведческими или культурологическими, хотя его работы, тем не менее, обсуждаются философами и активно используются при создании новых текстов. Это означает, что текст, находящийся в сфере художественной, научной, эзотерической или какой-либо другой коммуникации, будет попросту отсутствовать для философской коммуникации. Данное обстоятельство может иметь целый комплекс причин, среди которых одним из важнейших является специфическая сложность бытия текста в коммуникации.

4. Большинство текстов, как правило, принадлежит сразу нескольким сферам коммуникации, что влияет на возможность определения типа текста. Мы полагаем, что разработка проблемы типологии текстов может дать значимые результаты, несмотря на то, что, на первый взгляд, никакого устойчивого типа текста не существует, а существует лишь изменчивое бытие, которое формирует характеристику, меняющуюся вместе с обстоятельствами жизни текста. В этом отношении очень важно запечатлеть бытие текста, проанализировать принципы изменения в типологической структуре текста, увидеть, что влияет на этот процесс и что его обуславливает. С другой стороны, не всякий текст может быть назван философским или, к примеру, художественным, при определении текста в данном отношении обычно руководствуются некими представлениями, находящимися в поле самопонятности и интуитивной данности, и экспликация принципов, с помощью которых такая самопонятность обретается воспринимающим текст субъектом, и есть главнейшая цель настоящего исследования.

На понятии типа текста мы остановимся отдельно, чтобы прояснить его смысл в контексте данных рассуждений.

Библиографический список

1. Гаузенблэз, К. О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. – 1978. – Вып. 8.
2. Чувакин, А.А. Теория текста: объект и предмет исследования // Критика и семиотика. – Барнаул, 2004. – Вып. 7.
3. Нилогов, А.С. Что такое современная русская философия? // Кто сегодня делает философию в России. – М., 2007. – Т. 1.
4. Успенский, П.Д. Четвёртый путь. – М., 2001.

Bibliography

1. Gauzenblaz, K. O kharakteristike i klassifikacii rechevikh proizvedenij // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Lingvistika teksta. – 1978. – Vihp. 8.
2. Chuvakin, A.A. Teoriya teksta: objekt i predmet issledovaniya // Kritika i semiotika. – Barnaul, 2004. – Vihp. 7.
3. Nilogov, A.S. Chto takoe sovremennaya russkaya filosofiya? // Kto segodnya delaet filosofiyu v Rossii. – M., 2007. – T. 1.
4. Uspenskiy, P.D. Chetvertiy putj. – M., 2001.

Тип текста – это характеристика текста, указывающая на его принадлежность к той или иной текстовой совокупности. Важно, что тип текста обуславливается взаимодействием его с другими текстами, тип текста проявляется в отношении. Итак, тип текста – относительная характеристика. Помимо этого, поскольку взаимодействие между текстами происходит постоянно, непрерывно образуются новые связи, прерываются старые, а отдельно взятый текст может функционировать в различных областях коммуникации, тип текста является динамической характеристикой.

Текст обретает бытие в коммуникации, и именно в пространстве коммуникации текст обретает характеристику типа, к которому он принадлежит. Это положение имеет два интересных следствия. 1. Текст может иметь сложную типологическую структуру – принадлежать сразу нескольким типам текстов. 2. Культурный и интерпретативный потенциал текста может быть обеднен (если «намерение текста», транслирующее его качественные характеристики, интерпретировано таким образом, что текст оказывается неспособен в данной коммуникативной ситуации реализовать свой потенциал).

Функционирование текста в коммуникации обуславливает то, каким образом он интерпретируется и то, насколько его потенциал реализуется и находит отклик в культуре.

К примеру, текст П.Д. Успенского «Четвёртый путь» [4] обладает рядом признаков философского текста, среди которых – философская проблема, стоящая в центре исследования, философские категории, используемые в тексте, а также связь с философской традицией. При переводе текста с языка оригинала (английский язык) на русский текст, вследствие действия различных факторов коммуникации и дискурсивных факторов, текст, обладающий большим философским потенциалом, начал рассматриваться как сугубо эзотерический, что определило на многие годы специфику восприятия данного текста в российской культуре. Таким образом, текст «Четвёртый путь», погруженный в коммуникацию, обрел бытие в качестве эзотерического текста, несмотря на его большой философский потенциал.

Итак, в данной статье мы описали базовые методологические принципы идентификации философского текста. На основании данных рассуждений мы пришли к следующим выводам:

1. Тип текста является динамической характеристикой и напрямую связан с коммуникативными и дискурсивными обстоятельствами бытия текста.
2. Философский текст является частью определенной текстовой совокупности и связан с ней посредством философской проблемы, философской категории (присутствующих в нём) и связи с философской традицией. Не каждый текст может быть идентифицирован как философский.

3. Текст П.Д. Успенского «Четвёртый путь» обладает философским потенциалом, но функционирует в русской культуре как эзотерический текст, благодаря действию коммуникативных и дискурсивных обстоятельств. Следовательно, характеристика типа текста является коммуникативной, в то время как содержательная структура текста может указывать на наличие в тексте потенциала, который не раскрыт в коммуникации и культуре.

Статья поступила в редакцию 20.05.13